

ОСТАРА
№ 40

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

В НОМЕРЕ:

ВЕСЕННИЙ БЛОТ
ОБРЯД БЛОТВЕЙЦЛА
ШЛЕМЫ ВИКИНГОВ

ЛОЖКА ИЗ ХЕДЕБЮ
КАМЕНЬ ИЗ СПАРЛЁСЫ
ЛАНДВЕТТИР

СЕВЕРНЫЙ №40 ВЕТЕР

ОСТАРА 2023

Главный редактор:

Маша Юлина (Ранхильд),
дом Веретено Фригг
(Минск — Сан-Франциско)

Редакторы:

Алина Петрова (Сигрид),
годорд Иггдрасиль (Киев — Краков)

Алексей Глазачев (Андвари),
(Москва)

Анастасия Зимова
(Москва-Стурвик)

Верстка:

Анна Пермина

Корректоры:

Esgal

Дизайн номера:

Анна и Вадим Пермины

Обложка:

Иллюстрация на обложке нарисована
искусственным интеллектом
Midjourney

Дизайн — Алина Петрова (Сигрид)

Редакция выражает благодарность
за помощь при подготовке журнала:

А.А. Хлезову, И.Б.Губанову, Ольге
Маркеловой, Esgal, Александру
Северову, Юлии Антоновой-
Андерссон, Анне Блейз, паблику
«Асатру Урал», паблику «Библиотека
викинга», Василию Баринцеву,
Вячеславу Барышникову, Дмитрию
Даммеру, Тимофею Ермолаеву,
Вадиму Пермину, Ulfr Gunnarsson,
Алене Байковой, Ире «Искра», Никите
Семерику, Aldraw, Kate Vigdis,
Grimmahugr Ormstunga, Iren Horrors,
Velga, Anette Pirso, Юле Пономарчук,
Ольге Шумаковой

Наши контакты:

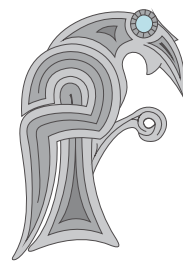
http://vk.com/yggdrasil_ukr
годорд Иггдрасиль

<http://vk.com/friggerock>
Веретено Фригг

<http://vk.com/nordanvindr>
открытая группа журнала

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКЦИИ	4
НОВОСТИ	5
ЛЮДИ, С КОТОРЫМИ НАМ ПО ПУТИ	
Интервью: Ольга Маркелова	10
ИССЛЕДОВАНИЯ	
Блотвейцла	17
А.А. ХЛЕВОВ, И.Б. ГУБАНОВ	
Шлемы викингов X века	28
Александр СЕВЕРОВ	
Загадка шведской провинции	38
Юлия АНТОНОВА-АНДЕРССОН	
Сновидения в культуре народов Скандинавии	42
Аркадий СОЛОНИН	
Влияние «германского мира» на эстив	44
Ольга ШУМАКОВА	
Снорри Стурлусон: Нарративные модели конструирования языческого прошлого	52
Вячеслав БАРЫШНИКОВ	
Осознанные сновидения во времена викингов	59
ESGAL	
ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ	
Интервью: Ира «Искра»	64
ПЕРЕВОДЫ	
Весенний блот	70
Перевод: Анастасия ТИШУНИНА	
Три урока Харальда Сурового	72
Перевод: Анастасия ТИШУНИНА	
Дикая Охота и Фрау Перхта. Часть II	82
Перевод: Ульф ГУННАРСОН	
Северогерманское лингвистическое древо	87
Перевод: Тимофей ЕРМОЛАЕВ	
Положение женщины в средневековой Скандинавии	89
Перевод: РАНХИЛЬД (Мария ЮЛИНА)	
Ландветтир: духи местности	95
Перевод: Анна БЛЕЙЗ (с)	
A Book of Troth	99
Перевод: Дмитрий ДАММЕР	
AÐ MAGNA — Наделение силой	101
Перевод: Алексей ГЛАЗАЧЕВ	
Дорога в Хель	103
ESGAL	
СКАЗКИ	
Волшебные норвежские и исландские сказки	112
РЕКОНСТРУКЦИЯ	
Ложка из Хедебю	114
Никита СЕМЕРИКОВ	
ТРАДИЦИОННАЯ КУХНЯ	
Скандинавская кухня	117
Василий БАРИНЦЕВ	
Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов	122
Перевод: Дмитрий ДАММЕР	
КНИЖНАЯ ПОЛКА	
Рецепция древнеисландской словесности в современной исландской графической литературе	125
Ольга МАРКЕЛОВА	
Краткий обзор древнескандинавской литературы	132
Вадим ПЕРМИН	
ТВОРЧЕСТВО	
Стихи Grimmahugr Ormstunga, A.S.	137
Арт Iren Horrors	139
Арт Aldraw. Комикс «Исландская мечта», Глава 5	140
Арт Velga, Kate Vigdis, Anette Pirso	142

3...

СЕВЕРНЫЙ
ВЕТЕР

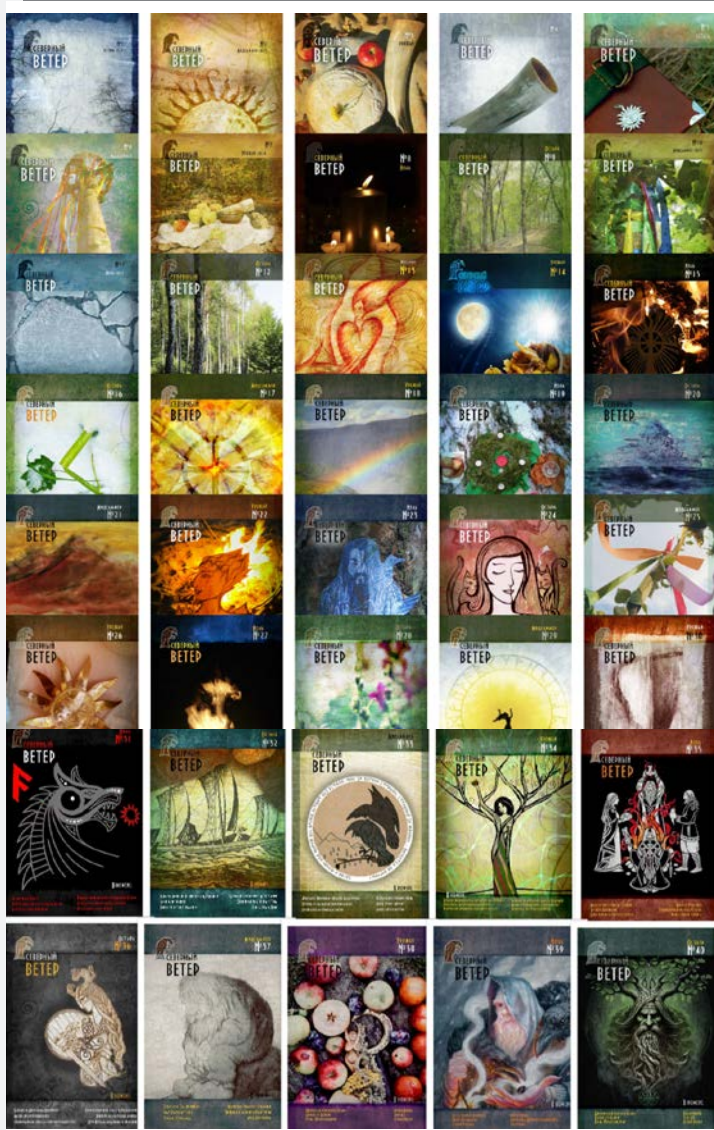
№40
2023

*Мы летим, ковыляя во мгле,
Мы ползем на последнем крыле.
Бак пробит, хвост горит, и машина летит
На честном слове и на одном крыле... (с)*

Вот примерно так, «на честном слове и на одном крыле», мы и делали журнал все эти десять лет. ДЕСЯТЬ лет, СОРОК выпусков, и каждый раз, печатая долгожданное «мы представляем вам новый номер журнала «Северный ветер», не могли поручиться, что сможем написать эти слова еще раз. И все-таки писали. Снова и снова. И очень надеемся, что продолжим писать и в новой декаде истории журнала.

А знаете ли вы, что, начиная работу над новым номером, мы никогда не знаем его тему заранее и никогда не выбираем ее специально? Самое невероятное в нашей работе — это наблюдать, как из тысячи совпадений и удивительных событий, вдруг совершенно внезапно складывается единая нить повествования. Слово один из небесных редакторов начинает разыгрывать пока еще только ему ведомый сюжет. Наша задача — смотреть и слушать. А после — рассказывать вам.

Трудно ли в течении десяти лет выпускать бесплатный журнал? Трудно. И легко. Потому что с такой самоотверженной командой (верстать из больницы? — *сделаем*; добыть и вычитать журнал без интернета и по пояс в снегу? — *сейчас что-нибудь придумаем*; нарисовать обложку без света во время воздушной тревоги? — *я справлюсь*; нужно было еще вчера перевести четыре новости и три статьи? — *ну что ты будешь делать, присылай*) нам ни черта не страшно.

И ЗА ЭТО — СПАСИБО!

Спасибо и слава нашим богам, без поддержки которых история журнала закончилась бы еще десять лет назад. И спасибо нашим бессменным авторам, нашим коллегам и неравнодушным читателям. Мы гордимся, что стоим в одном ряду с такими людьми и делаем одно общее дело на благо нашей Традиции.

НУ И ПОДАРКИ. Вы же не думали, что в такой день мы оставим вас без подарков? Вот как ни банально, но лучший подарок, который может сделать редакция журнала своим читателям — это возможность продолжать читать книги любимых авторов. Поэтому в честь нашего юбилея мы разыграем сертификат на 50 долларов (в эквиваленте валюты вашей страны) в один из следующих книжных онлайн магазинов:

<https://oz.by/>

<https://www.ozon.ru/>

<https://www.yakaboo.ua/>

Правила розыгрыша традиционно просты:

— сделать репост записи о выходе сорокового номера «Северного Ветра» на своей страничке в контакте;

— быть участником группы нашего журнала

<http://vk.com/nordanvindr>

21 апреля 2023 года мы попросим богов выбрать самого достойного и с помощью рандомайзера определим победителя.

Выражаем робкую надежду, что вы потратите сертификат на книги о Северной Традиции.

Ну а мы?

Мы ушли, ковыляя во мгле,

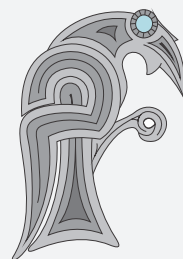
Мы к родной подлетаем земле.

Вся команда цела, и машина пришла

На честном слове и на одном крыле.

Редколлегия:

Ранхильд, Сигрид, Андвари, Анастасия

5...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

Северный Ветер в Facebook: <https://www.facebook.com/groups/nordanvindr>

Северный Ветер в Instagram: <https://www.instagram.com/nordanvindr/>

«Северный Ветер» в Telegram: <https://t.me/joinchat/9g6CN-4hfyUxNzBi>

Картотека всех материалов: <https://docs.google.com/document/d/1asV3vm8B814J2Sq3rVjATB0Bn0QHAlaIBI3HroCbA8/edit?usp=sharing>

ОТ ДРУЗЕЙ

Александр ХЛЕВОВ:

«Знаком с «Северным Ветром» несколько лет. И не перестаю удивляться вкусу и искусству создателей журнала. Удержаться на тонкой грани, разделяющей высококолубую науку и своевольный и подвижный мир искренних любителей северной культурной традиции — задача не из простых. Именно с ней успешно справляется коллектив «ветерян». И остаётся одинаково интересным и первым, и вторым.

Новых номеров, новых читателей, новых открытий — и прежнего вдохновения!»

Вадим ПЕРМИН:

«Всякое поздравление, а тем более публичное, сопряжено с ответственностью. В данном случае риск потерять объективность возрастает, поскольку чувствуешь себя причастным... И тем не менее:

Дорогие друзья, я от всей души хочу поздравить Нас всех с юбилеем «Северного Ветра»! Мне кажется, десять лет — это достаточно много. И главное, есть чем гордиться:

Во-первых, журнал жив, он издаётся, несмотря ни на что.

Во-вторых, что важнее, его читают. Читают люди из разных стран, люди разных взглядов, разного возраста.

В-третьих, для журнала пишут. Пишут как известные учёные и писатели, так и молодые исследователи и авторы.

Наконец, новости науки, переводы, анонсы книг, творчество...

Спасибо Вам, дорогая редакция, что делаете «Северный Ветер». Прекрасно представляя, чего стоит каждый номер, я горжусь знакомством с Вами.

Нелегко было стать лучшим, гораздо труднее держать уровень, оставшись единственным!»

...6

Богдан (ЭЙНАР) @viking_way:

«Меня очень радует, что вы продолжаете работать, держать марку и, более того, постоянно её повышать. Очень приятно сбрасывать информацию новым людям, которые, несмотря на все жизненные перипетии, приходят в Традицию и жаждут тех капель необходимых знаний, чтобы грамотно двигаться к истокам. А журнал в этом очень и очень сильно помогает, постоянно корректируя путь под ногами идущих! Поэтому пусть и вас также хранят боги, чтобы было кому быть той важной путеводной звездой! Огромное вам за это спасибо!»

Анастасия ТИШУНИНА:

«Поздравляю с десятилетним юбилеем! Я радуюсь и горжусь, что судьба и боги привели меня в ряды авторов этого замечательного журнала. Найти что-то, что тебя заинтересует в жизни, копаться в этом, «гореть» своей темой, в данном случае эпохой викингов, — это счастье, без которого человеческая жизнь будет просто существованием. Но возможность разделить свой интерес с командой единомышленников, которые «горят» так же — счастье во много раз большее. Спасибо, «Северный Ветер», что ты есть. Будь и дальше! Впереди новые увлекательные десять лет работы, поисков и открытий.»

Молот Тора найден в Южной Швеции

Археологи обнаружили в южной Швеции в провинции Лахольм амулет — молот Тора, изготовленный в конце десятого века. На этой территории уже давно ведутся раскопки, и здесь найдено множество предметов, однако относящихся к более старым либо более новым историческим периодам. Но этот молот — первая находка из эпохи викингов.

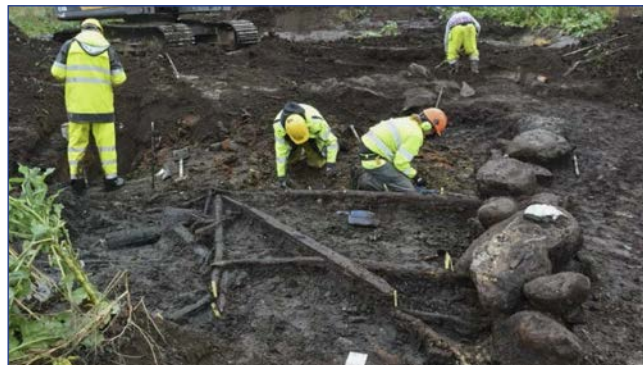
Археолог Пер Враннинг держит амулет в руках. «Я и представить не мог, что нам удастся обнаружить нечто подобное, — говорит он. — Размер молота — три сантиметра. Он сделан из серебра. И, несмотря на прошедшие века, узор на нём всё ещё можно разглядеть. По всей видимости, он был изготовлен в конце десятого века, когда христианство уже распространялось по Скандинавии, но и языческие верования были всё ещё сильны».

Раскопки проводятся на территории, которую планируют застраивать новым жильём. Здесь уже не раз находили артефакты из других эпох, например, на тысячу лет раньше, чем эпоха викингов. Здесь найдены фундаменты построек раннего железного века и римские монеты. Однако, несмотря на предыдущие находки, радости археологов, когда они обнаружили этот молот, не было предела. «Это большая удача, — говорит Пер Враннинг, — что мы нашли амулет, да ещё в таком красивом исполнении».

Источники новости: [Torshammare fr n vikingatiden hittades i Ysby — P4 Halland | Sveriges Radio](#)
 Фото: Патрисия Торвальдс / Радио Швеции

В Швеции нашли водяную мельницу тысячелетней давности

Водяная мельница была построена примерно в 1070 году в Сёльвесборге, тогда входившем в состав Дании. Она была поистине одним из самых высокотехнологичных изобретений того времени. «Это просто невероятно», — говорят археологи.

В то время только исключительно богатые слои общества могли иметь доступ к таким технологиям, и поэтому считается, что её построил король Дании.

Почти тысячу лет спустя муниципалитет Сёльвесборга запланировал расширение промзоны к северу от города. Перед тем как приступить к строительству, власти отправили на разведку археологов. Предполагалось, что те, возможно, найдут какие-нибудь кости.

«Один из наших коллег обнаружил в этих местах лошадиные кости десять лет назад, поэтому мы рассчитывали, что найдём что-то подобное, возможно, место жертвоприношения или что-то в этом роде из эпохи викингов, — говорит Карл Перссон, археолог, ответственный за раскопки. — Потом мы наткнулись на огромное каменное сооружение». По его словам, потребовалось некоторое время, чтобы понять, насколько масштабна находка.

Установить время сооружения постройки было не так просто. Данная конструкция была настолько эффективна, что использовалась вплоть до XX века.

Внести ясность помог радиоуглеродный анализ, а также метод расчёта возраста древесины. Так и выяснилось, что мельница была построена около 1070 года, на излёте эпохи викингов.

— Это самая старая мельница в Скандинавии. До этого самой старой считалась найденная в Дании мельница, которую датируют серединой XII века, но наша по меньшей мере на 70 лет древнее, — рассказывает Карл Перссон.

Источник: [Tusenårig kvarn hittad i Sverige: "Det är helt överkligt" \(nyteknik.se\)](#)

Перевод новостей: Анастасия Зимова

Самый древний рунический камень в мире найден в Норвегии

Норвежские археологи утверждают, что обнаружили древнейший в мире рунический камень, созданный неизвестным мастером почти 2000 лет назад. Уникальная находка старше всех предыдущих рунических камней как минимум на несколько столетий.

Квадратная плита из коричневого песчаника размером примерно 30 на 30 сантиметров была обнаружена в конце 2021 года во время раскопок древнего могильника в районе озера Тирифьорд, расположенного к северо-западу от Осло. Углеродный анализ останков костей и древесного угля, найденных в могиле рядом с камнем, позволил предположить, что руны были вырезаны примерно между 1 и 250 годами нашей эры.

«Мы думали, что первые рунические камни появились в Норвегии и Швеции примерно в 300-400-х годах нашей эры, но оказалось, что история таких камней начинается гораздо раньше», — рассказывает рунолог и профессор Университета Осло Кристель Зильмер.

Камень заслуженно окрестили «уникальным открытием» и «мечтой рунологов».

«Эта находка позволит расширить наши знания об использовании рун в раннем железном веке. Возможно, это одна из первых попы-

ток создания рунических камней в Скандинавии», — продолжает свой рассказ Кристель Зильмер.

На камне четко видна надпись из восьми рун, которые можно транскрибировать как «idiberug». По мнению археологов, эта надпись, вероятнее всего, является мужским или женским именем и имеет непосредственное отношение к останкам человека, лежащего в могиле.

До этого самой ранней из известных нам рунических надписей на старшем фургарке считалась надпись на гребне из оленьего рога, найденном в местечке Вимос на острове Фюн в Дании. Она датируется примерно 200–300 гг. н.э.

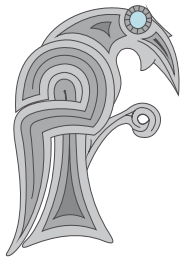

Источники новости:

<https://www.dw.com/en/archaeologists-find-worlds-oldest-runestone-in-norway/a-64427741>

<https://www.sciencealert.com/worlds-oldest-runestone-uncovered-in-norway-spells-out-a-mysterious-word>

Перевод: Ранхильд (Мария Юлина)

Хочется порадовать наших читателей — в свет вышла книга К. Н. Скворцова «Элитные погребения эстиев в эпоху Переселения народов».

Монография посвящена обобщению и введению в научный оборот данных о привилегированных погребальных комплексах в ареале самбийско-натангийской культуры, относящихся к эпохе Великого переселения народов, а также изучению их в общекультурно-историческом контексте циркумбалтийского региона. В публикации предпринята попытка реконструировать общий исторический контекст возникновения родовых элит в обществе эстиев, особенности погребального инвентаря, показана географическая обусловленность положения этих погребений в инфраструктуре микрорегиона и их безусловная связь с янтарной торговлей.

По вопросам приобретения обращайтесь к Ольге Шумаковой — https://vk.com/o1ga_shu WhatsApp, Telegram: +79814626119

О результатах работы Самбийской экспедиция ИА РАН под руководством К.Н. Скворцова вы можете прочитать в этом номере «Северного Ветра».

9...

Беседовала:
Анастасия ТИШУНИНА

Интервью: Ольга Маркелова

... 10

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

С Ольга, здравствуйте! Большое спасибо, что согласились на интервью, мы очень рады опубликовать его в юбилейном номере. Юбилей — это всегда некое подведение итогов. Расскажите, пожалуйста, о самых значимых ваших свершениях на литературном поприще за последние годы.

Было трудно, но интересно.

Я перевела некоторое количество романов с исландского, в их числе — философская сказка Ауртни Снайра Магнасона «Ящик времени», исторический роман по мотивам саг «Торвальд Странник», принадлежащий перу крупного исландского филолога-русиста Ауртни Бергманна, трагическая история женщины-вулканолога «Вулканы, любовь и прочие бедствия», написанная телеведущей Сигрид Хагалин, а также несколько довольно толстых и сложных

романов Хатльгрима Хельгасона. Мне удалось подготовить две антологии своих стихотворных переводов с фарерского и исландского — соответственно «Классики фарерской поэзии» (2017) и «Антология современной исландской поэзии» (2018). Также среди переводов крупных текстов — пьеса исландки Свавы Якобсдоттир «Генеральная репетиция»; эта пьеса была даже поставлена в одном московском театре.

Кроме того, в различных журналах у меня выходили переводов стихов современных исландских поэтов: Тоурарина Эльдьяуртна, Ингибьёрг Харальдсдоттир, Сигурлин Бьяртнэй Гисла-

доттир, Гвюдберга Бергссона, Каури Тулиниуса и многих других, а также современных фарерских авторов, например, Агнара Артювертина и Лидии Дидриксен.

В истёкшем году я перевела два относительно коротких текста величайшего исландского поэта Йоунаса Хатльгримссона (1807–1845) — новеллу «За мхом» и стихотворение «Конец пути». Несмотря на свой скромный объём, эти произведения крайне важны для истории исландской литературы (соответственно, первый в ней образец жанра новеллы и один из самых значимых образцов любовной лирики) — и почему-то до сих пор этих текстов не существовало на русском языке, и я решила срочно исправить этот недостаток.

Также я сделала книжку другого крупного исландского поэта, уже нашего с вами старшего современника, Сигурда Паульсона (1948–2017): речь идёт о полном переводе его сборника стихов «Ljóðnámusafn» (по-русски он получил авангардистское название «ВСЁВЗЯЛСТИХ»). Я употребляю в отношении этой книги слово «сделала», потому что в ней мне принадлежит не только перевод, но и предисловие, и подбор иллюстраций, и вёрстка, и оформление... В данном случае это был особый проект (мой и исландского издательства «Forlagið») — некоммерческое электронное издание, и эта книга существует только в электронном виде — будем надеяться, что лишь временно.

Также мне удалось поработать редактором чужих переводов нескольких интересных исландских романов.

В вопросе прозвучало слово «итоги». Но «итог» — это всегда конец какого-то пути, а когда я работаю над текстами, то ощущаю, что конец пути нескоро, всё ещё только начинается и впереди ещё много новых строк.

С На наших страницах публиковались ваши переводы с исландского, фарерского и датского языков. С каких ещё языков вы переводите? А на скольких читаете?

Я выпускник филологического факультета, а это по определению значит умение читать на многих языках. Конечно же, я читаю на всех скандинавских и на английском. В своё время я учила также немецкий и нидерландский, но ими я пользуюсь редко, в основном для чтения статей по моей специальности. Что касается переводов, то мне доводилось ещё переводить стихи и короткую прозу с английского, норвежского и шведского (разумеется, в гораздо более скромных количествах, чем

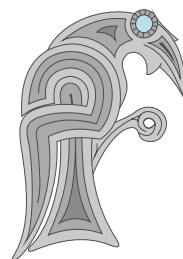
с исландского, датского и фарерского). Также в своё время удалось поработать над переводами с древнедатского и древнешведского, и это было интересно!

Мечтаю выучить ещё новые языки.

С Насколько мне известно, ваш путь в скандинавскую филологию начался с датского. Чем вас так привлек именно он? Было ли это творчество какого-то писателя, а может быть, вас зацепило творчество какого-то датского музыканта?

Как это ни парадоксально звучит, изучать датский язык я захотела как раз именно потому, что на тот момент ничегошеньки не знала об этом языке и стране, в которой на нём говорят. В основе лежало чистейшее юношеское любопытство. Я поступила на филологический факультет МГУ в далёком 1996 году с английским языком, «как все», но уже с первых дней в атмосфере вуза почувствовала, что мне не хочется ограничиваться дальнейшим изучением только тех языков, о которых я уже имею представление, а хочется выучить новые и читать на них стихи и прозу. На информационной доске факультета висело объявление о наборе на изучение на выбор «с нуля» немецкого, испанского или датского. Немецкий я к тому времени уже успела поучить в школе, о литературе и культуре Испании имела неплохое представление по существующим русским переводам, — а вот датский язык был для меня неизвестной величиной, и этого было достаточно, чтоб пойти на кафедру германского языкознания и записаться в датскую группу. Но этот спонтанный выбор оказался судьбоносным. У нас были отличные преподаватели, в т.ч. носители языка, интересные предметы, возможность ездить на стажировки в Данию. Я получила возможность познакомиться с исландским (древним и новым) языком и культурой, прочитала фарерских авторов, писавших по-датски (из которых мною наиболее любим Вильям Хайнесен), заинтересовалась фарерским языком, который не преподавался на той кафедре... То есть датская филология оказалась для меня «воротами» в Северную Атлантику, культуре которой я как литературовед и переводчик предана всем сердцем.

Да, возможно, здесь уместно говорить о Судьбе с большой буквы... Кстати, я помню необычную деталь: когда я рано поутру ехала в метро на собеседование в датскую группу, в вагоне спала рыжая бездомная собака (их тогда было много в московском метро), и она положила голову мне на ногу. Я посчитала такое доверие незнакомому существу добрым знаком...

11...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

С Про Исландию знают все, а вот Фарерские острова и их язык остаются загадочной экзотикой для многих, даже интересующихся Скандинавией. Где и как вы изучили этот язык, с которым не работает гугл-переводчик, и по которому существует, насколько мне известно, только один учебник с объяснениями на английском?

Фарерский — западноскандинавский язык, близкородственный исландскому; как и Исландия, Фарерские острова расположены в Северной Атлантике. Про существование островов и языка я узнала как раз на занятиях по страноведению Дании, потому что Фареры — не независимое государство, а автономия королевства Дании. Наиболее знаменитые за пределами скандинавского культурного пространства фарерские писатели, Вильям Хайнесен (1900–1991) и Йёрген-Франц Якобсен (1900–1938), писали по-датски. Освоив датский язык, я сперва прочитала их, а потом решила познакомиться и с творчеством их соотечественников, пишущих на фарерском языке. Этот язык действительно мало где изучается. Учебников по нему больше одного: самый старый известный мне — на датском языке.

Сначала я изучала самоучкой фарерский язык и литературу, затем уже во время обучения в Университете Исландии (где я училась после МГУ) у меня появилась возможность записаться на курс фарерского языка и литературы к крупному фарерскому филологу Тури Сигурдардоттир, которая в то время приехала в Рейкьявик, а потом отправиться на стажировку на Фареры.

С Вы переводите как прозу, так и поэзию. Согласны ли вы с мнением Набокова, что поэзия непереводима, или это не так? И всегда ли приходится выбирать «между рифмой и разумом»?

О переводимости или непереводимости поэзии можно говорить часами и всё равно не прийти ни к какому выводу... Краткий ответ на этот вопрос будет: переводчики существуют, следовательно, поэзия, хотя бы в той или иной степени, переводима.

Подробный ответ наверняка займёт несколько толстых томов. В конечном итоге, вопрос о переводимости или непереводимости поэзии можно свести к вопросу о том, поддаётся ли поэзия (и вообще художественная литература) интерпретации, способен ли читатель вообще постичь изначальный смысл авторского текста, или он только вкладывает туда свой? По переводам стихотворений мы можем наблюдать интерпретации, которые делали в разные эпохи разные люди.

«Рифма или разум»? Порой одна строка верлибра способна в тысячу раз больше озадачить интерпретатора, чем рифмованный текст, где нужно во что бы то ни стало сохранить изначальную твёрдую стихотворную форму. В художественной словесности многое порой зависит от конкретных контекстов, от сугубо частных обстоятельств.

С Как вы для себя определяете критерии «хорошего перевода»?

Для меня хороший перевод художественного произведения — такой перевод, который точно передаёт не только смысл иноязычного сообщения, но и его стиль. Именно стиль — это то, что делает переводимого автора самим собой, и его важно сохранить при переводе. Не всегда получается быстро найти адекватный метод перевода для каждого автора, особенно, если его индивидуальный стиль сильно расходится со стилистическими нормами родного языка. (В качестве примера здесь я приведу моего любимого Хатльгрима Хельгасона, проза которого изобилует авторскими неологизмами для самых что ни на есть

обыденных понятий, парадоксальными сравнениями, порой идущими вразрез с формальной логикой, и т.д.).

Я ничего не говорю о знании норм родного языка, т.к. человек, работающий со словом, должен по умолчанию быть грамотным. Но и более того: он должен владеть всеми регистрами родного языка, знать, когда уместно применить высокопарный архаизм, старинное местное словечко, современный сленг и пр., — и при необходимости сам уметь породить слова.

В.Г. Тихомиров, которого я очень уважаю как переводчика архаических и фольклорных текстов, любил цитировать своего наставника: «Переводчик (на русский с других языков) должен хорошо знать только один язык — русский!» Я бы сказала: «Переводчик должен хорошо знать иностранный язык, с которого переводит, и великолепно — свой родной».

С Тут, конечно же, не могу не спросить о ваших предпочтениях относительно переводов Старшей Эдды. Чей перевод, на ваш взгляд, самый удачный?

Мне больше всего нравится перевод В.Г. Тихомирова. Он даёт почувствовать то важное в эддических текстах, что современные читатели порой упускают из виду: что это поэзия высококультурного, но бесписьменного социума, что это живое устное слово, что эти строфы и сюжеты для их носителей были не где-то на почтительном расстоянии, на опрятной книжной полке — а всегда рядом, в собственной голове.

Тот, кто прочтёт перевод Корсуна, будет знать содержание эддических текстов. Тот, кто прочтёт перевод Свириденко, будет знать и содержание, и историю научной скандинавистики. Также мне известно, что сейчас появляются новые переводы отдельных эддических песней, и это замечательно. Если текст хотят переводить многие — значит, он востребован, а также это значит, что он настолько глубок и многогранен, что каждый видит в нём свои грани смысла — и спешит поделиться этим видением.

С Присуща ли, на ваш взгляд, скандинавским языкам некая специфика, принципиально непереводаемая на русский язык?

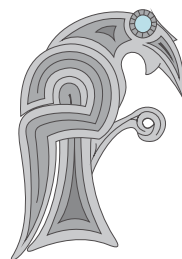
Разумеется, такая специфика присуща каждому языку. Если говорить именно о скандинавских языках Северной Атлантики, то больше всего головной боли переводчику

доставляет лексика, обозначающая реалии, полностью отсутствующие в русском культурном пространстве. Традиционный уклад минувших веков, жизнь на горных хуторах в полуземлянках, способы передвижения, добычи пищи — всё это отразилось в обширных слоях такой лексики. Здесь приходится или наводнять свой русский текст экзотизмами исландского или фарерского происхождения (конечно же, с построчными примечаниями!), или изобретать для обозначения этих понятий собственные неологизмы с прозрачной внутренней формой. (Именно таким образом я работала над переводом романа Хатльгрима Хельгасона «60 кг солнечного света», в котором описывается совершенно фантастический быт беднейших североисландских хуторов рубежа XIX-XX веков).

Отдельная сложность — когда русское слово вроде и существует, но коннотации у него совершенно не те. Скажем, есть фарерское слово *tjaldur*. По-русски он носит странно звучащее название «кулик-сорока», и большинство носителей этого языка видело его разве что в зоопарке. А для фарерцев *tjaldur* — герой «Баллады о птицах» (1807) Поуля Нолсой, который защищает мелких пташек от хищных птиц, т.е. датских чиновников. Это важный национальный символ, фигурирующий на различных знамёнах и эмблемах.

Или ещё более простой пример — слова, обозначающие море. По-русски понятие «море» овеяно романтизмом: «К морю» Пушкина, «Безмолвное море, лазурное море», Белое море, отсылающее к поморскому фольклору, — или же нечто южное, курортное. В исландских словах для моря — *sjór*, *haf* — каждодневная борьба за выживание на продуваемом ветрами побережье, рыбная промышленность, рыбаки, которые могут не вернуться из рейса. *Kaldur sjór*. *Saltur sjór*. [Холодное море. Солёное море]. Не романтически-облитературенная, а конкретно-жизненная стихия, которая всегда рядом, которая даёт и гибель, и пропитание.

13...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

В литературных произведениях эти коннотации (разумеется, не фиксируемые двуязычными словарями!) могут порой активизироваться настолько, что начинают главенствовать при осмыслении текста. Тогда переводчику приходится думать над тем, как их передать, не прибегая к подстрочным примечаниям. Решения в каждом конкретном случае бывают индивидуальными.

С Как вы выбираете писателей и поэтов, чьи произведения будете переводить? Их вам предлагают издательства, или вы иногда сами находите авторов, руководствуясь собственными интересами? Если говорить о современных авторах, то всегда ли им известно, что их произведения переводятся на русский язык? Занимаетесь ли вы «фанатскими переводами»?

В моей переводческой практике было и то, и другое. Порой издательства предлагали мне книги, которые были мне интересны. Порой я сама находила талантливые романы и начинала с энтузиазмом рассказывать о них своим издателям. (Правда, в этих случаях порой приходилось долго ждать возможности начать работу над приглянувшимся текстом: как известно, у издательств есть годовые планы, да и покупка авторских прав — дело отнюдь не пары минут). Да, нюансы законодательства об авторском праве — это ещё одна область знаний, с которой должен быть знаком переводчик современной художественной литературы. (В скобках замечу, что на древние и фольклорные произведения оно не распространяется, а значит, никто не запретит вам делать второй или даже пятнадцатый перевод «Саги о Ньяле»). А где есть издательские планы — там автор не может не знать, что его произведение переводится на тот или иной язык. Это если речь идёт о ныне здравствующих авторах, но именно они и преобладают среди новых переводов. (Сейчас почему-то выходит мало переводов из авторов XIX и XX века, хотя среди них есть немало крупных фигур, классиков, до сих пор ждущих своего переводчика). То, что я сказала, касалось больших романов, но и при переводе короткого стихотворения есть практика — брать у авторов разрешение на публикацию. Автор имеет право знать, что происходит с его произведениями в инокультурном пространстве.

Обычно я стараюсь лично познакомиться с автором, книги которого перевожу, даже если не собираюсь задавать ему вопросы о его текстах. Мне кажется, так интереснее для

обеих сторон. Только жаль, мне уже не удастся познакомиться с Йоунасом Хатльгримссоном, пропустить с ним рюмочку, потолковать о геологии и рассказать ему, что его новелла «За мхом» (которая, напомним, считается первым образцом этого жанра в исландской литературе) теперь существует на русском языке.

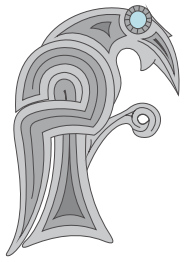
Я правильно понимаю, что «фанатский» перевод — это любительский перевод любимого произведения, созданный в свободное от работы время человеком, для которого быть переводчиком — не основная профессия? Если это определение верно, то для меня занятие «фанатскими переводами» по определению невозможно, ведь я и есть переводчик по одной из основных профессий, а про авторов, фанатом которых я являюсь, я всегда стараюсь рассказать издательствам — и своим «коллегам по цеху».

С В какой мере вы считаете важным проникнуться творчеством и личностью автора, над переводом которого работаете? Важно ли для вас познакомиться с автором лично, прочесть как можно больше его работ? Добавляет ли это глубины в переводы или нет? Может быть, есть ещё какие-то секреты вашей работы над переводами?

Как я уже говорила, если автор жив и открыт общению, я всегда стараюсь познакомиться с ним. Тогда автору можно (а порой и нужно) задавать вопросы, касающиеся сложной языковой игры, аллюзий, подтекстов, отсылок к забытым эпизодам прошлого...

Но бывает и так, что автор отвечает: «Я и сам не помню, что имел в виду в этой строке!» А иногда расспросить автора нельзя, потому что вас разделяет временная дистанция. В таких случаях самый верный помощник переводчика — сам текст: он сам подскажет, как с ним обращаться, если задавать ему нужные вопросы и уметь анализировать. В этом хорошо помогает литературоведческая подготовка: она позволяет посмотреть, «как устроен» текст, чтоб потом повторить его «устройство» на другом языке. В какой-то мере, художественный перевод — это остающийся за кадром литературоведческий блиц-анализ иноязычного литературного текста плюс видимые всем результаты практического применения этого анализа.

Но я бы, наверно, покривила душой, если бы попыталась создать впечатление, будто художественный перевод создаётся исключительно рациональными методами. В этой

деятельности много места для инсайтов, озарений. Порой удачное переводческое решение приходит, когда ты отвлекаешься на что-нибудь другое. Бывает и так, что наиболее адекватным с точки зрения передачи смысла и стиля оказывается как раз самое неожиданное или даже парадоксальное решение.

С *Есть ли жанры, авторы или темы, за перевод которых вы бы не взялись? Почему?*

Я не очень люблю произведения массовых жанров — из-за их предсказуемости. Не стану переводить Ирсу Сигурдардоттир по причине избыточной бессмысленной жестокости в её текстах и неумелого владения пером.

С *Вы не только переводите, но также и много пишете сами. Как совмещать в себе роли и автора, и переводчика? И как их разделять? Мне, как человеку, не сочиняющему самостоятельно, кажется, что чем больше читаешь, тем больше голосов звучит у тебя в голове и тем сложнее услышать свой собственный, но это, наверное, взгляд полного дилетанта... Можно ли остаться неподвластным чужим влияниям в собственном творчестве?*

Мне сложно судить, как воспринимает и переводит стихи человек, не сочиняющий сам, потому что я не помню периода в своей жизни, когда совсем не сочиняла бы никаких стихов, и, во всяком случае, начала слагать стихи сама раньше, чем переводить. Роли автора и переводчика не мешают друг другу, а напротив, дополняют друг друга, ведь в конечном итоге и то, и то — взаимодействие со стихией слова.

Влияния, на мой взгляд, всегда бывают, они неизбежны, но в каждом случае они проявляются индивидуально.

С *В номерах нашего журнала публиковалась ваша замечательная повесть «Товарищ Гисли Сурссон». Очень хотелось бы надеяться, что у неё будут некие продолжения и, в идеале, даже цикл таких повестей по разным сагам. Есть ли у вас в планах создать подобные произведения на материале и других исландских саг? Какую сагу вы хотели бы «разобрать» таким же образом в первую очередь?*

Спасибо, что вспомнили мою повесть! В строгом смысле, она не про самого Гисли (хотя мне с юности симпатичен этот персонаж), а про наше современное восприятие

саг. В повести два рассказчика: высоколобый выпускник университета, ищущий беспроектного рецепта, как «правильно» написать исторический роман по мотивам саги, — и «простой» читатель, спешащий поделиться восторгами по поводу очаровавшей его книги. Кто из них в итоге понял сагу лучше? Где эрудиция помогает, а где мешает? Так ли уж непонятны на самом деле древние тексты современным людям? Вот эти вопросы прежде всего поднимаются в повести. Пока я не планирую возвращаться к этим вопросам, у меня другие творческие проекты. Но если кому-нибудь из читателей захочется написать собственную повесть по принципам «Товарища Гисли Сурссона» о какой-нибудь другой саге — я только порадуюсь такой инициативе.

С *Ваши рекомендации: что почитать из скандинавской литературы, чтобы проникнуться менталитетом северных стран и лучше понять их культуру? Речь не обязательно должна идти об эпохе викингов. Если попытаться составить некий топ-3 или топ-5 произведений от Ольги Маркеловой.*

Чтобы досконально постичь скандинавский менталитет, наверно, понадобится прочитать не одну сотню книг разных эпох, причём не только художественных...

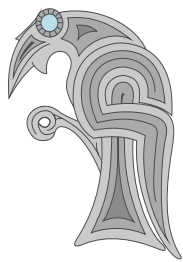
Чтобы увидеть, как сложилось то, что с точки зрения этих народов считается основными ценностями, надо читать тех, кто сформулировал эти ценности, то есть национальных романтиков XIX века из соответствующих стран. (В Дании это, например, Адам Эленшлегер, в Швеции — Эсайас Тегнер, в Норвегии — Арнольд Хенрик Вергеланн, в Исландии — Йоунас Хатльгримссон, на Фарерах... там в строгом смысле не было литературы до рубежа XIX-XX вв., но в XX веке фигура, равная по масштабу выше перечисленным, — Йенс Хендрик Оливер Джорхус).

Если говорить об авторах XX века и современных, то здесь приходится постоянно задавать вопрос: «Что в них больше привлекает читателя: национальное или сугубо индивидуальное?» Интересная рефлексия о менталитете своих соотечественников есть у датского прозаика XX века Хенрика Понтоппидана, у фарерца Йёргена-Франца Якобсена — и у уже неоднократно названного здесь Хатльгрима Хельгасона, тонкие наблюдения которого над особенностями стиля жизни и мышления исландцев порой могут соперничать с самим Лакснессом! Лакснесса тоже следовало бы поместить в тот список, но с одной сущест-

15...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

венной оговоркой: читая его, надо постоянно держать в голове, что он на протяжении своего долгого и плодотворного творческого пути неоднократно менял убеждения, мировоззрение и порой даже манеру письма, и некоторые его высказывания о соотечественниках изначально задуманы как эпатаж.

Эпоха викингов и её восприятия в разных странах в разные эпохи — это, пожалуй, тема для отдельного большого разговора. Это восприятие я изучаю как литературовед (сейчас — в современной исландской литературе), и результаты выходят интересные. Каждый век и каждый автор смотрятся в эту героическую эпоху как в зеркало — а отражения получаются очень и очень разными!

С Как интересно! Когда стоит ждать публикацию на эту тему? Вы планируете издать её как монографию?

Пока я пишу научные статьи об отдельных произведениях, но надеюсь когда-нибудь издать и монографию.

С И раз уж мы заговорили о Лакнесе, то нельзя не вспомнить, что на страницах нашего журнала публиковалась ваша рецензия на его роман «Герпла», к которому у вас сложное отношение. Насколько мне известно, на русский до сих пор переведены только избранные главы из этого романа. Взялись бы вы за его перевод, учитывая, как там осмеяны герои саг?

Если б мне предложили перевести «Герплу», я бы всё же не отказалась, хотя у меня к этому роману и сложное отношение. Но только при условии, что мне позволят написать послесловие о месте этого романа в исландской культуре!

С Есть ли у вас любимое литературное течение, любимая эпоха в истории мировой литературы?

Больше всего я люблю глубокую архаику и старый добрый модернизм двадцатого века. Но, пожалуй, у меня в каждой эпохе найдётся пара-тройка в той или иной степени симпатичных мне авторов.

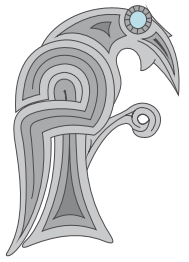
С Как вы считаете, слово в современном мире утратило ту магию, ту силу, которой люди наделяли его в древности? Если да, то почему это произошло?

Сама по себе эта сила слова никуда не делась: из сознания, из ноосферы ничего не исчезает без следа. Другое дело, что люди в большинстве своём прекратили верить в эту магию с тех пор, как рационалистическая картина мира стала главенствующей, — или, скорее, сами себя убедили, что больше не верят в неё, потому что современный социум не велит в такое верить. И сила слова ушла в подполье. Но в хорошей поэзии она до сих пор живёт. Самый простой способ убедиться в этом — прочитать гениальное стихотворение и ощутить его воздействие на душу.

С И последний вопрос, которым мы традиционно завершаем все наши беседы. Есть ли у Ольги Маркеловой какое-то пожелание или напутствие нашим читателям?

Оно будет кратким: помните, что и в литературном творчестве, и в жизни далеко не всегда бывают готовые ответы и универсальные рецепты.

Огромное спасибо за ответы, желаем вам дальнейших творческих свершений и неиссякаемого вдохновения!

А.А. ХЛЕВОВ,
И.Б. ГУБАНОВ

Блотвейцла

ОДНОЙ из важнейших характеристик традиционного родового общества является основополагающая роль религии и религиозных церемоний в жизни социума, органическая «встроенность» культовых практик в циклы повседневности. Применительно к таким архаическим обществам устоявшееся и привычное деление культуры на материальную и духовную, или, более того, на материальную, духовную и религиозную, сталкивается с непреодолимыми трудностями. На поверку оказывается, что граница между материальным и духовным для архаического человека весьма условна и, что самое главное, — религиозная подоплёка присутствует во всех значимых сферах материальной жизни. В частности, в двух наиболее важных сегментах традиционного уклада — жизнеобеспечении (в широком смысле производящее и присваивающее хозяйство, воспроизводство нового поколения и т. д.) и военном деле (вторая сторона обеспечения выживания группы) — религиозные практики и ритуалы играют, с точки зрения носителя традиции, столь же существенную роль, как и действия материального порядка. Их нарушение или пренебрежение ими может иметь фатальные последствия. Общеизвестно, что скандинавы архаического периода относились к числу обществ, с особым вниманием воспринимавших всё, что связано с силой судьбы, — в силу этого их мировосприятие приобрело достаточно специфический фаталистический оттенок — даже на фоне других традиционных социумов.

Вместе с тем имеется ещё одна проблема, связанная с анализом поля духовно-религиозной культуры Северной Европы. Обилие источников, как письменных, так и ар-

хеологических, не отменяет наличия серьёзного вопроса, который в наиболее общих чертах может быть сформулирован следующим образом: где пролегает граница между верованиями и культовыми практиками скандинавов языческой и христианской эпох? Процесс крещения Севера был достаточно длительным и нелинейным, христианство континентальной Европы однозначно было густо «инфицировано» языческими суевериями и пережитками (крестители Севера были детьми той же культуры, что и их потенциальные подопечные)¹, а пережитки язычества благополучно имплантировались в христианство и дожили до настоящего времени. В силу этого надёжно отделить сугубо языческие представления от новоприобретённых христианских установок представляет собой не всегда решаемую задачу. В качестве примера приведём одну из наиболее классических ситуаций — в Младшей Эдде конунг Гюльви расспрашивает Одина, являющегося ему в трёх лицах: Высокого, Равновысокого и Третьего. Ответить на вопрос, было ли такое «растроение» следствием адаптации представлений о Св. Троице или же аутентичной скандинавской идеей, крайне затруднительно: любое категорическое утверждение натолкнётся на контраргументы противников. Аналогичная ситуация с окроплением младенца водой при наречении его именем в древней Исландии, с комплексом представлений скандинавов о загробном мире и т. д.

По этой причине вопрос преемственности культовых практик и ритуалов от язычества к христианству имеет особую значимость.

¹ Хлевов А. А. «Житие св. Виллиборда» как источник по этнопсихологии древних германцев // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 14-16 апреля 2021 г. Материалы конференции. — М., 2021. — С. 308.

17...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

Ответы на него приближают нас к пониманию аутентичного ядра североевропейской ментальности, очищенного от позднейших наслоений и искажений. И здесь важно не впасть ни в гиперкритицизм, ни в благодушную интеллектуальную слепоту.

С другой стороны, в любой религии, как мировой, так и национальной, присутствуют элементы обязательные и второстепенные, «факультативные». Не выбиваясь из общей ткани духовно-религиозного пространства конкретной культуры, первые задают генеральный ритм и основные ритуальные ориентиры, определяют приоритетные акценты духовной жизни группы, формируют календарные циклы и ритм существования социума. Так, комплекс литургических ритуалов в христианских конфессиях выступает определённо ключевым в жизни любой общины верующих.

Тема культовых практик раннесредневековых скандинавов неоднократно поднималась историками, археологами, культурологами и литературоведами. Так или иначе, её вынужден касаться каждый переводчик аутентичных текстов, поскольку неизбежно встаёт проблема интерпретации происходящего для возможно более точной трансляции ритуала и его смысла. В то же время, имеются и многочисленные аналогии в синхронных и диахронных культурах, позволяющие делать дополнительные выводы.

Вопросы аналогий между сакральной санкцией договорных отношений у древних скандинавов и славян поднимались в отечественной литературе, в частности, в работах О. Л. Губарева² (Губарев 2013), В. С. Кулешова³ (Кулешов 2017) и Е. А. Мельниковой⁴ (Мельникова 2012; 2014). В зарубежном сегменте сошлёмся, прежде всего, на М. Н. Eriksen⁵ (Eriksen 2015) и J. Н. Aðalsteinsson⁶ (Aðalsteinsson 1998). Археология, сакральные функции и культурные смыслы пространства скандинавского длинного дома получили осве-

2 Губарев О. Л. О клятвах русов и славян // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. — № 5. — 2013. — С. 1-7.

3 Кулешов В. С. Золотые браслеты русов IX- XI веков: тексты, вещи и функции // В камне и в бронзе: Сб. статей в честь Анны Песковой / Редакторы-составители А. Е. Мусин (отв. ред.) и О. А. Щеглова (ИИМК. Труды. Т. XLVIII). — СПб.: ИИМК РАН; Невская Книжная Типография, 2017. — С. 253- 258.

4 Мельникова Е. А. Заложники и клятвы: процедура заключения договоров с норманнами // *Именослов. История языка. История культуры* / Отв. ред. Ф. Б. Успенский. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. — 113-183.

5 Eriksen M. N. The Powerful Ring. Door rings, oath rings, and the sacred place // *Viking Worlds. Things, spaces and movement*, ed. by M. N. Eriksen, U. Pedersen, B. Rundberget, I. Axelsen and H. Berg. — Oxford: Oxbow, 2015. — P. 73-87.

6 Aðalsteinsson J. H. Blót and þing: The function of the tenth century Goði // *A Piece of Horse Liver: Myth, Ritual and Folklore in Old Icelandic Sources*. — Reykjavík, 1998. — P. 35-56.

щение и осмысление в работах А. I. Riisoy⁷ (Riisoy 2016), H. Gestsdóttir⁸ (Gestsdóttir 1999; 2000), T. Gunnell⁹ (Gunnell 2001), F. Herschend¹⁰ (Herschend 1997), O. Olsen¹¹ (Olsen 1965) и Дж. Байока¹² (Байок 2012).

Жертвоприношение само по себе являлось средокрестием сакральной обрядовой традиции архаического общества. В скандинавском варианте одно из наиболее детальных его описаний встречается у Ибн-Фадлана. Явное высокомерие образованного араба по поводу наивности языческих суеверий не помешало ему оставить их описание. Однако здесь мы сталкиваемся, очевидно, с наиболее простой и лишённой всяких ухищрений формой жертвоприношения. Иные источники дают нам представление о более утончённом и семантически нагруженном ритуале.

Главным культовым действием древних скандинавов, судя по древнеисландским текстам, была **блотвейцла (др.-исл. blótveizla)** — «пир жертвенной крови».

Следует, безусловно, упомянуть недавнюю большую монографию Бритт-Мари Несстрём «Обряд жертвоприношения: вера и жертвоприношение в дохристианской Скандинавии»¹³. В работе рассматриваются упоминания о жертвоприношениях в многочисленных и разнородных древнескандинавских источниках в различном контексте. Масштаб обзора источников в широком этнографическом контексте, несомненно, придает работе большую ценность, однако несколько бессистемный характер и зачастую недостаток строгой критики источников (особенно это касается рассказов о человеческих жертвоприношениях со ссылкой на «Золотую Ветвь» Дж. Фрезера) являются явным недостатком этого исследования. Возможно, это следствие излишне широкого охвата материала в ущерб глубине критического исследова-

7 Riisoy A. I. Performing Oaths in Eddic Poetry: Viking Age Fact or Medieval Fiction? // *Journal of the North Atlantic*. — Vol. 8. — 2016. — P. 141-156.

8 Gestsdóttir H. «The Medieval Churchyard» // *Hofstaðir. Framvinduskýrslur Interim Reports. Fornleifastofnun Íslands / Lucas G. (ritstj.)*, FS102-91017. — Reykjavík, 1999. — Bls. 44-54; Gestsdóttir H. «The Medieval Chapel and Churchyard» // *Hofstaðir. Framvinduskýrslur Interim Reports. Fornleifastofnun Íslands / Lucas G. (ritstj.)*, FS130-91018. — Reykjavík, 2000. — Bls. 21-25.

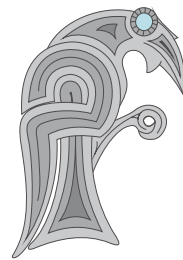
9 Gunnell T. Hof, Halls, Goðar and Dwarves: An Examination of the Ritual Space in the Pagan Icelandic Hall // *Cosmos*. 2001. — № 17. — P. 3-36.

10 Herschend F. Livet I Hallen. Tre fallstudier I den yngre järnålders aristokrati // *Occasional Papers in Archeology* 14. — Uppsala: Institutionen för arkeologi och antic historia, Uppsala universitet, 1997.

11 Olsen O. Hörg, hov, og kirke // *Historiske og arkeologiske vikingetidsstudier. Aarboger for nordisk Oldkyndighed og Historie*. — Kbh., 1965. — S. 5-307.

12 Байок Дж. Л. Исландия эпохи викингов. — М., 2012.

13 Näsström B.-M. Blot: Tro och offer i det förkristna Norden. — Göteborg: Norstedts, 2004.

ния. В монографии привлекаются различные общие этнографические теории объяснения феномена жертвоприношений в культе, отраженные в классических работах Хьюберта и Мосса («Эссе о природе жертвоприношения» — жертва играет посредническую роль в многогранном взаимодействии между сакральным и профанным миром и в сакрализации элементов и акторов последнего), Эдварда Б. Тайлора (характерность жертвы для примитивных религий по прицепу получения благодеяния за дар), Вильгельма Шмидта (жертва как благодарность богам), Уильяма Робертсон-Смита (жертва как племенной тотем) и Джеймса Фрезера (вождь как жертва), «охотничья теория» Вальтера Буркерта и Карла Мели¹⁴.

Затем автор рассматривает собственно историографию исследования жертвоприношения в Древней Скандинавии. Она отмечает, что некоторые исследователи, в том числе и многие историки религии, придают актам жертвоприношения, описываемым в различных источниках, преимущественно скандинавских, высокую ценность, а другие — преимущественно лингвисты, утверждали, что литературные источники были составлены в христианском контексте и, следовательно, изображали жертвоприношения согласно христианскому представлению о языческой эпохе, и их тенденциозные представления основывались на примерах жертвоприношений, описанных в Ветхом Завете.

Для нашей темы особенно важно, что автор пишет об этимологии и значениях глагола *blota*, упомянутого в «Речах Высокого» (наряду с *senda* и *soa*) в «Старшей Эдде» (строка 144), а также о *годи* и *гидье* и их функциях. Как отмечается, глагол *blota* можно считать главным, он охватывает большинство коннотаций, связанных с жертвоприношением, именно он употребляется в словосочетании «жертвоприношение в середине зимы». Как полагает автор, этимология неясна (обсуждаются гипотезы о его связи с лат. *flamen* («жрец»), санскр. *brahman*, некоторые ученые возводят его к индоевр. *bh1e*, «набухать, быть набухшим» в значении «увеличиваться»). По мнению автора, «никакой связи с *blood*, «кровью», не существует»¹⁵. Отмечается, что этот глагол может изменяться как сильный глагол (инфинитив — «*blota*», прошедшее — «*blet*», причастие II — «*blotinn*»), может употребляться без предлога или с предлогом («*blota Odni*» или «*blota til Odins*» — «приносить жертву Одину»);

употребляться в широком смысле, например, в словосочетании «*blota heidit gud*» — «поклонение языческим богам», а после принятия христианства он приобрел значение «проклинать», например в евангельской фразе «молитесь за тех, кто проклинает вас» (*bid þu fyrir þeim er þu blota*).

Обращается внимание на то, что слово *blot* широко используется как ключевой элемент различных композитов, таких как *blotmadr*, «идолопоклонники», *blotbiskup*, «идолопоклонство», *blotskaparefni* «предмет идолопоклонства», *blotskepartimi* «язычество» и *blotvilla* «языческие заблуждения», «которые создают впечатление, что «поклонение (идолам)» и «жертвоприношение» являются отличительной чертой ранней религии».

Несстрём отмечает, что наименование *годи* «происходит от слова *god*, «бог» и «может быть переведено как «тот, кто имеет отношение к богу». По её мнению, появление сходного слова на старшерунической надписи V в. н.э. свидетельствует о его глубокой древности — «*ek gudija ungandiR*» — «Я, жрец, защищен от колдовства».

Чрезвычайно важны упоминания *годи* в рунических надписях IX века. На одной датской рунической надписи, датируемой этим столетием, фигурирует некий «*годи Рольфа Норе*», на другой речь идет о некоем «*святилище годи*», «которое охранялось людьми конунга». В этой связи Несстрём также отмечает, что «Как мужское имя Гупи, так и топоним Гудби в Уппланде намекают на религиозные функции. В этом контексте примечательной является руническая надпись в Оверхугдалстапетене, датируемая девятым веком, которая содержит топоним Гудби».

Ценным является замечание Несстрём о сакральном характере устройства тинга — исследовательница совершенно верно обратила внимание на значимость того факта, что кольцевое пространство для судей на тунге было огорожено привязанной к столбам орешника веревкой, именуемой *ve-bænd* — «священные узы», — так описывается место проведения Гулатинга в первой половине X века в «Саге об Эгиле». Согласно интерпретации Несстрём (на наш взгляд, излишне прямолинейной) «Подобная сцена показывает, что боги должны были следить за народными судебными собраниями и наказывать нарушителей». Однако сакральность тингового пространства в данном случае очевидна. Вероятно, установление «священных уз» было обязательной тинговой практикой в то время, и Несстрём совершенно справедливо отме-

19...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

¹⁴ Näsström B.-M. *Blot: Tro och offer i det förkristna Norden*. — Göteborg: Norstedts, 2004. — P. 15-18.
¹⁵ Ibid. — P. 28.

чает, что областные законы другого региона Норвегии — «Законы Фростатинга» предписывают «установить «священные узы», прежде чем осуществлять правосудие». Тут же, правда, проявляется свойственное шведскому ученому довольно поверхностное привлечение источников другого времени без проследования явно выраженных связей с тем, что обсуждалось только что, и без погружения в глубокий критический анализ источников, так как она пишет, что «в этом вполне можно увидеть связь с описанием функций жрецов, описанных у Тацита». Возможно, это и так, но конкретно эти функции жрецов германцев в книге Несстрём не описываются, текст не приводится, а без этого ссыла на источник, отделенный многими столетиями, может восприниматься просто как декларация, не подкрепленная доказательствами.

Несстрём отмечает, что в «Сером Гусе», сборнике исландских законов, сказано, что в функции годи также входит освобождение людей или осуждение людей, объявленных вне закона. Таким образом, данные исландских родовых саг в данном случае подкрепляются исландским юридическим памятником.

Чрезвычайно ценен приводимый Несстрём фрагмент из «Книги о занятии земли», из которого явствует, что годи определенно не были исландским изобретением, а еще до заселения Исландии существовали в Норвегии. Мы знаем по исландским родовым сагам и «Книге о занятии земли», что годи собирали налоги на содержание храмов, а Несстрём резонно замечает, что годи были хранителями святилищ, что дословно выражалось в *vǫrðr vestalls* и *ves valdr*, титулах, которые также присваивались конунгам. На руническом камне из Рёкк встречается надпись *uigrat*, что интерпретируется фон Фризенем как «Я — хранитель святилища». Согласно этой теории, надпись должна была совпадать с топонимом Веверсунда, что указывало бы на то, что хранитель святилища жил поблизости.

Гидья — это женская форма титула годи, которая может означать «богиня» или «жрица». Именно в такой форме упоминается гидья, приносящая жертвы Фрейе, в предисловии Снорре в Саге о северном короле, которую он описал как умелого учителя и знатока искусств.

Чрезвычайно любопытны упоминания в сагах о гидьях — жрицах Фрейра, чьи функции во многом совпадали с функциями годи, на которые обращает внимание Несстрём: «Женщина по имени Стейнвор заботилась о главном храме. В нем все члены общины должны были платить храмовый сбор».

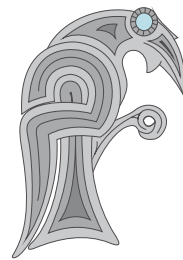
Другими гидьями, которые упоминались в сагах, были Фридгедр в «Саге о Кристни» и Хролфсдоттир в «Книге о занятии земли». Гидья Пуридир знала многое о культе Фрейя, так же, как и её брат Пордр был годи Фрейи».

Об историчности *окропления жертвенной кровью в храме* и об историчности гидьи свидетельствует «Лаусависа» скальда Торвальда — истового христианина, боровшегося с «язычниками»; на этот источник обратила внимание Несстрём:

Я предложил драгоценное христианство,
Но никто меня не слушал.
Меня оскорбил слуга языческих богов,
Который разбрызгивает жертвенную кровь
и выдаёт жребии,
И эта старая ведьма применила магию
против скальда.
Да сокрушит Господь гидей!

Несстрём считает историчным и вполне логичным передачу годи имени от его бога-патрона, причем приводит примеры годи Тора из Западных Фьордов и годи Фрейра из Восточных Фьордов, как в случае с Хрольвом сыном Орнольва, который описывался горячо верящим в Тора в «Саге о Людях в Песчаного Берега» и соответственно берёт себе имя Торольф. Затем он строит святилище для Тора на своём дворе Ховстад и таким образом становится годи. Подобная «передача» имени случилась позже касательно сына Торольва Стейна. «Торольв дал ему имя Торстейн, как дар во славу своего друга, бога Тора». Обычай «дарить» ребёнка богу посвящает ребёнка в веру, в данном случае Торстейн может стать годи в культе Тора. Аналогичный пример сердечных отношений между верующими и божеством, которому они поклоняются, содержится в «Саге о Хравнкеле, годи Фрейра», в которой Хравнкель «не любил никакого другого бога так, как Фрейра», которому он построил святилище и приносил жертвы».

Интересно предположение Несстрём о знатной женщине из знаменитого южнонорвежского погребения в Усеберге — исследовательница полагает, что она была жрицей Фрейи и, соответственно, гидьей: «Женщина, похороненная на корабле Осеберга, с большой вероятностью тоже была гидьей, поскольку она была одним из важнейших членов сообщества. На тканевом изображении, найденном на корабле, можно различить маленькую птицеподобную фигурку, которая могла принадлежать жрице Фрейи, поскольку изображение напоминало сокола Фрейи, а может, оно и являлось образом самой Фрейи. К тому же кошка была особым животным Фрейи,

а одна из её повозок была украшена кошачьими головами, а другая — девятью плачущими кошками. Принимая во внимание эти находки и другие, даже не связанные в первую очередь с богиней Фрейей, можно предположить, что «королева Оса» также имела сакральную функцию, а именно как роль гиды в культе Фрейи».

Судя по всему, описываемые действия имели место в традиционном северогерманском длинном доме каркасно-столбовой конструкции с центральными напольными очагами по оси жилища. Мы не случайно подчёркиваем эту связь. В данном случае локализация ритуала имеет существенное значение в силу того, что функционал длинного дома был неизмеримо шире только лишь сегмента жилой и хозяйственной постройки.

Следует отметить, что, согласно археологическим данным, этот тип жилища появился здесь около 2000 г. до н.э., с началом раннего скандинавского бронзового века. Начало строительства удлинённых построек универсального назначения в Северной Европе не без основания связывается с ранним этапом формирования древнегерманского этноса¹⁶. Значительное количество таких построек, относящихся к середине-концу I тыс. до н.э., открыто во Фрисландии, Северной Германии, однако наибольшего расцвета длинный дом достигает в Скандинавии. В Ютландии преобладали постройки с дерновыми стенами¹⁷, на островах Балтики (Готланде и Эланде) — дома с каменными (гранит, известняк). С некоторыми вариациями этот тип домостроения просуществовал до собственно средневековья. Существенно то, что этот дом в культуре Скандинавии имел весьма множественное функциональное значение и решал целый ряд ключевых для родового общества проблем. В частности, выделяются следующие его функции: жилая, хозяйственная, культовая, социально-коммуникативная, репрезентативная, эпико-креативная, военная¹⁸. В контексте данной статьи важнейшее значение имеет именно третья из них, культовая. Сакральное значение длинного дома, по вполне понятным причинам, не может быть напрямую прослежено археологическими методами. Однако

¹⁶ Хлевов А. А. Историко-культурный феномен Северной Европы I-VIII вв. Дисс. на соискание уч. степени доктора философских наук по специальности 24.00.01. — СПб., 2002. — С. 120-125; Хлевов А. А. Предвестники викингов: Северная Европа в I-VIII вв. — СПб.: Евразия, 2016. — С. 86-89.

¹⁷ Stenberger M. Det forntida Sverige. — Sth., 1964. — P. 454-462.

¹⁸ Хлевов А. А. Историко-культурный феномен Северной Европы I-VIII вв. Дисс. на соискание уч. степени доктора философских наук по специальности 24.00.01. — СПб., 2002. — С. 128-133; Хлевов А. А. Предвестники викингов: Северная Европа в I-VIII вв. — СПб.: Евразия, 2016. — С. 106-108.

письменные источники более чем красноречивы. Колоссальное внимание, уделяемое сагами многим деталям повседневной жизни, к счастью, даёт нам возможность достаточно детально увидеть то, что происходило в этом культурном секторе внутри длинных домов.

Следует выделить, прежде всего, такие данные текстов, высокую вероятность исторической достоверности которых возможно верифицировать компаративистским методом:

1. Идентичность наименования культовых предметов и субстанций **в песнях «Старшей Эдды» и родовых и королевских сагах** и развернутое описание их функций в последних.

2. Основная юридическая формула священной клятвы, идентичная в **«Книге о занятии земли»** и в **«Саге о Ньяле»**.

Упоминание некоего «дерева (или деревянного изделия) жертвенной крови» (др.-исл. **hlaut-viðr**) содержится в эддическом «Прорицании Вэльвы» — там один из создателей первых людей — Хёнир, который некогда дал им, созданным из дерева Ясеню и Иве, «дух» («дыхание дал Один... тепло дал Лодур»), после гибели старого мира — после **Рagnarёка** — «сможет *hlautvið* (букв. «дерево жертвенной крови») выбрать». Исходя из данных «Песни о Хюмире» и исландских саг, которые будут приведены ниже, нам представляется вполне корректным перевод Т. Михалёвой:

Þá kná Hœnir
hlautvið kjósa
Тогда Хёнир
жертвенные прутья выберет.
(Völuspá, 63)¹⁹

(Перевод Т. Михалёвой)

Стоит отметить и то, что современные скандинавские редакторы и издатели Старшей Эдды до сих пор трактуют этот пассаж вариативно: «Дерево двора / Хёнир может в покой выбрать»; «Хёнир выберет / прутья гадания». Этимология термина также небезынтересна: **hlaut-** обозначает не только «жертвенную кровь», но и связан с **hlut:** «долей» («lot, allotment»), по-английски — «частью чего-нибудь, разделяющейся на всех участников», как это бытует среди рыбаков и охотников Норвегии и в наши дни. Такова была **блотвейцла**. Все получали поровну «своё должествующее». Пир, хотя бы раз в год, был воплощением отношений демократического, дружеского характера.

¹⁹ Eddukvæði. Sæmundar-Edda // Íslendinga sögur. Guðni Jónsson bjó til prentunar. — Reykjavík, 1953.

В эддической «Песне о Хюмире», включенной в состав Codex Regius, 2365 и Codex Arnagnaeanus, 748, которую (на основании встречаемости здесь скальдических кеннингов) принято считать поздней и предположительно относить к концу X в., описаны ритуальные действия с культовыми предметами. Она начинается так:

Ár valtívar
veiðar námu
ok sumblsamir,
**áðr saðir yrði,
hristu teina
ok á hlaut sáu;**
fundu þeir at Ægis
örkost hvera²⁰.

(Hymiskviða, 1)

Прежде боги битвы (букв. «трупобоги», «боги павших»)

дичь (мн. ч.) взяли
и потребное для пира,
**трясли прутьями
и на жертвенную кровь смотрели,
пока не узнали;**
они нашли, что у Эгира
всего вдоволь.

(Перевод И. Губанова).

Интерпретация действия асов тут как гадания в двух литературных переводах основана на словосочетании «**áðr saðir yrði**» — «**покуда не стали «правдивыми» (т.е. «знающими правду»)**»).

Так, в переводе В. Н. Тихомирова читаем:

Боги превышние
рыб наловили
и дичи для пира,
да не было пива;
путья метнули,
кровь испытали –
узнали: у Эгира
солода вдоволь²¹.

Автор перевода предположил, что прутья «метнули». Нам представляется, что ближе к реальной практике все же старый перевод С. Свириденко, в котором не говорится о бросании этих культовых предметов:

Собрались для трапезы боги побед;
Да не вдосталь хватило им дичи и браги.
Гадали на прутьях, гадали на крови –
Нагадали, что вдоволь припасов у Эгира²².

20 Eddukvæði. Sæmundar-Edda // Íslendinga sögur. Guðni Jónsson bjó til prentunar. – Reykjavík, 1953.

21 Старшая Эдда (Перевод В. Н. Тихомирова) // Скандинавия. Вып. 1. – М.: Художественная литература, 1989. – I.

22 Эдда. Скандинавский эпос / Перевод, введение и комментарии С. Свириденко. – М.: Изд-во М. и. С. Сабашниковых, 1917. – I.

Вполне возможно, что переводчика смутила аллюзия с эпизодом «нечаянного» убийства Бальдра. Так, в Младшей Эдде читаем: «Höðr tók mistiltein ok skaut at Baldri...» («Он взял прут омелы и метнул в Бальдра...»)²³ (Младшая Эдда: 49]. «Прут», длинная ветка (teinn), очевидно, смутила переводчика, предположившего, что в ритуальных целях применялись какие-то действия, связанные с бросанием/метанием таковой как копьевидного предмета.

Кстати, этот сомнительный, с нашей точки зрения, перевод наводит на мысль о возможной связи «прута жертвенной крови» (или, буквально, «прута жребия») (др.-исл. hlaut-teinn), использовавшегося для окропления жертвенной кровью в древнескандинавском ритуале, с мифом об убийстве Бальдра, этого, возможно, архетипического умирающего и возрождающегося бога. Не являлся ли этот культовый и внешне абсолютно безобидный «прут омелы», которым убили и этим как бы принесли в жертву юного бога, символом вечно возрождающейся жизни? Не свидетельствует ли в пользу этой гипотезы текст «Прорицания вельвы», где после возрождения мира бог Хёнир выбирает hlaut-við — буквально — «дерево жертвенной крови» (или «жребия»), в переводе Т. Михалёвой — именно «жертвенные прутья», а из царства мертвых — Хель — в мир живых как раз возвращается Бальдр («böls mun all batna, Baldr mun koma» (Völuspá: 62) — «зло всё исправится, Бальдр вернётся» (Перевод Т. Михалёвой)?

Если это так, то символика прута омелы удачно и непротиворечиво встраивается в общий комплекс представлений об этом растении. Как известно, оно имело огромное значение в ритуальных и повседневных практиках большинства западных индоевропейских народов — славян, балтов, римлян, кельтов, германцев. Тонкие и гибкие прутья идеально выполняли функции кропила, а само по себе загадочное вечнозелёное (хотя и листовенное) растение, паразитирующее нередко на почти засохших стволах и ветках, неизбежно наводило на мысли о вечной жизни и возрождении.

Дело также и в том, что у нас есть описание блотвейцлы в королевских и родовых сагах, в которых рассказывается, каким образом использовались как прут жертвенной крови (др.-исл. hlaut-teinn), так и сама жертвенная кровь (др.-исл. hlaut), которую собирали в специальную чашу жертвенной крови (др.-исл. hlaut-bolli). Они использовались для окропления кровью жертвенных животных участ-

23 Младшая Эдда. – Л.: Наука, 1970. – XXXIX.

ников пира жертвенной крови — блотвейцлы. Вероятно, в «Песне о Хюмире» сказано о том, что совершая окропление жертвенной кровью («hristu teina» — «трясли прутьями»), можно было получить нужные знания — вероятно, по форме пятен жертвенной крови после окропления («ok á hlaut sáu» — «и на жертвенную кровь смотрели»).

В сагах подробно описывается ритуал окропления кровью принесенных в жертву животных. Так, в описании храма Тора, воздвигнутого в Исландии первопоселенцем Ториром Моstrarской Бородой, содержащимся в начале «Саги о Людях с Песчаного Берега», читаем:

«На жертвеннике также должна была стоять **жертвенная чаша с прутом** наподобие кропила. Им следовало **разбрызгивать из чаши ту кровь, что звалась «долей»**, — то была кровь умерщвленных животных, принесенных в жертву богам. Вокруг жертвенника в задней части капища стояли боги». (Перевод А. В. Циммерлинга)²⁴.

В поздней саге, «Саге о Людях с Килевого Мыса» в описание древнескандинавского храма, по моему мнению, явно добавлены вымышленные подробности — в Скандинавии не строились купольные постройки с «окнами и занавесками», человеческие жертвоприношения вряд ли практиковались в Исландии, вымышленными представляются «вечный огонь» на алтаре и, скорее всего, железный жертвенник, также, возможно, и чаша изготовлялась не из меди, а из дерева, как и все другие объекты в храме и сам храм, который представлял собой, скорее всего, традиционный древнескандинавский длинный дом каркасно-столбовой конструкции. Описание храма Тора, который воздвиг Торgrim Годи, с добавленными в этой саге, как нам представляется, фантастическими деталями, выделенными здесь, таково:

«...он велел построить большое капище на своём поле. Оно было сотню футов в длину и шестьдесят в ширину. Все люди должны были платить туда капищный сбор. Более всего там почитали Тора. **Снаружи оно было сделано круглым, словно шапка. Всё оно было занавешено и с окнами.** Посредине там стоял Тор и с двух сторон — остальные боги. Прямо перед ними стоял алтарь, сделанный очень искусно и покрытый сверху железом. **На нём должен был гореть огонь, который ни-**

когда не гас. Они называли его священным пламенем. На этом алтаре должно было лежать большое кольцо, сделанное из серебра. Его должен был надевать на руку жрец на все собрания. Там все люди должны были давать клятвы по всем делам. На этом алтаре должна была также стоять большая **чаша из меди.** Туда нужно было собирать всю кровь, что получалась от скота, которого посвящали Тору, **или людей.** Они называли это жертвенной кровью или *чашей* (перевод наш — А. Х., И. Г.) с жертвенной кровью. Этой кровью нужно было брызгать на людей или скот; тот скот, что приносился в жертву, использовался в пищу, когда наступал жертвенный пир. Людей же, которых приносили в жертву, бросали в болото, что было снаружи у дверей. Они называли его Жертвенным Болотом²⁵. В доме у Капища были поперечные балки, что были в капище, когда Олав сын Йона разломал его. Он велел все их расколоть, и они всё равно остались ещё очень толстыми. Торgrim установил весенний тинг на юге Килевого Мыса у моря. Это место для палаток ещё видно. Там должны были разбираться небольшие тяжбы, и на альтинг передавались только те, что не решались там или были очень сложными» (перевод Т. Ермолаева).

Как видим, в «Саге о Людях с Песчаного Берега» этих, вероятно, вымышленных деталей «Саги о Людях с Килевого Мыса», вроде купольных построек с занавешенными окнами или металлических жертвенников с вечным огнём, нет. Там храм представляет собой, вероятно, обычный древнегерманский длинный дом каркасно-столбовой конструкции на деревянных столбах со специально отведенным помещением для алтаря. Сравнение с описанием храма в «Саге о Людях с Килевого Мыса» показывает историчность описания храма Тора в «Саге о Людях с Песчаного Берега».

Само действие пира жертвенной крови — **блотвейцлы** — достаточно детально описывается в «Саге о Хаконе Добром» «Круга Земного» Snorri Стурлусона. Оно вполне соответствует «Саге о Людях с Песчаного Берега» в части описания предметов культа и культовой субстанции жертвенной крови и их функций, а также дополняет эту родовую сагу описанием «тостов», которые в честь богов произносились на пире жертвенной крови, когда кубок (или рог) передавался по рукам пирующих. Пили в честь Одина — бога павших воинов, войны и дарователя победы, в честь Фрейра — бога плодородия и мужской силы,

²⁴ Исландские саги. Т. 2 / Пер. прозаич. текста с древнеисл., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга; Стихи в пер. А. В. Циммерлинга и С. Ю. Агишева / под ред. С. Ю. Агишева, А. В. Бусыгина, В. В. Рыбакова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — (Studia philologica). — С. 25.

²⁵ Следует отметить, что в болотах Дании сохранились многочисленные мумифицированные тела конца I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. — А.Х., И.Г.

в честь умерших предков и в честь сказителей. Это описание, в силу комплексности и выделения первоочередных сфер жизни, актуальных для традиционного общества, в честь сакральных покровителей которых совершались возлияния пивом, выглядит вполне этнографически достоверным.

«Сигурд, хладирский ярл, был ревностным язычником, каким был и Хакон, его отец. Сигурд ярл давал все жертвенные пиры от лица конунга там в Трёндалёге. По древнему обычаю, когда предстоял жертвенный пир, все бонды должны были собраться туда, где стояло капище, и принести припасы, которые нужны во время жертвенного пира. На этот пир все должны были принести также пива. Для пира закалывали всякого рода скот, а также лошадей. Вся кровь от жертв называлась жертвенной кровью, а чаши, в которых она стояла, — жертвенными чашами, а жертвенные веники были наподобие кропил. Ими окропляли все жертвенники, а также стены капища снаружи и внутри. Жертвенной кровью окропляли также людей. А мясо варили и вкушали на пиру. Посредине пиршественной палаты горели костры, а над ними были котлы. Полные кубки передавались над кострами, и тот, кто давал пир и был вождем, должен был освящать полные кубки и жертвенные яства. Первым был кубок Одина — его пили за победу и владычество своего конунга, потом шли кубок Ньёрда и кубок Фрейра — их пили за урожайный год и мир. У многих было в обычае пить после этого кубок Браги. Пили также кубок за своих родичей, которые уже были погребены. Этот кубок называли поминальным» (Перевод М. И. Стеблин-Каменского)²⁶ (Снорри Стурлусон 1995: 74-75).

Следует особо отметить, что часть традиционной скандинавской формулы из «тоста», посвященного божествам плодородия Ньёрду и Фрейру, возможно, наиболее древней в ритуалах «пира жертвенной крови» — **блотвейцлы**, сохранилась в Норвегии и в христианские времена, о чем свидетельствует ее присутствие в средневековых норвежских областных законах — в «Законах Гулатинга» и «Законах Фростатинга». В «Старых законах Гулатинга» сказано, что осенью и на Рождество бонды должны были собираться на «общее принесение пива» (**samburðaröl**), и там они должны были произнести над пивом благословение в честь Христа и Девы Марии — **«til árs ok til friðar»** — «за (урожайный) год и за мир»²⁷. Как

тут сказано: «**6. ...þat kalla menn samburðar ol... gera böndr .iii. saman hit fæsta... En þat ol scal signa til krist þacca oc sancta Mariu til árs oc til friðar...**» (Norges gamle Love indtil 1387 1846: 6). — «Это люди называют **«совместно принесённым пивом»**... бонды вместе готовят (букв. «делают» — др.-исл. gera) этот пир... И нужно это пиво **освящать** (букв. — «делать знак (над ним)» — др.-исл. signa²⁸) во имя христианского мира и Святой (Девы) Марии **за урожайный год и мир**» (Перевод И. Губанова).

В «Законах Фростатинга» в предписании о посте говорится о благословении постящимся людям и употребляется эта же формула пожелания блага — **«til ars oc friðar oc til heillsu allum monnum»** — «за (урожайный) год и мир и на здоровье всем людям»²⁹.

Мы ни в коей мере не можем согласиться с мнением К. Крага, что «Понятие «мира», которое мы находим здесь, также идентично христианскому «рах» и не соответствует использованию этого слова... в контекстах, в которых христианское влияние не ощущалось... Таким образом, нет причин рассматривать это словосочетание .... как языческое наследие ... В любом случае ... это не аргумент в пользу того мнения, что норвежцы унесли с собой важные части язычества в новую эпоху»³⁰. Идентичность лексики формулы «за (урожайный) год и мир» — **«til ársokfriðar»** при сходном обряде питья пива бондами в священные праздники после сбора урожая определенно указывает на её глубоко традиционный, дохристианский характер, уходящий в глубину истории скандинавского аграрного общества. В свою очередь, сохранение этой формулы в средневековых христианских законах при описании уже христианских праздников после сбора урожая — сильный аргумент в пользу историчности описания **блотвейцлы** у Снорри Стурлусона, который лишь зафиксировал традицию, ничего не выдумывая.

Наиболее хорошо археологически исследованы палаты **Хофстадир** (др.-исл. Hofstaðir — «Места Храма») на северо-западе

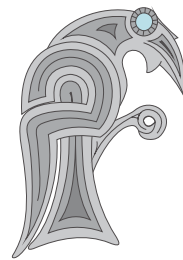
²⁸ Этот глагол вполне может иметь древние дохристианские коннотации, ср. — «И когда полный кубок был налит, Сигурд ярл произнес пожелание и посвятил кубок Одину («signaði Óðni»). Он испил из рога и передал его конунгу (Хакону Доброму — А. Х., И. Г.). Конунг принял рог и перекрестил его. Тогда Кар из Грютинга сказал: — Почему конунг поступает так? Или он не хочет участвовать в жертвоприношении? Сигурд ярл отвечает: — Конунг поступает так, как все, кто верует в свою мощь и силу и посвящают свой кубок Тору («signa full sitt Þór»). Он сделал знак молота над рогом, прежде чем испить» (Перевод М. И. Стеблин-Каменского) (Снорри Стурлусон 1995: 76).

²⁹ Krag C. The preaching of the church in the early Middle Ages and the Christianity of the Norwegians. — L., 1992. — P. 21.

³⁰ Ibid. — P. 22.

²⁶ Снорри Стурлусон. Круг Земной. — Л.: Научно-издательский центр «Ладомир», изд-во «Наука», 1995. — С. 25.

²⁷ Krag C. The preaching of the church in the early Middle Ages and the Christianity of the Norwegians. — L., 1992. — P. 19-21.

Исландии, датируемые X столетием. Судя по всему, это была усадьба богатого хёвдинга. В пользу того, что здесь проводились пиры жертвенной крови, свидетельствуют находки останков скота, нетипичные для обычной животноводческой практики того времени. Прежде всего, речь идет о многочисленных останках молодых бычков, вероятно, принесенных весной в жертву для блотвейцлы, которая должна была состояться летом. Таким образом, исследования на Хофстадире — дополнительный аргумент в пользу исторической достоверности блотвейцлы³¹ (Hofstaðir 2009; Gestsdóttir 1999: 44-54; Gestsdóttir 2000: 21-25).

Формула клятвы на кольце годи (которое описывается также лежащим на алтаре храмов Тора в уже упоминавшихся выше «Саге о Людях с Песчаного Берега» и в «Саге о Людях с Килевого Мыса»), которая предвзяла тяжбу и имела универсальный характер, содержится в достаточно раннем и, вероятно, достоверном источнике — «Книге о занятии земли» (*Landnámabók*), написанной в XI в. Ари, сыном Торгильса (1068-1148), а также в «Пряди о Торстейне Бычья Нога» (относится к сагам Восточных Фьордов — *Austfirðinga sögur*, включена в знаменитую «Книгу с Плоского Острова» (*Flateyjarbók*) — рукопись, датируемую 1387-1394 гг.). Также эти источники повествуют о первопоселенцах в Исландии во второй половине IX — первой половине X века, о том, как мудрый старец Ульвльот принес из Норвегии в Исландию первые законы, учреждении в Исландии региональных дохристианских храмов, о функциях древнеисландских окружных вождей-жрецов — годи в X столетии, о том, как страна была разделена на четверти и об учреждении всеисландского народного собрания — альтинга. Показательно, что эта сакральная клятва — основная и универсальная юридическая формула — воспроизводится уже без упоминания дохристианских богов как клятва на Книге (Библии) в исландской родовой «Саге о Ньяле» при описании событий начала XI в.

Мы приводим текст этой универсальной клятвы на кольце годи по «Книге о занятии земли» (текст из «Книги Хаука» — рукописи, датируемой 1306-1308 гг.). Текст в фор-

муле клятвы, идентичный в «Книге о занятии земли» и в «Саге о Ньяле», выделен жирным шрифтом:

«Кольцо в два или более эйрира должно лежать на алтаре в каждом главном капище. Это кольцо каждый годи должен надевать на свою руку на каждое общее собрание, где он будет председательствовать, но сначала окрасить его в крови животного, которое он сам там принесёт в жертву. Каждый человек, которому нужно будет выступать на суде, должен сначала принести клятву на этом кольце и назвать двух или больше своих свидетелей». (Перевод Т. Ермолаева). **«Я призываю свидетелей в том»,** — должен он говорить, — **«что я приношу клятву на кольце, законную клятву.** Да помогут мне в том Фрейр, Ньёрд и всемогущий Асс, чтобы я так вменял иск, или защищал(ся), или свидетельствовал, или выносил приговор, **как, я знаю, правильнее всего и правдивее всего будет, и предпочтительнее всего по закону и обоснованно все должно с моей стороны разрешаться, что подлежит мне, покуда я на этом тинге»** (Перевод И. Губанова).

Следует отметить, что в первоначальном варианте клятвы говорится, что она произносится **«at baugi»**, то есть сакральный браслет годи обозначается в клятве словом *baugr* — в древнегерманских языках так же именовались браслеты, которые эпические конунги раздавали или делили своим соплеменникам — дружинникам, пирующим с ними в дружинном зале (ср. др.-англ. *beaga* в «Беовульфе», отсюда эпитет конунга в англосаксонском эпосе — **«beaga brytta»** — «ломатель колец»).

Между тем в «Саге о Ньяле» (Гл. 142, 12), в которой повествуется о событиях начала XI века, формула клятвы, предвзяла тяжбу, повторяет формулу на кольце годи (правда, после принятия христианства ее произносили уже на Библии):

«Мёрд сказал: **«Я призываю свидетелей в том, что я приношу клятву на Книге, законную клятву,** и говорю я Богу, что **я буду вменять иск, как, я знаю, правильнее всего и правдивее всего будет, и предпочтительнее всего по закону и обоснованно все должно с моей стороны разрешаться, покуда я участвую в этом деле»** (Перевод И. Б. Губанова).

Таким образом, перед нами древняя традиционная вводная клятва при начале тяжбы, которая была пригодна как для истца, так и для ответчика или свидетеля. Хотя истец в «Саге о Ньяле» клянется на Книге, то есть

³¹ Hofstaðir: Excavations of a Viking Age Feasting Hall in North Eastern Iceland / Gavin Lucas (ed.), Inst. of Archaeology Reykjavik Monograph 1. — Reykjavik, 2009; Gestsdóttir H. «The Medieval Chapel and Churchyard» // Hofstaðir. Framvinduskýrslur Interim Reports. Fornleifastofnun Íslands / Lucas G. (ritstj.), FS130-91018. — Reykjavik, 2000. — P. 21-25; Gestsdóttir H. «The Medieval Churchyard» // Hofstaðir. Framvinduskýrslur Interim Reports. Fornleifastofnun Íslands / Lucas G. (ritstj.), FS102-91017. — Reykjavik, 1999. — Bls. 44-54;

на Библии, — тяжба имеет место в начале XI в., после принятия христианства в Исландии на альтинге в 1000 г. н. э., — формула текстуально идентична предыдущей, исключая, разумеется, упоминания дохристианских богов.

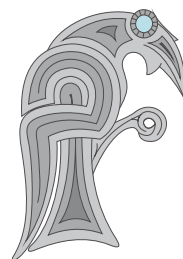
О разделении Исландии на четверти и функциях вождей-жрецов, называвшихся годи, мы приведем текст из «Пряди о Торстейне Бычья Нога», в котором жирным шрифтом выделены синонимы, не встречающиеся в тексте «Книги о занятии земли», что, возможно, указывает не на копирование текста из нее писцом конца XIV в. (так датирована рукопись «Книги с Плоского Острова»), а на запись рассказа, бытовавшего в устной традиции. При этом перевод Тимофея Ермолаева соответствующего места из «Книги о занятии земли» вполне подходит к этому фрагменту:

«Тогда страна была поделена на четверти, и должно быть три тинга в четверти, и три главных капища в каждой общине тинга. Там были выбраны люди, чтобы присматривать за капищами, мудро и справедливо. Они должны были назначать суды на тингах и управлять ходом тяжбы. Их называли годи. Каждый человек должен был платить капищу пошлину, как сейчас десятину церкви». (Перевод Т. Ермолаева).

Таким образом, соответствие текстов песен «Старшей Эдды» и родовых и королевских саг в обозначении предметов культа и их функционировании, а также сохранение даже после крещения Исландии традиционной формулы юридической клятвы, которая первоначально давалась на священном кольце годи, а после 1000 г. — на Библии, так же, как и сохранение древней формулы аграрного культа, формулы «за урожайный год и мир», при сходном обряде питья пива в Норвегии на Рождество по Гулатингу, с высокой степенью вероятности подтверждают историчность древнеисландских сведений о дохристианском храме и пире жертвенной крови — блотвейцле. В более широком контексте мы можем говорить о дополнительных подтверждениях историзма исландских источников и их чрезвычайной ценности для процесса реконструкции уклада жизни архаической Скандинавии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байок Дж. Л. Исландия эпохи викингов. — М., 2012.
2. Губанов И. Б. Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества Древней Скандинавии. Исследование, тексты и переводы. — СПб., 2016.
3. Губарев О. Л. О клятвах русов и славян // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. — № 5. — 2013. — С. 1-7.
4. Исландские саги. Т. 2 / Пер. прозаич. текста с древнеисл., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга; Стихи в пер. А. В. Циммерлинга и С. Ю. Агишева / под ред. С. Ю. Агишева, А. В. Бусыгина, В. В. Рыбакова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — (*Studia philologica*).
5. Кулешов В. С. Золотые браслеты русов IX–XI веков: тексты, вещи и функции // В камне и в бронзе: Сб. статей в честь Анны Песковой / Редакторы-составители А. Е. Мусин (отв. ред.) и О. А. Щеглова (ИИМК. Труды. Т. XLVIII). — СПб.: ИИМК РАН; Невская Книжная Типография, 2017. — С. 253–258.
6. Мельникова Е. А. Заложники и клятвы: процедура заключения договоров с норманнами // *Именослов. История языка. История культуры* / Отв. ред. Ф. Б. Успенский. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. — 113–183.
7. Мельникова Е. А. «Обручья» некрещёной руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции // *Средние века*. — Т. 75, № 3-4. — М., 2014. — С. 176–192.
8. Младшая Эдда. — Л.: Наука, 1970.
9. Снорри Стурлусон. Круг Земной. — Л.: Научно-издательский центр «Ладомир», изд-во «Наука», 1995.
10. Старшая Эдда (Перевод В. Н. Тихомирова) // *Скандинавия*. Вып. 1. — М.: Художественная литература, 1989.
11. Хлевов А. А. Историко-культурный феномен Северной Европы I–VIII вв. Дисс. на соискание уч. степени доктора философских наук по специальности 24.00.01. — СПб., 2002.
12. Хлевов А. А. Предвестники викингов: Северная Европа в I–VIII вв. — СПб.: Евразия, 2016.
13. Хлевов А. А. Начало эпохи викингов — о правомочности формулировки // *Скандинавские Чтения 2016 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты*. — СПб., 2018. С. 17–26.
14. Хлевов А. А. «Житие св. Виллиброрда» как источник по этнопсихологии древних германцев // *Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто*. Москва, 14–16 апреля 2021 г. Материалы конференции. — М., 2021. — С. 303–308.
15. Эдда. Скандинавский эпос / Перевод, введение и комментарии С. Свириденко. — М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1917.
16. Aðalsteinsson J. H. Blót and þing: The function of the tenth century Goði // *A Piece of Horse Liver: Myth, Ritual and Folklore in Old Icelandic*

- Sources. — Reykjavík, 1998. — P. 35-56.
17. Brennu-Njálssaga. Ed. Gustave Cederschiöld, Hugo Gering und Eugen Mogk // *Altnordische Saga — Bibliothek. Halle, 1908. — Hf. 13.*
  18. Christensen T. Lejre — syn og sagn. — Roskilde: Roskilde Museums Forlag, 1991.
  19. Eddukvæði. Sæmundar-Edda // *Íslendinga sögur. Guðni Jónsson bjó til prentunar. — Reykjavík, 1953.*
  20. Eriksen M. H. The Powerful Ring. Door rings, oath rings, and the sacral place // *Viking Worlds. Things, spaces and movement, ed. by M. H. Eriksen, U. Pedersen, B. Rundberget, I. Axelsen and H. Berg. — Oxford: Oxbow, 2015. — P. 73-87.*
  21. Eyrbyggja saga // *Altnordische Saga — Bibliothek / Hrsg. von Gustaf Cederschiöld, Hugo Gering und Eugen Mogk. — Halle: A. S. Max Niemeyer, 1897.*
  22. Gestsdóttir H. «The Medieval Chapel and Churchyard» // *Hofstaðir. Framvinduskýrslur Interim Reports. Fornleifastofnun Íslands / Lucas G. (ritstj.), FS130-91018. — Reykjavík, 2000. — Bls. 21-25.*
  23. Gestsdóttir H. «The Medieval Churchyard» // *Hofstaðir. Framvinduskýrslur Interim Reports. Fornleifastofnun Íslands / Lucas G. (ritstj.), FS102-91017. — Reykjavík, 1999. — Bls. 44-54.*
  24. Gunnell T. Hof, Halls, Goðar and Dwarves: An Examination of the Ritual Space in the Pagan Icelandic Hall // *Cosmos. 2001. — № 17. — P. 3-36.*
  25. Herschend F. Livet I Hallen. Tre fallstudier I den yngre järnålders aristokrati // *Occasional Papers in Archeology 14. — Uppsala: Institutionen för arkeologi och antic historia, Uppsala universitet, 1997.*
  26. Hofstaðir: Excavations of a Viking Age Feasting Hall in North Eastern Iceland / Gavin Lucas (ed.), *Inst. of Archaeology Reykjavik Monograph 1. — Reykjavík, 2009.*
  27. Kjalnesingasaga og Jökuls þáttur Búasonar // *Íslendinga sögur. Guðni Jónsson bjó til prentunar. — Reykjavík, 1953.*
  28. Krag C. The preaching of the church in the early Middle Ages and the Christianity of the Norwegians. — L., 1992.
  29. Olsen O. Hørg, hov, og kirke // *Historiske og arkaeologiske vikingetidsstudier. Aarboger for nordisk Oldkyndighed og Historie. — Kbh., 1965. — S. 5-307.*
  30. Näsström B.-M. Blot: Tro och offer i det förkristna Norden. — Göteborg: Norstedts, 2004.
  31. Riisoy A. I. Performing Oaths in Eddic Poetry: Viking Age Fact or Medieval Fiction? // *Journal of the North Atlantic. — Vol. 8. — 2016. — P. 141-156.*
  32. Snorri Sturluson. Heimskringla. Fyrra bindi / *Ritstjórn Bergljót S. Kristjánsdóttir, Bragi Halldórsson, Jón Torfason, Örnólfur Thorsson. Mál og menning. — Reykjavík: Prentsmiðjan Oddi hf., 1991.*
  33. Stenberger M. Det forntida Sverige. — Sth., 1964.

27...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

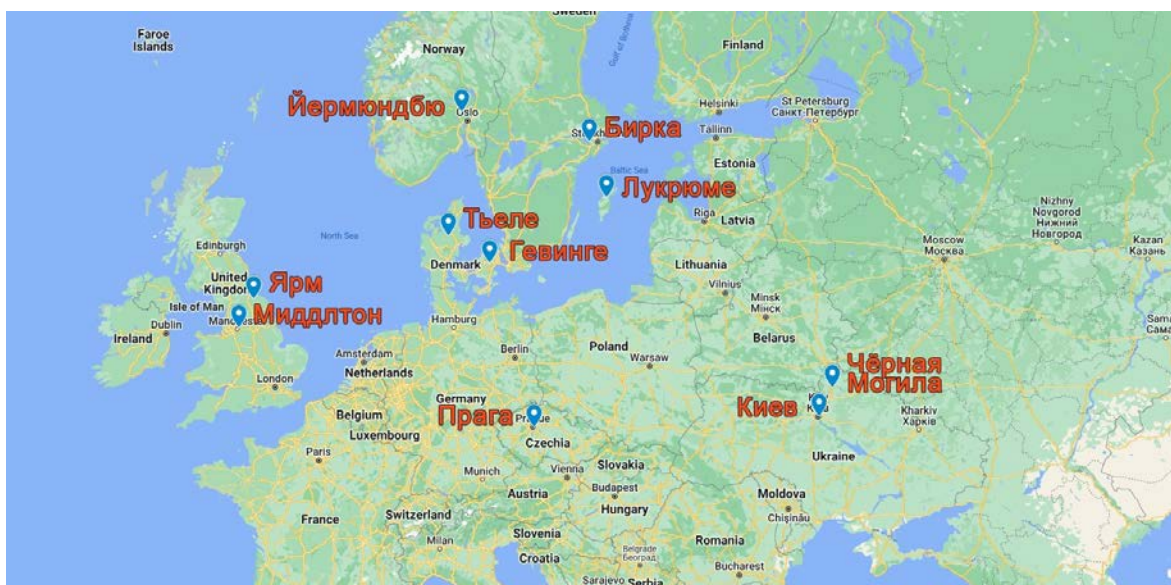
№40
2023

Шлемы викингов X века

Александр СЕВЕРОВ

Статья первоначально опубликована
в публице «Викинг»
https://vk.com/public_ivikingu

Карта с указанием мест обнаружения шлемов, датированных X веком
и ассоциированных с эпохой викингов.

В этой статье вы найдёте короткий обзор шлемов, которые, предположительно, использовались в Скандинавии в X веке.

Викингов мы всегда узнаём по шлемам, так уж повелось. Сначала это были рогатые шлемы, теперь же в тренде жалобный взгляд двух глубоких колодцев очковидной маски. Действительно, не пройтись ли по всем известным шлемам? Добавят ли они что-то к уже известному нам образу?

Для начала скажем, что в последние годы консенсус таков, что шлемы викингов — это шлемы, найденные в зоне присутствия викингов, а как правило, это объекты, датированные X веком. Таким образом, шлемы викингов — это шлемы X века. Ещё лет десять назад вполне полноправными кандидатами в викингские шлемы считались Вендельские шлемы. Но мода неумолимо мчится вперёд, и теперь Вендель движется на скамейку запасных, туда, где давно уже находятся рогатые. Что же, что именно может предложить нам X век? Всего три группы артефактов:

1. Шлемы, которые
были найдены:

Йермюндбю
Ярм

2. Шлемы, от которых
остались кусочки:

Лукрюме
ТЬеле
Прага
Киев

Бирка
Гевинге

3. Шлемы, которые не нашли,
но верят, что они были:

Миддлтон
Чёрная Могила

Не буду больше задерживаться, перейдём к описанию.

Йермюндбю

Наша знаменитость — шлем из Йермюндбю.

Шлем является единственным относительно сохранившимся шлемом, найден в Скандинавии в кургане на ферме Йермюндбю в 1943 году, датирован 2-й половиной X века. Купол состоит из четырёх частей, соединённых четырьмя дугами, что делает конструкцию похожей на шпангенхельмы. На вершине шлема есть шип и пластина, соединяющая края частей купола. Очковидная маска крепится на заклёпках, предположительно, была декорирована серебром. В нижней части шлема сохранились кольца, за которые, вероятно, крепилась некая защита шеи. Как правило, реконструируется как кольчужное

полотно, но это могли быть как металлические щитки, так и укреплённые кожаные или войлочные накладки. Не спешите говорить, что «кожаные или даже войлочные» накладки — чушь! В свою защиту приведу цитату из Саги о Людях Песчаного берега, глава XLV:

«Вслед за этим он ударил Фрейстейна мечом по шее так, что раздался сильный хруст.

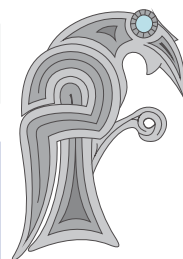
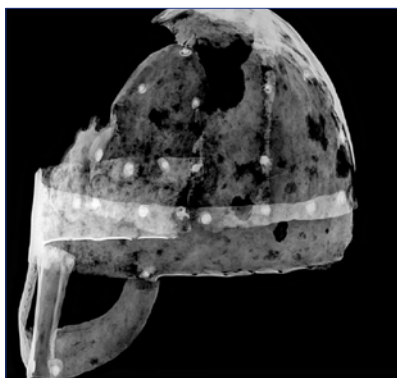
Стейнтор сказал:

— Попало тебе, Проныра?

— Попасть-то попало, — сказал Фрейстейн, — да не так, как ты думаешь: нет на мне раны.

На нем был плащ с войлочным капюшоном, и вокруг шеи в него был зашит рог: как раз туда и пришелся удар».

Ярм

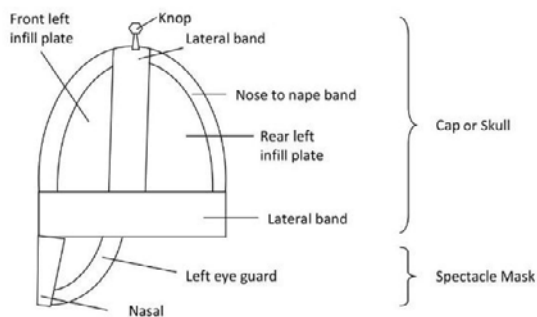
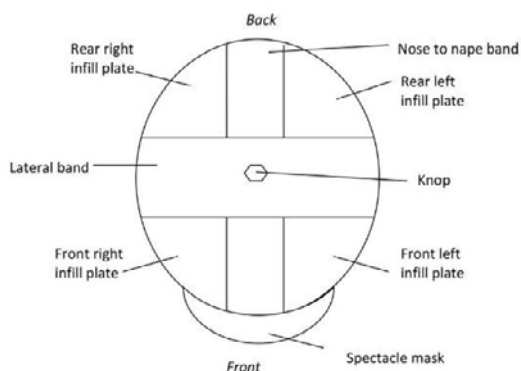

29...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

*райдинг – территориальная единица Йоркшира. Йоркшир состоит из трёх райдингов: Западного, Северного

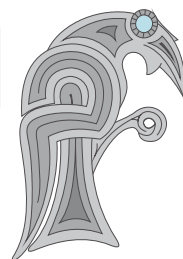
и Восточного. Исторически райдинги сформировались ещё в эпоху викингов и территориально соответствуют херредам, созданным викингами Йорвика. Напомню, что херред – это аналог английской и американской сотни (хандред) – территориальной единицы, которая была обязана дать 100 вооружённых человек во время созыва ополчения. Йорвик не входит в состав ни одного из херредов, как и современный Йорк не входит в состав ни одного из райдингов, что указывает на его политическую значимость. Смею предположить, что название «райдинг» связано с системой фирдов, в которые часто набирали всадников для патрулирования побережья. Т.о. «райдинг» буквально можно перевести как «разъезд».

Шлем из Ярма был найден в 1950 году в Ярме, Северный райдинг* Йоркшира, датирован приблизительно X веком. Является первым относительно целым англо-скандинавским шлемом, найденным в Британии, и вторым относительно целым шлемом эпохи викингов, из когда-либо открытых в Северо-Западной Европе. Экспонируется в Preston Park Museum в Стоктоне-на-Тизе, а владеет им Городской Совет Ярма. Железный шлем сделан из лент и пластин, склёпанных вместе, сверху шлема обыкновенный кноп. Спереди шлем имеет очковидную маску, составленную из двух частей. В нижней части шлема есть отверстия, куда крепилась защита, аналогичная той, что была у шлема Йермундбю.

Шлем из Ярма и из Йермундбю

Лукрюме

Фрагмент шлема из Лукрюме

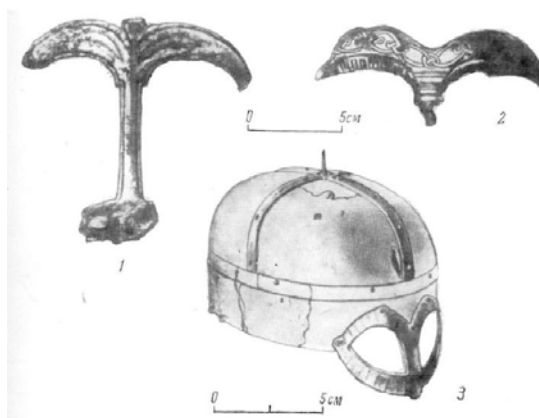
Попытка реконструировать, купол взят со шлема Йермюндбю, а наносник, видимо, имеет прототипом сохранившийся фрагмент киевского шлема.

Ещё одна попытка реконструировать. Как видите, тут есть кожаные нащёчки.

Фрагмент из Лукрюме в сравнении с наносником из Киева и шлемом из Йермюндбю — тут мы видим истоки современной реконструкции.

Фрагмент шлема из Лукрюме был обнаружен на о. Готланд и был внесён в каталог Готландского музея в 1907 году, по сей день там и находится. Ширина составляет 13,2 см. Датирован X веком, считается частью одного из пяти шлемов, дошедших до нас от эпохи викингов, наряду с находками из Йермюндбю, Ярма, Киева, Тъеле, описанными в этой статье и найденными в историческом регионе присутствия викингов. Фрагмент является частью надбровной защиты и наносника, инкрустированного серебром. Узор симметричный, переплетается с лентами и окружностями. Очень редкая и красивая вещь, явно находится в некоторой преемственности со шлемами эпохи Венделя и в очевидном родстве

31...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

с другими предметами с Готланда. Внешний вид реконструкции можно оспаривать, т.к. всё же купол шлема мог быть каким угодно, а защита лица — не обязательно очковидной. Насчёт кожаных нащёчников — вброшу свои пять копеек. Чисто теоретически, их могли укреплять чем угодно, не только костью, но и камнями. Не спешите называть это бредом! Обратимся к Саге о Людях Вапнафьорда, глава 2:

«Рассказывают, что он (Хельги-Шип — прим. ред.) подобрал большой и тонкий кусок плитняка и вставил одним концом в штаны, а другой — перед грудью. <...>

— Ты, должно быть, намеревался встретиться со мной, и ты не зря шёл, — сказал Сварт, подскочил к нему и ударил большим бердышом, но Хельги-Шип выставил щит; удар пришёлся в край щита и по плите и отразился от неё так сильно, что Сварт упал. Хельги-Шип ударил по ноге и отрубил её.

И молвил Сварт:

— Теперь видно, кто из нас удачливее, — говорит он».

Почитав саги, начинаешь смотреть на многие подручные материалы иначе — они оказываются, по крайней мере на слово, подходящими для создания доспеха. Так что, фантазируйте!

Тьеле

Фрагмент из Тьеле был обнаружен в 1850 году в Дании, датируется периодом между 950–970 гг. н.э. Ширина составляет 12 см, высота 7 см. Фрагмент является частью надбровной защиты и наносника, предположительно, формировавших очковидную маску. Каким именно был купол шлема — неизвестно. Скажем даже больше, нет уверенности, что это вообще был шлем, т.к. с момента открытия в 1850 году по 1984 считалось, что это фрагмент конской упряжи или часть декора седла. Рядом были найдены восемь фрагментов узких железных полос шириной около 1 см, все различной длины.

Фрагмент шлема из Тьеле

Два варианта его реконструкции, купол снова взят от Йермюндбю

Прага

Шлем выставляется в Замке Праги, датирован второй половиной X века и ассоциирован со святым Венцеславом — герцогом Богемии с 921 по 935 гг, который был убит братом и канонизирован как мученик, дав начало культа св. Венцеслава. Купол шлема, как оценивается, был заменён в XI веке, а обод и наносник, декорированные узорами и сюжетом распятия, покрытые серебром, являются оригинальным произведением X века. Именно по этой причине пражский шлем можно считать частично уцелевшим. Украшения сближают пражский шлем со шлемом из Лукрюме. Так считают некоторые специалисты, хотя я бы

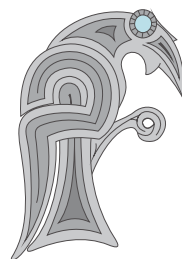
не видел в этом чего-то особенного. Кроме того, от меня ускользнула история обнаружения этого шлема, как, впрочем, и от многих других — в источниках об этом ничего не сказано, кроме намёков на то, что шлем-де был реликвией и 1000 лет пролежал в Пражском замке, пока тот не стал музеем. Также может возникнуть вопрос, почему Венцеслав так упорно и навязчиво продвигают как один из шлемов викингов? Насколько я понимаю, основным и единственным аргументом является то, что обод и наносник, равно как и предполагаемый оригинальный купол, якобы могли быть изготовлены на Готланде. Хотя, имхо, по-

Пражский шлем, более известный как шлем св. Венцеслава

Изображение распятия на наноснике и надбровниках

Чти близнецы-братья шлема Венцеслава были найдены в Германии, Чехии, Польше, Англии и в целом везде в Западной Европе и являлись модернизацией поздних романских шлемов, возникшей в IX веке где-то на территории современных Франции и Германии.

Спереди и сбоку

Сбоку и снизу

В сравнении с другими известными и неизвестными шлемами-современниками. Здесь Пражский шлем отнесён к XI веку, хотя его датируют второй половиной X. Очевидно, что он ближе всего к образцам 2, 3 и 4.

33...

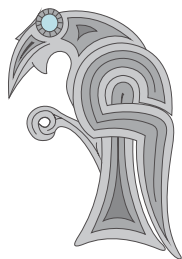
СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

№40
2023

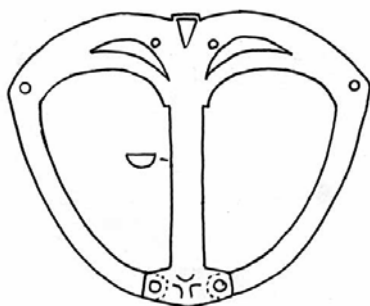
И конечно же — реконструкция

Киев

Возможно, маска выглядела так:

Фрагмент шлема из Киева был обнаружен в Десятинной церкви Киева в начале XX века, подробности отсутствуют. Датирован второй половиной X века. Сохранившийся фрагмент представляет собой маску с очень большими отверстиями, от копья такие не спасут, но зубы от меча прикроют =). Фрагмент имеет украшение, собран из нескольких деталей при помощи клёпки. Была ли маска очковидной — однозначно судить нельзя, но, похоже, что это наиболее вероятно.

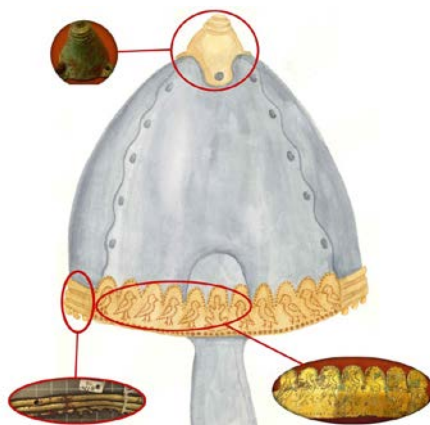

Фрагмент шлема из Киева

Очередная реконструкция, и снова с куполом от Йермюндбю

Бирка

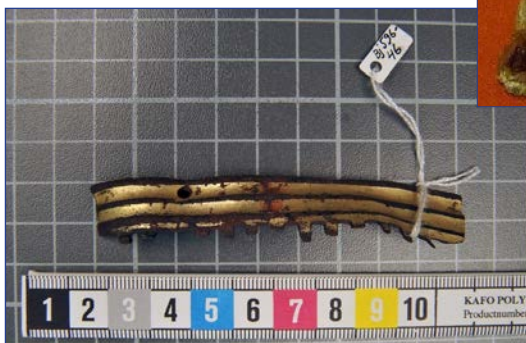
Реконструкция декоративного элемента

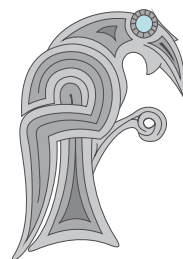
Fig. 3b.

Найденные фрагменты шлема из Бирки

Вершина шлема из Бирки

Фрагменты шлема были найдены в м-гильнике на о. Бьоркё, где ранее располагался гарнизон поселения Бирка. Сохранились на-вершие, на котором есть свидетельства тому, что оно ранее было покрыто оловом, позолоченная декоративная лента с изображением птиц и цветов, а также позолоченное крепле-ние для кольчужной защиты шеи, крепивше-еся в нижней части шлема. Кто-то утверждает, что это части разных шлемов, но нет никаких оснований не принимать версию о том, что это детали одного шлема. Впрочем, мне под-

робностей обнаружения шлема не известно, как и даты, а что на Бирке случались загадоч-ные вещи с находками и их трактовкой, я на-слышан. Так или иначе, собрав вместе, эти части реконструируют как шлем максимально близкий к Черниговскому шлему из Гульбища. Хотя он сойдёт и за шлем из Геча, Польша. В целом большинство спецов сходится, что шлем попал на Готланд из Гардарики. Да и я не припомню такого большого количества птичек на скандинавских шлемах. Кстати, кто это? Воробушки или голуби?

Гевинге

Фрагмент шлема из Гевинге был найден в Дании в 2000 году при раскопках фермы эпохи викингов. Фрагмент сделан из бронзы и позолочен. Фрагмент являлся частью ма-ски, изображает стилизованные бровь и веки с ресницами правого глаза. По словам ис-следователей, Гевинге может быть связано с англосаксонской Британией, т.к. находится в 1,9 км от Лейре, который, как полагают, в древности стал прототипом для Хеорота — главного места действия поэмы «Беовульф». Гевинге расположен таким образом, что вся-кий, кто заходит с моря в Лейре, должен пройти через него. Очевидно, там распола-гался гарнизон, защищавший столицу. В по-эме Беовульфа на берегу встречает конный разъезд, стансы 230-240:

*«...страж побережья,
следил, как ратники
во всеоружии,
в одеждах битвы
над бурунами
проходят по сходям;
дивился витязь
гостям незванным,*

235

*и прямо к ним он
коня направил,
<...>
Давно храню я
наши границы,
поморье датское
от злонамеренных
морских разбойников».*

Это тут же отсылает нас к размышле-ниям о райдингах Йоркшира, что я дал в сно-ске к описанию шлема из Ярма. Но вернёмся к фрагменту из Гевинге. Сам фрагмент имеет очевидную связь со шлемами эпохи Венделя. предположительно, это была часть шлема с гребнем, такой тип был в ходу

Правая глазница шлема из Гевинге

в Англии и Скандинавии с VI по XI вв. Есть мнение, что «глазницу» отделили от шлема и выбросили умышленно, т.к. есть анало-гичная находка из другого места. В данном контексте предполагается связь с культом Одина, но, на мой взгляд, это весьма сом-нительно, т.к. культ Одина не фиксируется раньше XI века, когда он был описан впер-вые Адамом Бременским как культ поклоне-ния Водану. Про его одноглазость не было никаких упоминаний. Никаких материальных свидетельств о поклонении каким-либо бо-жествам, кроме Тора, до сих пор не найдено. Я не говорю, что их не было, но не найдено. Тема же единизма наиболее полно раскры-вается в XIII-XIV веках, когда, вероятно, сам единизм и был порождён фольклорной тра-дицией и, в таком случае, является псевдо-единизмом. Тем не менее одноглазость Одина фиксируется именно в период XIII-XIV вв. Поэтому версию о ритуальном выбрасы-вании «глазницы» ставим под большое сом-нение. Ширина фрагмента составляет 8 см, высота 5, отлит из бронзы. Сверху есть три отверстия, вероятно для крепления к ку-полу шлема.

35...

Миддлтон

Хотите верить, хотите нет, но изображение на камне рассматривается некоторыми как отдельный шлем. Ну, в чём-то они правы, конечно. Монумент датирован X веком, на нём изображён воин в шлеме с наносником. Шлем походит на шлем Венцеслава, а также на нормандские шлемы XI века, какими они изображены на знаменитом полотне из Бойе. На кресте мы видим не жизнерадостного воина, а его погребальную камеру. Он лежит на спине. На поясе — сакс в кожаных ножнах, слева копье, справа топор на топорнице средней длины, ближе к голове лежит меч, ещё выше в углу положен щит. Также отмечены некоторые погребальные дары. Все изображённые предметы являются важными и составляют некоторый канонический образ. Ввиду этого любопытно изображение браслета на правой руке — очевидно, это то самое кольцо или обруч, браслет из золота,

Изображение воина в шлеме на каменном кресте из Миддлттона

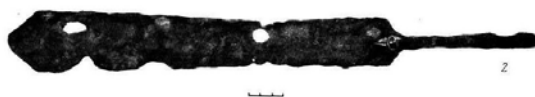
которое воин мог рубить на кусочки и расплавляться им — либо дар от его предводителя, либо он сам был лидером. Так или иначе — это был богатый человек.

Чёрная Могила

Курган Чёрная Могила был вскрыт в 1872-73 годах. В насыпи на высоте 7 метров от основания лежали шлемы, кольчуги, две золотые византийские монеты времён Василия I Македонянина и, по-видимому, ритуальные предметы (железный котёл с костями барана, два жертвенных ножа и два сосуда из рогов тура в серебряной чеканной оправе), положенные в момент тризны. Выше представлен один из жертвенных ножей. Изображение шлема более чем отчётливое. Его так же, как и Миддлтонский «шлем» некоторые склонны рассматривать как отдельный образец. Очевидно, мы видим шлем аналогичный вендельским, а именно шведскому Вальсьерде-8. Однако Вальсьерде-8 датируется VII-VIII вв., в то время как погребение Чёрной Могилы — X веком. Кроме того, в Скандинавии подобного типа ножей, насколько я знаю, найдено не было. Но тут могу ошибаться. В любом случае, разрыв в 200-300 лет кажется достаточно значительным. Однако тут могу предложить версию. Если мы будем читать пресловутое описание ибн-Фадлана о русах на Волге, датированное первой третью X века, то кремация с принесением в жертву животных и рабов выглядит анахронизмом для Скандинавии X века. Корабельные погребения, как правило, датированы в Скандинавии IX веком, а кремация известна не позднее

Изображение шлема на ноже из Чёрной Могилы

Нож из Чёрной Могилы

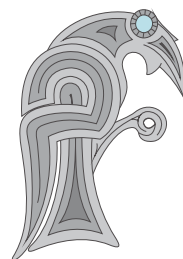
VII-VIII вв. и упоминается в Прологе к «Кругу Земному» Снорри Стурлуссона в следующем ключе:

«Первый век называется «веком сожжения». Тогда всех умерших сжигали и воздвигали в их память намогильные камни. Но после того как Фрейр был погребен в кургане в Уппсале, многие правители воздвигали в память своих родичей курганы не реже, чем намогильные камни. А после того, как Дан Гордый, конунг дат-

чан, велел насыпать курган и похоронить себя в нем в облачении конунга и бранных доспехах вместе со своим конем и всей сбруей и разным другим добром, многие его потомки стали делать то же самое, и тогда в Дании начался век курганов, а у шведов и норвежцев продолжался век сожжения».

Уппсальские Курганы были насыпаны в V-VII вв. Тут мы сходимся во многом. У нас есть нож, на котором мы видим изображение шлема, аналогичного шлему Вальсърде-8. У нас есть сам шлем Вальсърде-8, датированный VII-VIII вв. У нас есть описания погребальных обрядов Скандинавии из «Круга Земного», которые по косвенным свидетельствам можно отнести к VI-VII вв. А ещё

у нас есть описания ибн-Фадлана, которые являются в X веке анахронизмом, но совпадают с теми, что были в Скандинавии в VII веке. Каков вывод? Очень прост. Какая-то часть жителей Швеции переселилась на территорию ещё не существующей Гардарики в VII-VIII вв. и осела там, являясь посредниками в торговле с Волжскими булгарами — именно с ними и столкнулся ибн-Фадлан. Эти люди были оторваны от родины и уже никогда туда не возвращались, но сохранили те традиции, которые были в Швеции на момент их исхода. Таким образом, я бы точно не стал полагать, что подобный изображённому на ноже шлем мог быть использован в X веке. Скорее всего, этот нож имел долгую историю, в 200 или 300 лет.

Заключение

Как видите, шлемов не так уж и много. Говоря точнее, найдено всего два. Всё остальное — фрагменты, подлинного облика шлемов мы не знаем и не узнаем. Все реконструкции — спекуляции. В случае со шлемом из Тьеле мы до конца не уверены — шлем то или часть упряжи. В случае с Миддлтоном и Чёрной Могилой мы получили не столько ценную информацию о шлемах, сколько любопытные намёки на культурные связи и аспекты. Ну, а в том, что шлемов мало, нет ничего необычного — их всегда было мало, на

чём я завершаю свою речь и отсылаю к главе 18 Саги о Крещении:

«В то лето судилища собирали большую толпу. Тогда Торгильс Оддасон ранил Хавлиди Массона. Тогда это дело не стали разбирать. Торгильса признали виновным, и всю зиму он ждал суда. Тогда так мало носили оружие, что на всём альтинге можно было сыскать лишь один стальной шлем, и каждый исландский бонд непременно ехал на тинг».

37...

Юлия
АНТОНОВА-АНДЕРССОН

Загадка шведской провинции

Страничка автора: [sweden4u: Швеция, шведскость и шведский \(vk.com\)](https://sweden4u.com)

Обыкновенный турист едва ли заедет в эти края. Как и многие интересные достопримечательности, этанадёжно спрятана в хитром переплетении сельских дорог. «Случайно заехать, проезжая мимо», не получится: дорога обрамлена с одной стороны бескрайними полями, с другой — лесом, в котором прячутся одинокие домики. Не самое туристическое место. Да и указателей поблизости не встретить.

Вот в таком уголке притаился один из самых примечательных рунических камней в мире. Рядом с каменной церковью XIX века для него специально выстроили небольшой деревянный павильон со стеклянными окнами, вдоль которых стоят скамейки. Раз уж забрались так далеко, то вы точно один из тех, кто готов присесть у камня и, глядя на него, мыслями перенестись на сотни лет назад и погрузиться в размышления о том, кто, когда и зачем высек на нём столь необычные узоры.

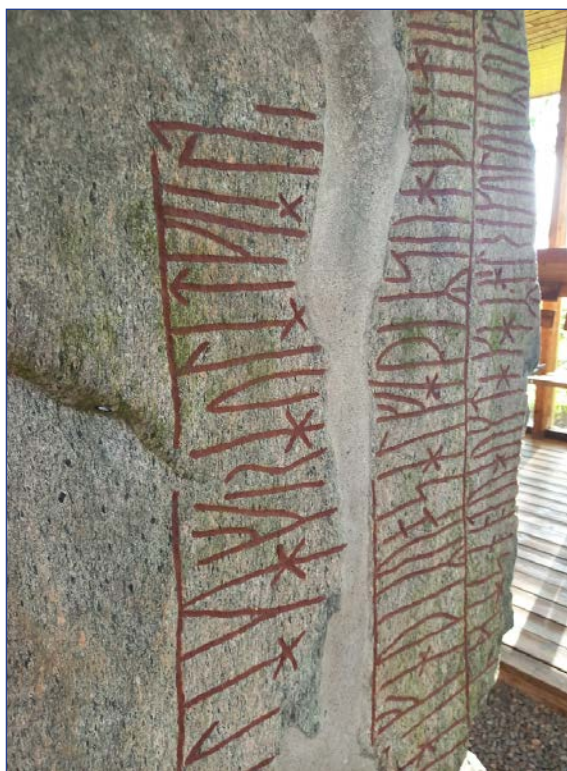
Откуда взялся камень?

Камень из Спарлёсы (Sparlösaasten) — сверстник знаменитого камня из Рёка. Появился он около 800 года и, как и его ровесник, был украшен рунами на любой вкус. Обнаружили камень в конце XVII столетия в стене хоров прежней церкви. Изымать его тогда не стали, а только зарисовали.

Через несколько лет в церкви случился пожар. Строительный материал был до-

рогим удовольствием, так что уникальный Спарлёсский камень раскололи на две части и... вернули обратно в хоры.

В 1847 году в Спарлёсе возвели новую церковь — ту, что сохранилась до наших дней. Рунический камень вновь постигла привычная участь: его опять использовали при строительстве. Так бы и оставался он там, если бы не старушка по имени Улле-Майя, принимавшая участие в возведении нового храма. Перед смертью она рассказала, что среди

камней был «один весьма странный, на двух сторонах которого были какие-то насечки».

Исследователи тут же принялись за дело: камень предстояло найти и изучить. Со стен удалили штукатурку, и Спарлэссский камень предстал во всей красе. В 1937 году две его части аккуратно извлекли из церкви и соединили в единое целое. Это было поистине «открытие века»: выяснилось, что надписями и рисунками камень покрыт не с двух, а с четырёх сторон. В тот же год его выставили на здешнем кладбище.

В 80-х эксперты заметили: ветер, дождь и снег оказывают на камень разрушительное воздействие с такой скоростью, что рисункам грозит опасность: ещё немного — и они исчезнут. Экспонат хотели забрать в Стокгольм, но местные жители устроили акции протеста: они хотели сохранить столь необычный объект у себя. Государство согласилось, но выдвинуло условие: соорудить специальное помещение, где камень мог быть защищён от негативного воздействия природы и человека. Так появился нынешний деревянный павильон, где валун стоит и в наши дни.

Секреты тайнописи

Из более чем четырёх тысяч известных рунических надписей на камнях Швеции большинство не представляют особых трудностей для толкования: они повествуют о каком-нибудь человеке. Даже если часть повреждена, общий смысл ясен: некто воздвиг камень в честь погибшего родственника. Такие камни

интересны разве что с точки зрения эстетического оформления.

Совсем другое дело — Спарлэссский монумент. Значительные повреждения практически каждого текстового ряда делают невозможной интерпретацию. Одни видят здесь юридический документ, другие — повествование о борьбе родов, третьи — пересказ легенд. Некоторые утверждают: упомянутый тут Эрик — это тот же самый человек, о котором повествует надпись на камне из Рёка. Согласно другой теории, речь о конунге свеев Альфреде, правителе Гёталанда в IX веке.

Неизвестно, где надпись начинается, в каком направлении её читать и применяется ли тут какой-нибудь шифр. Возможно, значение имел и размер рунических символов: на одной из сторон камня знаки достигают невероятной высоты.

Музей Футевикен (Fotevikens museum) предлагает такую версию:

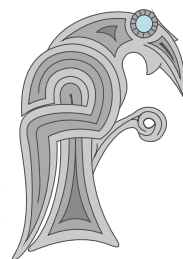
Фрагмент 1: «Эюль, сын Эрика, дал... также даровал Альрик»¹.

Фрагмент 2: «... дал... в ответ. Тогда (?) отец сидел в Упсале (?), отец, который... ночи и дни. Альрик не (?) опасался (?) Эюля...».

Фрагмент 3: «...что Сигмар зовётся сыном Эрика... крупная схватка (?) В честь Эюля (воздвигнут камень?) и толкуй руны, богами данные, высеченные Альриком».

Фрагмент 4: не ясен.

¹ Имена Эрик и Альрик не характерны для провинции Вестергётланд, но встречаются в «Саге об Инглингах»: это два правителя свеев, правившие в древней Упсале.

39...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

Иное толкование предложил Артур Нурден, выделив при этом другие фрагменты:

Фрагмент 1: «Эйвисл дал (намёк на предложение об участии в походе викингов), сыну Эрика. Дал (также предложил) Альрику.

Фрагмент 2: «И отряд бойцов отдал золото взамен».

Фрагмент 3: «С помощью колдовства сделал отец так, что они всегда оставались живы».

Фрагмент 4: «Дни и ночи проходят (=время идёт), пока Альрик Люмбер искал Эйвисла».

Фрагмент 5: «Говорится, что победоносца зовут сыном Эриком».

Фрагмент 6: «В память об Эйвисле. И толкуй руны, данные богами, кои начертал Альрик Люмбер».

Фрагмент 7: «Будь тот высокочтим и светел, кто см(ожет) познать смысл».

Фрагмент 8: «Создателем (памятных знаков) являюсь я».

В 1938 году Общество любителей старины предложило свой вариант:

Эюльс даровал (удачу),
Сын Эрика,
Альрик даровал (удачу).
Род издал громкий
победоносный крик взамен.
На них глядел основатель рода,
о них заботился Всеобщий отец,
дабы всегда у них был
свой хлеб.
Смерть вызывает жалобный плач;
почил также и День,
верховный жрец Альрика,
а с ним и Эюльс.
— звучит ныне речь
в честь храбрецов,
и Сигмаром зовётся
сын Эрика.

Пока сын Ночи (День)
Появится снова!
В память об Эюльсе (стоит сей знак),
И толкуй руны,
богами данные,
святейшими, кои Альрика
верховный жрец высек.

Властитель душ (священник) я.
Я высек эти руны —
И да узнает их смысл тот, кто сможет, —
Я создал их таковыми.
(И пусть едет тот, кто?)
высокочтим и светел!

Все эти строки составлялись в конце VIII — начале IX века. Спустя двести лет на краю камня появилась ещё одна надпись: «Гисле создал этот памятный знак в честь Гуннара,

своего брата». Эксперты до сих пор не понимают предназначения этого предложения: оставил ли запись родственник тех, о ком говорится ранее? Или же «Гисле» просто-напросто не нашёл более подходящего камня для собственного послания? Против этой версии сама история: рунические камни редко «дописывались», особенно спустя столько лет.

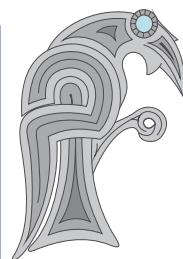
Одно из предположений — дополнение «Гисле» было обычным граффити. Однако руны чётки и аккуратны, надпись явно хорошо продумана и спланирована и находится на стороне с самыми крупными руническими символами. Едва ли это могло быть чьим-то «хулиганством».

Что хотел сказать художник?

На всех сторонах Спарлесского камня встречаются изображения. Скорее всего, они имели какое-то отношение к содержанию текста, но доказать это пока невозможно. Согласно другой теории, рисунки появились значительно раньше, в VI веке, и камень этот был изначально картинным. Есть даже предположение, что на камне изображены вовсе не скандинавские мотивы, а сюжеты средиземноморских мифов VI столетия.

Сторона с максимальным количеством рун «бедна» на рисунки: здесь читаются лишь спирали и, вероятно, фрагмент мужской головы. Под рядами огромных рун — тоже голова мужчины, над которой высечен ряд крестов. На третьей стороне представлены две птицы, похожие на сову и журавля. «Сову»

атакует змея. На четвёртой стороне полностью отсутствуют надписи: она оказалась холстом художника. На самом верху — огромное красивое здание, под ним — корабль с двумя птицами, обнаживший меч всадник на коне, за которым бежит животное, напоминающее оленя. Самое примечательное изображение здесь — зверь в крапинку, прозванный исследователями леопардом.

Здание толковали по-разному: это и Вальхалла, куда попадают павшие воины, и культовый храм (быть может, Упсальский, поскольку в рунической надписи упоминается некая Упсала). Возможно, это ставкирха или мавзолей в итальянской Равенне. Постройка на камне состоит из вертикальных столбов, в центре — дверное кольцо.

Корабль тоже толковали по-разному. Во многом он похож на типичные суда, изображённые на готландских картинных камнях. При этом форма остова — полумесяц — трактовался и как символ Девы Марии. Сидящие на самой вершине мачты птицы виделись и воронами Одина, и императорскими павлинами, и лебедями.

Сёрен Нанке-Круг увидел в странном сюжете Спарлэсского камня историю борьбы разных христианских учений и попытку христианизации какого-то региона гуннами. «Доказательств» много: всадник держит характерный для гуннов меч с круглой рукоятью; на голове у него специфический шлем. Огромный дом напоминает юрту гуннов, через открытую «дверь» которой просматривается круглый очаг.

Некоторые гунны были христианами, но, по мнению католиков, «неправильными», из-за чего позже и возникли разногласия с представителями «истинной веры». О христианстве напоминают многочисленные кресты, высеченные на Спарлэсском камне, но

совершенно не похожие на католические или православные: эти кресты равносторонние, что было присуще определённым религиозным течениям.

Среди других христианских, но не католических символов — леопард/лев, олицетворяющий Христа, и корабль, отсылающий к ковчегу и Иисусу в лодке с учениками. Не исключено, что первыми «крестителями» (или, по крайней мере, проповедниками) в Скандинавии были как раз гунны, тем более что они упоминаются даже в «Старшей Эдде».

Вот такие загадки таит в себе одиночный камень в простой шведской деревушке. Ради этого таинственного гиганта (а его высота 1,7 метров), испещрённого 288 руническими знаками, и впрямь стоит свернуть с основной дороги!

41...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

Примечание редакции:

**Виртуально «погулять»
вокруг камня можно здесь:**

Сновидения в культуре народов Скандинавии

Аркадий СОЛОНИН

Статья первоначально опубликована
в группе «Асатру Урал»

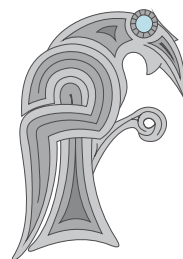
https://vk.com/asatru_ural

СКАНДИНАВЫ очень серьезно относились к снам. Они признавали, что сны могли быть бессмысленными и бесполезными (их так и называли — *draumskrok*, «сон-бессмыслица»), но при этом некоторые сны несли полезную информацию и были очень важны.

Часто сны наделяли способностью предсказывать будущее. Это было возможно, потому что, согласно скандинавским представлениям, все события управляются судьбой, и поскольку будущее было предопределено, его можно было узнать заранее.

Как пример, тут можно привести сон королевы Рагнхильды, правившей на юге Норвегии в IX веке вместе с королем Хальвданом Черным. «Однажды ей снилось, будто она стоит в своем городе и вынимает иглу из своего платья. И игла эта у нее в руках выросла так, что стала большим побегом. Один конец его спустился к земле и сразу же пустил корни, другой же конец его поднялся высоко в воздух. Дерево чудилось ей таким большим, что она едва могла охватить его взглядом. Оно было удивительно мощным. Нижняя его часть была красной, как кровь, выше ствол его был красивого зеленого цвета, а ветви были белы, как снег». (с)

Спустя годы Рагнхильд осознала значение сна. Дерево символизировало ее потомков. Ее сын Харальд Файнхейр должен был стать первым правителем всей Норвегии. Кровово-красное основание дерева символизировало кровопролитие, которое должно было произойти при приходе Харальда к власти, зеленая верхняя часть ствола — силу и славу его правления, а белые ветви — его собственных потомков, от которых происходили правители Норвегии на много поколений вперед.

Даже богам снились такие сны — Бальдру, например, его смерть предвещалась во сне до того, как она наступила.

В других случаях сны могли обеспечить контакт между живыми людьми и умершими, а также потусторонними существами, такими как эльфы, земные духи и даже боги. «Пришельцы» часто несли важные сообщения сновидцам, а иногда во время сна даже заключались сделки, которые приносили впоследствии ощутимую пользу.

Например, говорили, что ранний исландский поселенец Бьорн однажды ночью во сне встретился с духом земли, и тот предложил Бьорну свою помощь. Вскоре после этого сна в стаде коз Бьорна появился странный козёл. И в том году родилось так много козлят, что Бьорн разбогател, продавая их другим фермерам на острове. За это его прозвали «Козлом-Бьорном», а те, кто обладали «вторым зрением», говорили, что могли видеть духов, следующих за Козлом-Бьорном, куда бы он ни пошел.

Иногда во сне мог явиться просто знакомый или незнакомый человек и передать какое-то скрытое знание, например, местонахождение пропавших предметов или людей. Обычно это происходило в форме поэзии. В таких случаях источники часто указывают, что ни сам сновидец, ни явившийся им во сне человек не обладали способностями к ясновидению. Поэтому было принято считать, что такие сообщения в конечном итоге исходили от богов, что и объясняло их сверхъестественную проницательность и точность.

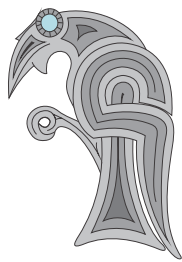
Некоторые люди всегда были признаны более искусными в толковании снов, чем другие. Естественно, прежде всего, это были провидцы, но так же просто мудрых людей независимо от происхождения и рода занятий часто просили высказать свое мнение о значении сна.

Когда скандинавы чувствовали, что им нужен «значительный (важный) сон» для совета или прояснения чего-то в жизни, то его появление не оставляли на волю случая. Существовали особые методы вызывания таких снов, например, был распространён обычай ночевать на могильных курганах или спать в специальных шкурах животных. Таким образом устанавливался практически гарантированный контакт с потусторонним миром, и можно было ожидать снов, несущих необходимую для сновидца информацию.

43...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

Текст подготовлен
сотрудником экспедиции
Института археологии РАН
Ольгой ШУМАКОВОЙ
https://vk.com/o1ga_shu

Влияние «германского мира» на эстиев

Данной статьей мы открываем серию материалов Самбийской экспедиции ИА РАН под руководством К.Н. Скворцова, исследовавшей погребальные комплексы (некрополи) Калининградской области эпохи Великого переселения народов.

СОВРЕМЕННЫЕ язычники и интересующиеся данной темой обладают не таким уж большим, как хотелось бы, массивом информации из письменных источников. Зачастую упускается из виду материальная культура и образ жизни людей, для которых сакральное было неотъемлемой частью действительности. Тематика данного журнала предполагает акцент на германском язычестве, но «германский мир» — термин, гораздо более собирательный, чем Эпоха викингов. Вообще Эпоха викингов — это уже своего рода «закат» германского

мира, хотя германцы оставили свой след почти во всей Европе. Не стала исключением и Прибалтика. Воинские элиты западных балтов эпохи Великого переселения народов, несомненно, были интегрированы в общеевропейские процессы, основное направление которым задавали германцы. Германская культура была своеобразным «трендом», который подхватывался племенными элитами, и это отражается на нашей истории и культуре по сей день. Именно в конце эпохи Великого переселения народов начала формироваться современная политическая карта Европы. Об этих «Тёмных веках» (и были ли они такими уж темными) у Западных Балтов мы поговорили с исследователем эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья, самбийско-натангической культуры, балто-германских контактов, ювелирного дела, искусств и погребальных обрядов у балтов и германцев — Константином Николаевичем Скворцовым.

Что касается самих западных балтов, к которым в том числе относятся и эстии (предки пруссов), проживавшие некогда на территории современной Калининградской области, — нам известно не так и много, тем более нередко можно столкнуться с историческими мифами. Мы рассмотрим связь с «германским миром» и интеграцию в него эстиев на основании материалов, полученных в том числе при проведении археологических раскопок в Калининградской области. Многочисленные находки предметов германского круга в погребениях эстиев говорят об их неразрывной связи с германским миром. Интересно, что при этом на острове Готланд обнаружены женские захоронения с уже местными предметами с территории Самбии (часть современной Калининградской области) — и это были знатные женщины, а не рабыни, что говорит о брачных союзах. Таким образом, между западными балтами и германцами существовали культурные, матримониальные и торговые связи. О них мы и поговорим в серии этих статей. Сегодня мы начнем с того, кем же были эти западные балты, и с какого момента пошла их обоюдная интеграция с германским миром.

Константин СКВОРЦОВ:

Все, кто занимается этой темой, знают, что термин «западные балты» достаточно условен — есть «балты»: балтская общность, балтский массив от Днепра до территории нынешних Латвии и Литвы, часть нынешней Польши и Калининградской области, часть Белоруссии — все это зона расселения балтских племен. Таким образом, племена, начиная от куршей, которые населяли часть современной Латвии — Курземе, Литовского взморья и до территории Польши и Северной Белоруссии — ятвяги — все это западные балты. Античное название жителей побережья Свевского (Балтийского) моря, живущих за готами, готонами, — эстии. Раньше я и сам более тяготел к этому определению, но на самом деле оно много шире. Общась со своими литовским коллегами, теперь я могу сказать, что термин «эстии» включает в себя не только жителей старых земель Бартии, Наттангии, Самбии, но и территории Понеманья, Литовского взморья — все это большая балтская общность, по-видимому, объединенная едиными верованиями, близкая по языку, существовавшая, как кельты, в некоем едином мире. Иными словами, эстии — это некий единый конгломерат племен, подобный германцам и кельтам, а не только жители Самбийского полуострова (территория современной Калининградской области).

Появление из «ниоткуда»

Интересно и появление пресловутых эстиев на исторической арене — они появляются «из ниоткуда», как и праславяне. Они

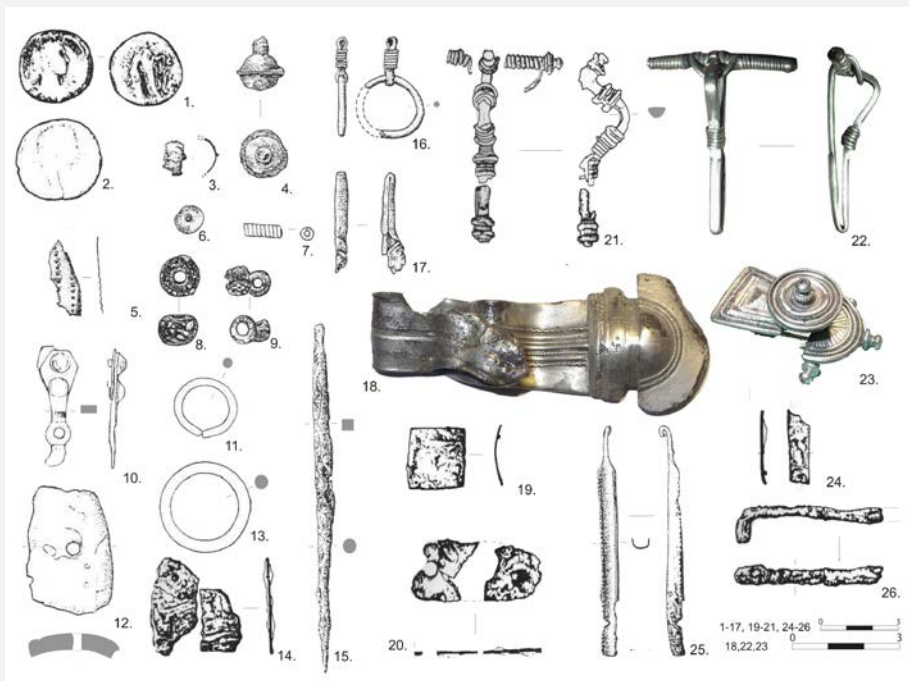
словно возникают под пристальным взглядом античного историка Тацита, а до этого мы ничего о них не знаем. Первые археологические данные появляются лишь в конце первого века нашей эры — это самбийско-натангийская культура. В период возникновения самбийско-натангийской культуры ее носители, отрезанные от наиболее удобного участка торгового пути, проходившего вдоль побережья Вислинского залива, вероятно, реализуют свои торговые контакты через территорию родственных им носителей богачевской культуры (балтийская археологическая культура раннего железного века (VI — I века до н. э.), располагавшаяся на территории Калининградской области, западной Литвы, восточной Польши, западной Белоруссии). В период, когда происходит ее кристаллизация — поскольку я ей занимаюсь, то показываю ее первой, как некий флаг, — возникает и культура Литовского Взморья, и соседняя эстиям на западе вельбарская культура (археологическая культура железного века в северной Польше и Юго-западной Белоруссии, обычно идентифицируется с готами, просуществовавшая до V века н. э., носители которой, как считается, германские племена готов и гепидов). Существовала большая общность, связанная единой погребальной традицией, известная как «культура западнобалтских курганов», которая затем сменяется культурой римского времени, культурой самбийско-натангийской, и преемственности между ними очень мало. Можно предположить, что резкая смена погребального обряда и погребальной традиции была опосредованным образом связана с археологически зафиксированным переселением какой-то части населения из

45...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

Находки из женского погребения №78

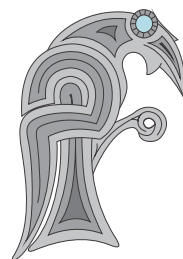
В месте работы экспедиции

Южной Скандинавии на южное побережье Балтийского моря. Такая миграция, приведшая в конечном результате к возникновению вельбаркской культуры, могла дать импульс и для возникновения самбийско-натангической культуры. Поэтому ряд исследователей объясняет сходство между самбийско-натангической и вельбаркской культурами в некоторых элементах погребального обряда и погребального инвентаря влиянием носителей вельбаркской культуры на самбийско-натангическое население. В результате многолетних исследований напрашивается некая связь между передвижениями групп населения из Скандинавии, с юга Европы, из района Дуная в зону, заселенную балтами, и возникновением, наряду с культурными группами западных балтов, такой культуры как вельбаркская, тяготеющей по своему происхождению к Готланду и Южной Швеции. Учитывая сходство между вельбаркской культурой и самбийско-натангической, можно говорить о германском влиянии еще в римское время. То есть речь идет о едином процессе, который можно сравнить с «эпохой викингов», — климат, переселение, и кто его знает, что еще. Ранее в районе Южной Польши возникают группы, безусловно связанные по своему происхождению с кельтами, оставившими после себя множество памятников, в том числе сакральных — каменных культовых сооружений на юге Польши, которые точно связаны с кельтами. Кельты совершенно точно контактировали с местным населением, и это объясняет утверждение Тацита, что «язык эстиев похож на бретонский», они носят на себе изображения кабанов, поклоняются Матери — богине

земли, близкие кельтские племена населяли «подбрюшье» Пшеворской культуры (частью этой культуры являлись ставшие впоследствии именем нарицательным вандалы). Кельты как народ, имевший разветвленные коммуникации, еще со времен Великой экспансии, то есть задолго до описываемых событий, были опытными мастерами, воинами и торговцами, осуществлявшими функции основных посредников в торговле янтарем между балтами и римскими провинциями. Потом инициативу перехватывают германцы, носители вельбаркской культуры — готы и гепиды, — которые тогда населяли часть северо-восточной Польши в районе современного Гданьска, Эльблонга и южнее, до границы с пшеворской культурой. Но о том, каким был пантеон местных жителей, мы не имеем никакого представления — всеми данными о нем мы располагаем лишь с Орденского времени. Если рассматривать раннюю курганную культуру и культуру полей погребений, которая приходит ей на смену, мы видим, что все, что касается предримской эпохи, то есть рубежа эры, — это очень бедная культура, практически без фибул и украшений, «бедность как она есть».

«ПОЛЫЕ ХОЛМЫ»

В Прибалтике бытуют достаточно архаичные погребальные традиции — все эти курганы с камерами, напоминающие то, что на Западе, в Ирландии и на Британских островах, именуется «полыми холмами», где все члены общины погребали своих родственни-

ков, этакое общинные «дома под курганами»; и это все очень архаично, разбросано по многочисленным лесам, связанным ручейками речкам, лишено некоей производственной базы — эти люди не владели техникой изготовления ювелирных украшений, — в целом, это очень примитивные сообщества. И когда мы говорим о появлении новой культуры, она появляется словно бы из ниоткуда — эта культура полей грунтовых погребений, где все погребения индивидуальны — одиночные, в лучшем случае, парные, с огромным количеством украшений, в основном импортных — счет идет на сотни римских бусин, дорогое оружие, — причем большинство этих предметов имеет параллели в германском мире.

Выделение социальных элит у эстиев и «чудовищные» фибулы

Очевидно, что основными проводниками и мастерами, изготовлявшими эти предметы, вплоть до конца Маркоманских войн,

с I по конец II века, были германцы и кельтизированное население римского приграничья на Дунае. Бытует мнение, что нет никаких оснований полагать, что в это время у эстиев — или хотя бы у жителей Самбии и Натангии — существовала какая-либо иерархия, хоть отчасти схожая с иерархией соседних германских народов. Считалось, что они очень примитивны, это всего лишь родовые общины. Но если изучать погребения II века, можно встретить роскошные погребения воинов, с лошадьми: уже тогда появляются формы погребального обряда, характерного для этой части Восточной Пруссии, когда мужчину непременно хоронили с конем. Бросается в глаза обилие оружия: это топоры, щиты (причем даже и не единичные) и метательные копья, и большие копья. Встречаются и однолезвийные мечи. Велико количество бронзы — в одном погребении ее может насчитываться сотни грамм: сотни бусин — в том числе дорогих, многоцветных.

47...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

Находки с могильника Ушаково 1:

1. Серебряная позолоченная фибула Monströse.
2. Золотой ауреус императора Викторiana (268–270 гг. н. э.)

Урновое погребение, Могильник Алейка-3

Изделий из серебра в эту эпоху не так много, но встречаются комбинированные изделия, бронза с серебром, и все они очень дорогие и богатые. Особенно выделяются фибулы «Монструозо», просуществовавшие в европейских древностях позднеримского периода, прежде всего в германских, на протяжении относительно недолгого времени, которые представляют собой весьма интересный культурный феномен.

Судя по имеющимся на сегодняшний день данным, подобные застёжки никогда не производились в больших объёмах, каждая из них была индивидуальна и демонстрировала высокий уровень профессионализма изготовлявших их мастеров-ювелиров. Большинство исследователей склоняются к выводу, что местом происхождения «чудовищных» фибул стали территории Северной Европы. Появление фибулы «монструозо» в составе погребения на каком-либо памятнике, располагающемся непосредственно не в ареале их возникновения, — это всегда свидетельство прямых или опосредованных контактов между различными культурами. В ареале самбийско-нотангической культуры на сегодняшний день было обнаружено всего 4 фибулы «чудовищной серии». Первая такая фибула на территории Калининградской области была обнаружена в составе инвентаря женского погребения могильника Гребитен, расположенного в западной части Самбийского полуострова, в ходе

работ лета 1886 года, проведенных Г. Буюком. Фибула была изготовлена из серебра и имела позолоченные детали. Остальной инвентарь тоже отличался роскошью и богатством. К сожалению, данная находка не сохранилась целиком и пострадала во время Второй мировой войны вместе с другими артефактами из коллекции музея Пруссии. Еще одна фибула «монструозо» в ареале культуры была обнаружена спустя 114 лет — в 2000 году в ходе исследований другого самбийского могильника, Lauth — Большое Исаково, который является на сегодняшний момент наиболее изученным памятником римской эпохи на Самбии. Можно предположить, что погребения, содержащие фибулы «монструозы» и другие равноценные им импортные вещи, принадлежали представителям родовой верхушки и членам их семей, и предметы могли поступать к ним в результате различного рода торгово-обменных и миграционных процессов, происходивших на данных территориях в позднеримский период.

Ранее бытовало мнение, что в этих родовых обществах не было строгой иерархии. За последние десятилетия собран большой массив фактов, разрушающих эту картину, позволяющих утверждать, что момент выделения социальных элит у эстиев происходит на рубеже поздней Античности и эпохи Переселения народов. Во многом это связано с влиянием соседних германских племен, прежде всего готов и гепидов.

НАЧАЛО РАСЦВЕТА ГЕРМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В САМБИИ И НАТАНГИИ

Процедура добычи янтаря, в сущности, не очень сложна, — нужно было лишь собираться на побережье во время осенних и зимних штормов, собирать янтарь на берегу и продавать его торговцам, которые затем продавали его на Вислу, в район Эльблонга, тогдашнего крупнейшего центра вельбарской культуры, откуда янтарь шел дальше на Вислу, через зону пшеворской культуры, на Адриатику. Не затрачивая особых усилий, эстии собирали изрядное количество янтаря и выгодно его продавали. Германцы, участвовавшие в этом процессе, получали самый большой процент прибыли от этой торговли — у них обнаруживается серебряная и стеклянная посуда, масса бронзы и клады римских монет, а это большая редкость для этой части Прибалтики, причем это монеты достаточно свежих эмиссий эпохи Антонинов, I–II веков нашей эры, которые даже не побывали на рынке, абсолютно новые, уложенные в ящики. Так как в процесс торговли были вовлечены кельты и германцы, носители вельбарской культуры, точно можно утверждать, что связи между народами выходили за рамки торговых: это и матримониальные связи с последующим появлением метисов, и переселение небольшой части германцев на территорию Самбии и Натангии, — то есть речь о формировании иной культуры, над которой довлел древнегерманский культурный прессинг, использовавшей те же украшения,

Клад римских сестерций I–II вв.
Территория Самбии (Мельниково)

Янтарные бусины

вероятно, говорившей на нескольких языках. С уверенностью можно сказать, что расцвет этой культуры наступает в эпоху Переселения народов.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

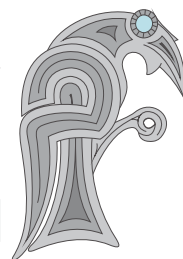
В Европе эпохи Переселения народов и меровингского времени к привилегированным относят отдельные погребения или небольшие кладбища, отличающиеся неординарным, богатым, по местным рамкам, инвентарем, иногда особым погребальным обрядом и в ряде случаев особой топографической позицией. Опираясь на хорошо изученный материал восточногерманских народов, можно выделить три «страты».

Привилегированные погребения:

- *Королевские и княжеские погребения и клады.* Разумеется, социальная терминология здесь условна. Эти находки отличаются не только экстраординарностью инвентаря и особыми деталями обряда, но и статусными предметами — регалиями власти.
- *«Вождейские» погребения.* Разумеется, название гипотетично. Такие могилы имеют следующие признаки: богатый инвентарь, включающий предметы, призванные подчеркнуть особую позицию погребенного. Для мужских могил это парадное оружие (в первую очередь меч или скрамасакс с декором, шлем), конские погребения с богатым снаряжением или его отдельными элементами, такими как седло, декорированные удила и сбруя, а также посуда из пиршественного набора. Для женских могил характерен особо богатый набор украшений из золота или позолоченного серебра.

Далее идут погребения среднего класса со сравнительно недорогими металлическими украшениями и керамикой и почти безинвен-

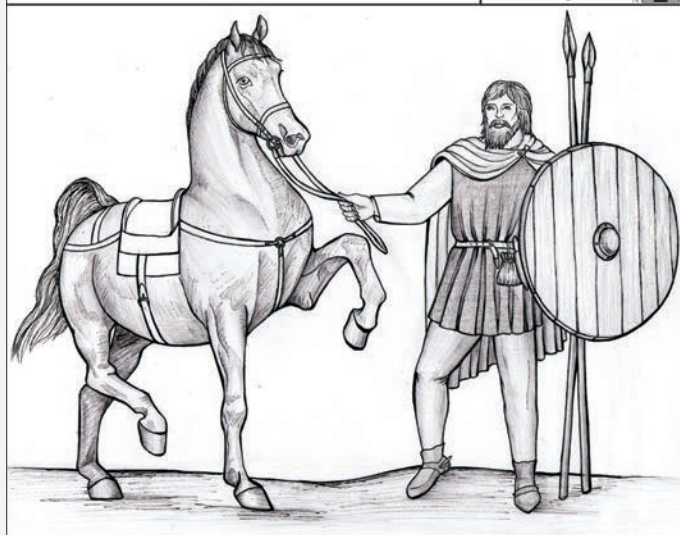
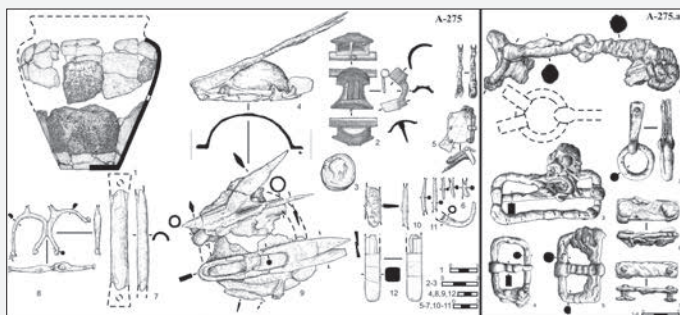

49...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

Предметы погребального инвентаря из всаднического комплекса. Вариант реконструкции снаряжения всадника и коня

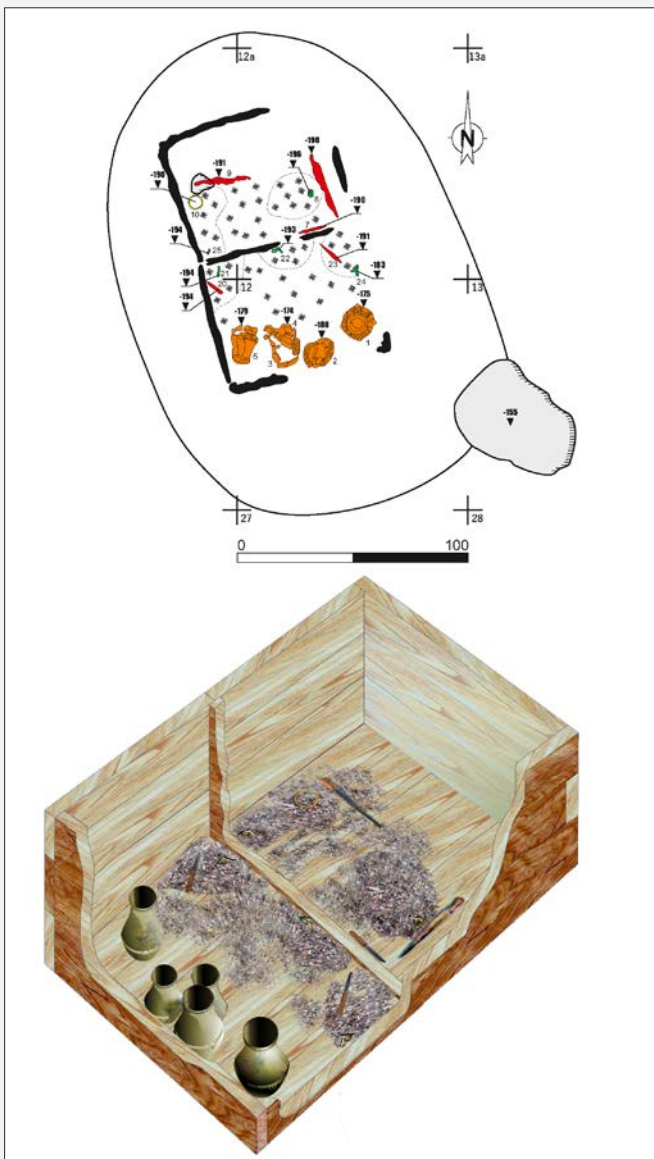
... 50

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№40

2023

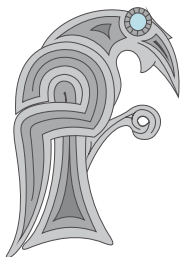
Погребальный комплекс могильника Кляйнхайде

тарные погребения «низов». Но эти темы уже выходят за рамки этой статьи.

Но как бы там ни было, судя по погребальному обряду, эстии — носители самбийско-натангийской культуры — в начале средневековья обладают достаточно развитой, «трехступенчатой» социальной структурой, типичной для варваров того времени и в других регионах Европы.

Хорошим примером элитного погребения может послужить погребальный комплекс могильника Кляйнхайде (Гурьевский район, Калининградская область). В 1997 году в ходе охранных исследований грунтового могильника был обнаружен погребальный комплекс № 21, который, судя по погребальному обряду и сопровождающему инвентарю, относится по всем признакам к привилегированному члену общества. Комплекс № 21 представляет собой коллективное захоронение, совершенное по обряду безурновой кремации и затем помещенное в деревянный ящик, который был перекрыт мощной многоярусной каменной кладкой. Набор инвентаря позволяет датировать комплекс началом VI века. Внутри деревянного ящика находились следующие предметы погребального инвентаря: пять однотипных биконических лепных сосудов, украшенных прорезным орнаментом в виде зигзага с четырьмя налестками по ребру, золотой тордированный браслет, три ножа с остатками деревянных рукоятей, пять бронзовых фибул с крестовидным окончанием ножки Тип II, два железных кинжала с деревянными рукоятками и т.д. Судя по предварительным

результатам антропологического анализа материала из данного погребения, проведенного М.В. Добровольской, в нем присутствовали останки не менее трех человек и кости собаки, также побывавшей на погребальном костре. Следует отметить, что подобная традиция помещения в погребения в том числе собак представлена в погребениях знати Центральной Европы и Скандинавии позднего этапа эпохи Великого переселения народов, Меровингского времени. Данный погребальный комплекс выделяется необычными для местных древностей конструкцией и погребальным обрядом и в то же время находит множество аналогий в погребальных традициях на территории южной Скандинавии, где подобного рода погребальный обряд восходит к эпохе бронзы и существует вплоть до эпохи викингов. Вполне вероятным представляется тот факт, что зафиксированные инновации в погребальном обряде появляются вследствие внешнего импульса из Скандинавии. В историческом плане эти явления согласуются с легендарным сюжетом, известным по Прусским хроникам, о прибытии на побережье Вислинского залива в начале VI века Видевута и Брутена — легендарных предводителей пруссов, приплывших из Дании. Хотя данная находка несколько не доказывает реальность существования этих исторических персонажей, но ярко свидетельствует о контактах со Скандинавией рубежа V-VI вв.

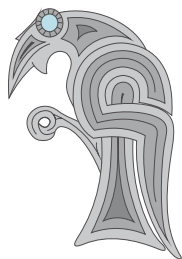
*Продолжение читайте
в следующем номере...*

51...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

Снорри Стурлусон: Нарративные модели конструирования языческого прошлого

Вячеслав
БАРЫШНИКОВ

(на материале «Саги об Инглингах» и «Саги о Хальвдане Черном»)

Статья первоначально была опубликована
в альманахе *Cursor mundi*.

Саги «Круга Земного», посвящённые языческому прошлому Швеции и Норвегии, были записаны в христианскую эпоху. Не вдаваясь в сложную проблему совмещения языческих и христианских представлений в мировоззрении Снорри Стурлусона, попытаемся выявить те повествовательные модели, которыми пользовался исландский историк XIII в. при конструировании языческого прошлого. В данной статье речь идёт, главным образом, о «Саге об Инглингах» и «Саге о Хальвдане Чёрном».

... 52

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

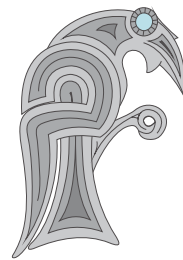
№40
2023

«Сага об Инглингах» относится к так называемым «сагам о древних временах». События этой саги во многом остаются событиями мифа и эпического предания. Из всех компиляторов королевских саг только Снорри начинает повествование об истории норвежской династии с рассказа о шведских и норвежских Инглингах, род которых восходил к божественному первопредку — Ингви-Фрейру.

«Сага об Инглингах» представляет собой *перечень смертей*. «Смерть и погребение правителя расценивалась как важнейшие факты его биографии <...>. При этом обращают на себя внимание обстоятельства смертей правителей: в подавляющем большинстве случаев <...> смерть правителя наступает в результате неожиданных, необычных, а нередко и позорных обстоятельств»¹. Обычно здесь нет прямых указаний на то, что смерть того или иного конунга вызвана воздействием судьбы. Однако иррациональный характер этих смертей всё же нередко создаёт впечатление об их сверхъестественной детерминированности.

Структурно «Сага об Инглингах» может быть подразделена на две неравных части. Первая — мифологическая. Она начинается кратким географическим обзором: «Круг Земной, где живёт людской род, очень изрезан заливами» и т.д. [Hkr.: Yngl. I, 5]²; затем следует мифологическое введение, в котором повествуется об истории родов асов и вавнов, об их переселении из Азии в Швецию, даётся пространная характеристика Одина — первого конунга [Hkr.: Yngl. II–VIII, 6–11], наконец, описываются смерти первых правителей — Одина, Ньёрда и Фрейра [Hkr.: Yngl. IX–X, 11–13].

Вторую часть саги условно можно назвать «Перечнем смертей Инглингов»³ вслед за скальдическим «Перечнем Инглингов» (*Ynglingatal*) Тьодольва из Хвинира (норвежского скальда IX в.), поскольку Снорри цитирует строфы этой песни в соответствующих главах «как кульминацию и как в известном смысле подтверждение истинности рассказа, содержащего мотивировку этой смерти»⁴. «Перечень Инглингов» обычно рас-

смачивается в качестве исходного текста, на котором основана начальная сага «Круга Земного» (в том числе и самим Снорри [см.: Нкр.: Prologus 1]). Однако «трудно сомневаться в том, что полные неясных намёков стихи о смерти Инглингов не могли бы жить в устной традиции без прозаического нарратива»⁵.

Вторую часть «Саги об Инглингах» (которую мы условно назвали «Перечнем смертей Инглингов») можно, в свою очередь, поделить на две неравных части⁶. Обращаясь к истории первых Инглингов (от Фьельнира сына Ингви-Фрейра до Ингви и Альва, сыновей Альрека [Нкр.: Yngl. XI–XXI, 13–23]), Снорри посвящает каждую отдельную главу смерти одного конунга, причём содержание главы сводится исключительно к описанию этой смерти⁷. В этих главах много фантастических мотивов, связанных с мифологическими персонажами и магией. Политическая же история практически отсутствует: из стран, соседствующих Швеции, упоминаются только владения Фроди (Дания), Страна Готов (также Дания) и Страна Финнов.

По словам А.А. Хлевова, «симптоматично изменение языка и стиля повествования; после Фрейра и Фрейи он становится более живым, пластичным, в повествование вплетаются элементы откровенно бытовые и даже юмористические. Появляется череда фактов микроисторического порядка, конкретных свершений конунгов, почти отсутствовавших в предшествующих строках. Образно говоря, наша историческая «оптика» внезапно резко приближает изображение, в котором начинают просматриваться неразличимые детали»⁸.

Нам представляется, что характеристика, данная А.А. Хлевовым, в большей мере относится к описанию следующей группы смертей Инглингов — от Хуглейка сына Альва до Олава Альва Гейрстадира [Нкр.: Yngl. XXII–XLIX, 23–49]. В этих главах речь идёт не просто о гибели конунгов. Смерти Инглингов происходят на фоне политических конфликтов между правителями различных областей Скандинавии. В результате этих конфликтов во власти норвежских Инглингов остаётся только Вестфольд. Здесь приводится много шведских и норвежских топонимов. Появляются рассказы о государственных мероприятиях некоторых конунгов кроме военных походов (напр., о расчистке лесов, строительстве дорог). Из фантастических мотивов можно упомянуть лишь рассказ о «болезни Ауна», который продлял себе жизнь, принося своих сыновей в жертву Одину

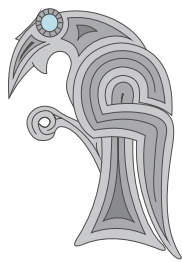
[Нкр.: Yngl. XXV, 26–27]; о гибели Адильса, который упал с коня, проезжая через капище дисы [Нкр.: Yngl. XXIX, 32–33]; о смерти Эйстейна, на которого из-за колдовства упала корабельная рея [Нкр.: Yngl. XLVI, 45].

Смерти первых Инглингов (от Фьельнира до Ингви и Альва), а также некоторые последующие смерти⁹, являют собой нагромождение нелепостей — иррациональных случайностей¹⁰. Снорри пытается дать рациональное объяснение этим нелепостям. Так, например, он подробно рассказывает о том, как взбесился старый бык, предназначенный для жертвоприношения, о попытках конунга Эгиля сразить разъярившееся животное и о гибели Эгиля от рогов жертвенного быка [Нкр.: Yngl. XXVI, 29].

Схожая логика обнаруживается в описании одной из самых мифологизированных смертей — в описании гибели Фьельнира. Этот конунг¹¹ утонул в чане с мёдом. Современные антропологи и мифологи склонны рассматривать смерть Фьельнира как жертвоприношение с целью обеспечить плодородие земли и процветание страны. «Снорри, однако, стремится представить смерть Фьельнира как случайное несчастье. Фьельнир был пьян. Хладнокровный рассказ Снорри выражает лишь порядок, таинственность и трепет, окружающий это событие. <...> Таким образом, смерть Фьельнира секуляризована. То, что, казалось бы, должно было быть священнодействием, описывается как простой несчастный случай»¹². Пристальное внимание к игре случая, к событию как таковому свойственно и некоторым другим сагам «Круга Земного», причём это своеобразное проявление агностицизма не исключает поиска неких закономерностей в развитии исторического процесса¹³.

В первой части «Перечня смертей...» чётко прослеживаются пары со сходной смертью-судьбой. Причём им предшествует божественная пара — Один и Ньёрд, умершие от болезни (*sótt dauðir*). При этом Один перед смертью «велел пометить себя остриём копья» (*lét hann marka sik geirsoddi* [Нкр.: Yngl. IX, 11]), вероятно, совершив ритуальное самоубийство. Ньёрд, перед смертью повелевший пометить себя Одину (*lét hann ok marka sik Óðni* [Нкр.: Yngl. IX, 12]), повторяет модель, заданную основателем шведского правящего дома.

Далее пары следуют с достаточной регулярностью. Фьельнир и Свейгдир умирают, находясь в состоянии опьянения: первый тонет в чане с мёдом [Нкр.: Yngl. XI, 13], второй —

исчезает в раскрывшемся перед ним камне [Hkr.: Yngl. XII, 14]. И чан с мёдом, и камень — это, по-видимому, медиаторы между миром живых и миром мёртвых.

Ванланди и Висбур были убиты по наущению брошенных ими жён. Первый, как Один и Ньёрд, сожжён на погребальном костре [Hkr.: Yngl. XIII, 15], второй — сожжён заживо в собственном доме [Hkr.: Yngl. XIV, 16]. Домар и Дюгви умерли своей смертью: они также стоят в паре, хотя ничего специфического об их смертях Снорри не сообщает [Hkr.: Yngl. XVI–XVII, 17–18]. Даг и Агни погибли в заморских походах, после того как одержали победы. Дага убил какой-то раб из ограбленной Дагом Страны Готов [Hkr.: Yngl. XVIII, 19]; Агни убила захваченная им в плен Скъяльв из Страны Финнов [Hkr.: Yngl. XIX, 20]. Наконец, следуют две пары соправителей. Братья Альрик и Эйрик убили друг друга, т.к. соперничали в езде на лошади [Hkr.: Yngl. XX, 21]; братья Ингви и Альв соперничали из-за женщины (жены Альва) и тоже убили друг друга [Hkr.: Yngl. XXI, 22].

Параллелизм судеб-смертей был заложен уже в сочинении Тьодольва Хвинского. Причём этот параллелизм реализован не столько в тексте песни (не всегда ясном без комментария Снорри), сколько в именах самих Инглингов, «примечательная особенность которых состоит в том, что они, как общая тенденция, связываются попарно аллитерацией: (Freyr) — Fjöltnir, Vanlandi — Vísburrr, Domaldi — Domarr, Dyggvi — Dagr <...>. Имена 13 поколений шведских конунгов в Уппсале (от Agni до Óláfr) все начинаются с гласной»¹⁴. Кроме того, в каждой из названных аллитерирующих пар, начиная с Ванланди, первое имя представляет собой форму имени прилагательного, второе — существительного¹⁵. Имена *Fjöltnir* и *Sveigðir* также могут быть рассмотрены в качестве лексической пары: оба этих имени, хотя и редко, ассоциируются с божественными существами в скальдической поэзии, оба они фонетически связаны словообразующим суффиксом¹⁶.

Пары Тьодольва лишь в двух случаях (*Fjöltnir* — *Sveigðir*, *Vanlandi* — *Vísburrr*) совпадают с парами Снорри. Вероятно, это обусловлено тем, что автору XIII в. не всегда был понятен характер смертей Инглингов. Снорри пытался дать этим смертям собственное толкование, сохранив архаичное представление о парности — повторяемости — судеб шведских конунгов¹⁷.

Повторяемость истории, таким образом, оказывается первой попыткой структуриро-

вания исторического процесса, имплицитно вплетённой в текст «Саги об Инглингах».

«Сага об Инглингах» продолжает сага, посвящённая конунгу Хальвдану Чёрному, правление которого для исландского исторического сознания является переходным звеном от эпических времён к временам историческим¹⁸. Смерть Хальвдана может быть поставлена в один ряд со смертями легендарных конунгов в «Саге об Инглингах», ибо она такая же нелепая и случайная.

Однажды весной Хальвдан переправлялся через озеро по льду. Лёд был подтаявшим (причём Снорри не забывает объяснить этот факт: там, где на лёд упал навоз, в солнцепёк образовались полыньи [Hkr.: Hálfð. sv. IX, 57]). Там, где проезжала повозка, лёд проломился, и Хальвдан утонул.

По своей тематике «Сага о Хальвдане Чёрном» могла бы быть одной из составных частей, «маленьких саг», входящих в «Сагу об Инглингах». Выделяет же её яркая черта, не встречавшаяся (или, по крайней мере, редкая) в «Саге об Инглингах»¹⁹. Гибели Хальвдана предшествует в рассказе предсказание, служащее её иррациональному обоснованию.

Во время пира в Хадаланде со столов сверхъестественным образом исчезли еда и питьё. Хальвдан, желая узнать о причинах этого необычайного происшествия, пытается некоего колдуна-финна, но тщетно. Сын Хальвдана Харальд (будущий объединитель Норвегии Харальд Прекрасноволосый) помогает финну бежать и сам бежит от гнева отца. В результате Харальд оказывается на пиру у какого-то хёвдинга, причём пир этот явно принадлежит сакральному пространству, ибо пребывание там Харальда описывается наречием *at sýn*, «как наяву». Хёвдинг, принявший Харальда, — по всей видимости, это именно Один — признаётся, что это он был причиной исчезновения еды с пира Хальвдана. Вместе с тем он сообщает о смерти конунга Хальвдана («*faðir þinn er nú dauðr*», «твой отец теперь мёртв» [Hkr.: Hálfð. sv. VIII, 56]), описанию которой Снорри отводит следующую главу. Сообщения о смерти Хальвдана и о том, что еда с пира исчезла по воле Одина, очевидно, связаны; таким образом, смерть Хальвдана также вызвана волей Одина.

Интересно, однако, что даже если смерть конунга предшествовала сообщению о ней (что как будто следует из слов хёвдинга), то в изложении Снорри представлена обратная последовательность (сообщение — исполнение), так что слова хёвдинга приобретают пророческое значение. Здесь пророчество

в устах хёвдинга (Одина) звучит как проклятие, ведущее к гибели Хальвдана.

На основании сходства характера смертей в «Саге об Инглингах» и смерти Хальвдана Чёрного можно предположить, что, согласно представлениям автора-рассказчика этих саг, смерти первых конунгов также спровоцированы божественной волей. В качестве примера позволим себе привести смерть Свейгдира. Согласно тексту Тьодольва Хвинского, этого конунга заманивает в камень карлик: «карлик обманывал (морочил) Свейгдира, когда тот бежал за ним в камень и «палаты великана» перед ним (букв. «на него») зияли»²⁰. Объясняя этот эпизод, Снорри вводит иную по сравнению с «Перечнем Инглингов» мотивировку: Свейгдир дал обет отыскать Жилище Богов и Старого Одина («*strengði þess heit að leita Goðheims og Óðins ins gamla*» [Hkr.: Yngl. XII, 14]), — увязывая, таким образом, гибель этого конунга с личностью Одина.

Роль Одина в качестве детерминатива судьбы чётко прослеживается в некоторых других текстах, повествующих о легендарных временах, к примеру, в «Саге о Вёльсунгах». Здесь Один — это повелитель мира мёртвых²¹ и перевозчик-медиатор, прокладывающий путь из профанного мира в сакральный²². Вместе с тем Один непосредственно формирует судьбы Вёльсунгов на разных этапах жизненного пути. Так, Сигмунду конунгу он сначала дарует меч Грам, затем — в решающей схватке — лично появляется на поле брани и разбивает волшебный меч, обрекая Сигмунда на гибель²³.

Спорадически эта мифологема встречается в текстах «Старшей Эдды», в частности, во «Второй Песни о Хельги Убийце Хундинга»²⁴ или в «Речах Сигдривы»²⁵. Однако здесь Один предстаёт скорее как один из участников описываемых событий (оставаясь при этом сверхъестественной личностью). Идея о том, что именно Один детерминирует весь ход описываемых событий, не выражена в героических песнях «Эдды» явно. Между тем подлинными вершительницами судьбы здесь остаются норны, прядущие нить судьбы конунга [НН. I 2–4], валькирии и другие сверхъестественные жёны, решающие исход битвы [Sd. 7–8]. Не свойственна идея о том, что Один определяет судьбы людей, и родовым сагам.

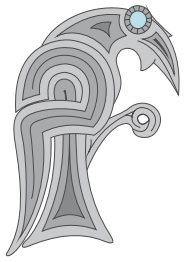
Среди самых ранних датированных текстов, в которых Один предопределяет судьбу героя, «Речи Хакона» (ок. 960 г.) норвежского скальда Эйвинда Погубителя Скальдов. Здесь смерть конунга Хакона Доброго объясняется повелением Одина: «Тюр Гаутов [т.е. Один] послал

[валькирий] Гёндуль и Скёгуль выбрать среди конунгов, кто из рода Ингви должен с Одином разъезжать и в Вальхалле пребывать» [Hkr.: Hákr. góða XXXII, 128; Hkm. 1].

«Перечень Инглингов» Тьодольва Хвинского, на который опирался Снорри при составлении «Саги об Инглингах», датируется концом IX в., т.е. старше «Речей Хакона» на 70–80 лет (3–4 поколения). У Тьодольва смерти конунгов нигде не подчинены верховному асу. Эти смерти спровоцированы воздействием безличной судьбы, что на языковом уровне находит выражение в неоднократном употреблении в «Перечне Инглингов» модального глагола *skyldi* «был должен» (Praet. Sg.)²⁶. Вероятной представляется гипотеза о том, что начало «единической» модели судьбы было положено в исторический промежуток от объединения Норвегии Харальдом Прекрасноволосым до гибели Хакона Доброго, т.е. в первой половине X в. Институализация общенорвежской власти конунга становится отправной точкой в формировании представления о предопределяющем воздействии верховного аса на жизнь и смерть представителей правящего рода.

В эвгемерической трактовке автора «Круга Земного» династия норвежского правящего рода восходит к божественному предку (Фрейру) и первооснователю (Одину). Один оказался в основании рода Инглингов, возможно, в результате влияния англосаксонской (Беда Достопочтенный) и даже готской историографии (Иордан)²⁷. «Функция Одина как бога войны передаётся Инглингам. Они становятся предводителями на войне, вместе с тем оставаясь ответственными за процветание страны, будучи потомки Фрейра»²⁸.

Божественная судьба норвежского конунга — это не только смерть, определяемая иррациональной волей верховного аса. Это ещё и достоинство, зримым воплощением которого являются его воинственность и его владение/держава. Наиболее отчётливо эта модель судьбы представлена в «Саге о Хальвдане Чёрном». Здесь сообщению о смерти Хальвдана сопутствует пророчество, данное его сыну Харальду, о власти в Норвегии: «*muntu fá ríki þat allt, er hann hefir átt, og þar með skaltu eignask allan Noreg*», «Ты получишь всю ту державу, которой владел он [Хальвдан Чёрный], и вместе с тем ты будешь владеть всей Норвегией» [Hkr.: Hálf. sv. VIII, 56]. Перед нами сакральное обоснование властных прав Харальда и его наследников, дошедшее от языческой эпохи: власть конунга над страной санкционирована самим Одином.

55...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

Данному прорицанию в «Саге о Хальвдане Чёрном» предшествует рассказ о снах Рагнхильд, матери Харальда, и самого Хальвдана. И здесь обнаруживается вторая сторона отмеченной нами уникальности «Саги о Хальвдане Чёрном»: появление в ней предсказаний и предзнаменований встраивает судьбу Хальвдана в последующий исторический процесс.

Тематически сны Рагнхильд и Хальвдана превосхищают и дублируют слова Одина, в них содержится предсказание будущего могущества Харальда. Хальвдану снится, что у него очень красивые волосы, распадающиеся на локоны разной длины. Одна из прядей выделяется среди других своей красотой, блеском и величиной. Некий Торлейв Мудрый тут же толкует сон Хальвдана: он символизирует власть его рода над разными странами; пряди — это потомки Хальвдана, различающиеся своей славой; самая же длинная, по общему мнению, предвещала рождение Олава Святого [Hkr.: Hálf. sv. VII, 55–56].

В сне Рагнхильд будущую (предопределённую) власть Харальда Прекрасноволосого символизирует огромное дерево, вырастающее от земли до неба. Нижняя часть древа — кроваво-красного цвета, ствол в середине — зелёного, ветви — белого. У этого древа множество ветвей, и его крона простирается над всей Норвегией [Hkr.: Hálf. sv. VI, 55]. Толкование сна Рагнхильд появляется лишь в предпоследней главе «Саги о Харальде Прекрасноволосом» [Hkr.: Har. hárf. XLIII, 96–97]. Здесь ветви семантически соответствуют прядям волос в сне Хальвдана, и это значит, что род, произошедший от Харальда, будет в дальнейшем править в Норвегии. Три цветовых уровня объясняют характер правления Харальда: сначала — воинственный, зелёный цвет означал расцвет государства, белый предвещал глубокую старость и седины конунга. Древо из сна Рагнхильд, как и мифический Иггдрасиль, отмечает пределы пространства, властвовать над которым суждено потомкам Харальда. А прочерченная древом вертикальная ось задаёт временные параметры будущего — характеризует качество грядущих времён в их динамике.

Обратим внимание на различия между двумя упомянутыми пророчествами. Сон Рагнхильд сконцентрирован прежде всего на фигуре самого Харальда. История, предрекаемая этим сном, есть индивидуальная история, а власть в Норвегии, согласно толкованию Снорри, должна принадлежать потомству протагониста — самого Харальда.

В центре внимания сна Хальвдана — весь род будущих норвежских правителей. Кроме общих замечаний, в сне Хальвдана заложены и основы периодизации будущей истории Инглингов: одна из прядей рода Хальвдана достигнет наивысшего величия в лице Олава Святого. Сон Рагнхильд предвещает события, которые, несмотря на их масштабность, можно было бы описать как многотрудную и динамичную историю индивида, в то время как сон Хальвдана — это уже династическая история Норвегии. Здесь важна не личная, но социальная и культурная динамика предопределённых событий, наиболее значимое из которых — обращение народа в христианство. Именно такая трактовка исторической перспективы грядущего намечается из толкований, приведённых Снорри в «Круге Земном».

Впрочем, приведённое автором саги толкование не является единственно возможным. В сознании аудитории, хотя бы поверхностно знакомой с историей Норвегии, рассказ о видении красивых волос (сон Хальвдана) неизменно должен быть связан с прозвищем сына Хальвдана — Харальда Прекрасноволосого (о котором в толковании Снорри не говорится ничего). С другой стороны, белая крона в «видении древа» Рагнхильд — это не только старческие седины, но и святость Олава, проповедовавшего словом и силой Белого Христа. Временные параметры истории выходят за пределы жизни одного конунга. Образ древа маркирует центральное событие норвежской истории — правление Олава Святого, и история одного правителя на наших глазах вырастает в историю всего государства, как из небольшого корешка вырастает огромное дерево.

Подведём итог нашим наблюдениям над факторами, организующими историческое повествование в языческих сагах «Круга Земного». Понимание логики исторического процесса здесь предстаёт неоднозначным и противоречивым.

В основе объяснения лежит представление о том, что события в жизни правителей Швеции и Норвегии обусловлены воздействием судьбы. Однако эта судьба не имеет своего лица, она безлична. Не случайно ни в стихах Тьодольва Хвинского, ни в «Саге об Инглингах» Снорри Стурлусона эта идея не озвучена вслух. Представление об иррациональной детерминированности реализовано лишь на лексическом уровне в стихах Тьодольва (посредством использования модальных глаголов) и на нарративном уровне

у Снорри (посредством построения исторического повествования по принципу повторяемости).

В течение непродолжительного периода от объединения Норвегии конунгами-язычниками до появления первых конунгов-христиан появляется «одническая» модель судьбы. Согласно этой модели именно Один формирует личную судьбу конунга — его могущество и обстоятельства гибели. Ссылки на Одина оказываются достаточно для того, чтобы объяснить самые невероятные, сверхъестественные и даже нелепые события в истории Инглингов. Однако, если имя Одина не упоминается, то события нарратива оказываются во власти слепого случая, и Снорри ищет рациональные основания для их объяснения.

Появление конунгов-христиан и вся последующая перспектива христианской истории Норвегии связывают отдельные судьбы Инглингов в единый жизненный поток, который так или иначе должен привести к кульминации — мученической гибели и славе Олава Святого. Поэтому уже при составлении языческих саг Снорри использует идею Божественного предопределения, которая дополняет «одническую» модель судьбы: могущество Харальда Прекрасноволосого предопределено языческим божеством и реализуется при этом промысел Всевышнего.

Именно христианская перспектива позволяет Снорри перейти от кратких сообщений о жизни и смерти отдельных представителей рода Инглингов на уровень изложения династийной и государственной норвежской истории²⁹.

В двух небольших сагах — «Саге об Инглингах» и «Саге о Хальвдане Чёрном» — перед нами предстаёт и случай, и судьба, и воля Одина, и Божественное предопределение. Снорри, рассказывая о первых этапах истории Норвегии, соединяет самые разнообразные способы моделирования исторического повествования, унаследованные им от предшествующей традиции (предшествующих традиций). При этом в сочинении исландского историка происходит нарративный переход — от запечатлённого мгновения гибели конунга к продолжающемуся, имеющему свою перспективу полотну национальной истории.

Список сокращений:

НН. I. — Helgakviða Hundingsbana in fyrri: Первая песнь о Хельги убийце Хундинга
Hkm. — Hákonarmál: Речи Хакона
Hkr. — Heimskringla: Круг Земной
Yngl. — Ynglingasaga: Сага об Инглингах
Hálf. sv. — Hálfðanar saga svarta: Сага о Хальвдане Чёрном
Har. hárf. — Haralds saga hárfagra: Сага о Харальде Прекрасноволосом
Hák. góða — Hákonar saga góða: Сага о Хаконе Добром
Sd. — Sigrdrífumál: Речи Сигдривы

Примечания

¹ Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы её воплощения. М., 2003. С. 77.

² Здесь и далее в квадратных скобках указаны ссылки на источники. Римскими цифрами обозначен номер главы, арабскими — номер страницы. При цитировании поэтического текста номер строфы обозначен арабскими цифрами. Список сокращений приведён в конце статьи. Текст «Круга Земного» цитируются по изданию: Heimskringla Snorra Sturlusonar. Konungasögur um prentun sá Páll Eggert Ólason. Bd. I. Reykjavík, 1946. Песни «Старшей Эдды» цитируются по изданию: Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Dritte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1968. Перевод древнеисландского текста принадлежит автору статьи (если не указано иное).

³ Далее — «Перечень смертей...»

⁴ Смирницкая О.А. «Перечень Инглингов» в освещении исторической поэтики // Смирницкая О.А. Древнегерманская поэзия. Каноны и толкования. М., 2005. С. 108.

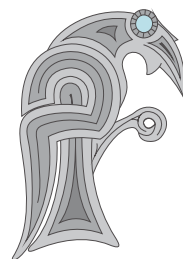
⁵ Там же. С. 111. О соотношении «Перечня Инглингов» и других возможных источников, использованных Снорри, см.: Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях. С. 73-76. Следует обратить внимание на то, что сам Тьодольв не использовал родового понятия «Инглинги». Первым Инглингами назвал род шведских конунгов Ари Мудрый — см.: Turville-Petre J. On Ynglingatal // Medieval Scandinavia. Vol. 11. Odense, 1978-1979. P. 53.

⁶ Возможны и иные варианты структурирования этой части «Саги об Инглингах». Например, выделение шведской (до конунга Ингьяльда) и норвежской (начиная с Олава Лесоруба) частей.

⁷ За исключением отдельных авторских пояснений, например, характеристики титулов скандинавских вождей [Hkr.: Yngl. XVII, 18].

⁸ Хлевов А.А. Историко-культурный феномен Северной Европы I-VIII вв.: Диссерт. ... докт. филос. наук. СПб., 2002. С. 442.

⁹ Эгиля забодал бык, предназначенный для жертвоприношения [Hkr.: Yngl. XXVI, 29], Адильс упал с коня, проезжая через капище дисы [Hkr.: Yngl.

57...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

XXIX, 32-33], Энунда завалило лавиной в горах [Hkr.: Yngl. XXXV, 37], на Эйстейна упала корабельная рея [Hkr.: Yngl. XLVI, 45].

¹⁰ Е.А. Мельникова характеризует эти смерти как наступившие «в результате неожиданных, необычных, а нередко и позорных обстоятельств», сопоставляя их со смертями первых русских князей (Мельникова Е.А. Устная историческая традиция в раннем историописании: «Повесть временных лет» и «Сага об Инглингах» // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст. XV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2003. С. 161).

¹¹ Существует предположение о том, что Фьёлнир (по Дюмезилю, это имя значит просто «множество») — это одно из божественных прозвищ самого Фрейра (Turville-Petre J. On Ynglingatal. P. 53).

¹² Ciklamini M. Ynglinga Saga: Its Function and its Appeal // Mediaeval Scandinavia. Vol. 8. 1975. P. 90.

¹³ Так, рассказывая о гибели Хакона Доброго, Снорри Стурлусон отказывается от языческой интерпретации судьбы этого конунга-христианина, и в результате объясняет его гибель игрой случая: Барышников В.Ю. Две судьбы конунга Хакона Воспитанника Адальстейна // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. М., 2007. Спец. вып. 1 (35). С. 255-263.

¹⁴ Смирницкая О.А. «Перечень Инглингов» в освещении исторической поэтики. С. 112, сн. 6. Дискуссионным остаётся вопрос о возможности наличия аллетирующей пары имён Freyr-Fjölfnir. Эта пара «Фрейр — Фьёлнир» есть в генеалогии Ари Мудрого, исландского учёного XII в. (Íslendingabók // Íslendinga sögur. Bd. I. Landssaga og landnám. Guðni Jónsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1946. Bls. 20). Сейчас большинство исследователей согласны с тем, что перечень Тьодольва имел только 27 имён. И если Снорри в прологе к «Кругу Земному» говорит о тридцати предках Рёгнвальда [Hkr.: Prologus 1], то он, скорее всего, следует сложившейся лишь к XII-XIII вв. генеалогической традиции, согласно которой ключевая фигура в генеалогическом перечне должна занимать тридцатую позицию (Turville-Petre J. Op. cit. P. 49).

¹⁵ Turville-Petre J. Op. cit. P. 64.

¹⁶ Ibid. P. 63-64.

¹⁷ Во второй части «Перечня смертей...» эти пары прослеживаются спорадически, причём характер парности гораздо менее убедительный, нежели в рассмотренных случаях: 1) Хуглейк и Эйрик убиты викингом Хаки; 2) Эгиль убит бешеным быком, а дань, обещанная Эгилем датчанам, становится причиной гибели его сына Оттара; 3) Ингьяльд съёл себя и своих людей в доме, предчувствуя своё поражение в войне с Иваром Широкие Объятья, а его сын Олав сожжён как жертва Одину за урожай, etc. Кроме того, смерти здесь более реалистичны, зачастую обусловлены междоусобными войнами, и их парность могла оказаться случайной.

¹⁸ «Качественное различие между «историческим» и «древним» (легендарным) временем, как известно, имело особую важность в сознании исландцев, ибо оно непосредственно определялось самим начальным событием исландской истории — заселением острова (конец IX — начало X в.). <...> нельзя оставить без внимания в этом обзоре особый случай «Саги о Хальвдане Чёрном». Эта короткая сага — около пяти страниц в современных изданиях — образует переход от древнего к историческому времени и мотивирует рождение Харальда Прекрасноволосого — конунга, при котором была заселена Исландия» (Смирницкая О.А. Два предания о первых поэтах: Кэдмон и Браги // Другие средние века. К 75-летию А.Я. Гуревича / Сост. И.В. Дубровский, С.В. Оболенская, М.Ю. Парамонова. М.-СПб., 1999. С. 308, 311).

¹⁹ Сравни, однако, пророчество-проклятье вёльвы Хульд [Hkr.: Yngl. XIV, 16].

²⁰ Пер. О.А. Смирницкой. Цит. по: Смирницкая О.А. «Перечень Инглингов» в освещении исторической поэтики. С. 142.

²¹ «Рери заболел, а затем умер и собрался в путь к Одину, и многим это казалось желанным в те времена» (Сага о Волсунгах / Пер. с др. исл. Б. Ярхо // Корни Ингдрасиля: Древнеисландская литература. М., 1997. С. 179.

²² Сигмунд «взял труп [Синфьётли] в объятья и пошел в лес и вышел на берег фьорда. Там увидел он человека на челне малом. Человек спросил, не хочет ли Сигмунд, чтоб он перевез его через фьорд. Тот согласился. Челнок был так мал, что всех не мог свезти. Погрузили сперва труп, а Сигмунд пошел по берегу фьорда. И тут же исчез челнок из глаз Сигмунда, а с ним и человек тот» (Сага о Волсунгах. С. 194).

²³ см.: Сага о Волсунгах. С. 180-181, 195.

²⁴ Один даёт Дагу, врагу Хельги, копьё, от которого протагонист песни и погибает.

²⁵ Один усыпляет валькирию Сигдриву за то, что она в битве погубила угодного Одину конунга.

²⁶ О.А. Смирницкая отмечает, что судьбы Инглингов в песни Тьодольва представлены скорее в статике, нежели в динамике: «<...> поэт создаёт картину генеалогического прошлого как череду не имеющих временного измерения (последних в жизни предков) «мигов», запечатлённых в вечности» (Смирницкая О.А. «Перечень Инглингов» в освещении исторической поэтики. С. 144). Конунги и их смерти в изображении скальда IX в. слиты в единую и неделимую картину, что вообще не предполагает участия третьей (личной) силы в распределении судеб.

²⁷ Faulks A. Descent from the gods // Medieval Scandinavia. Vol. 11. Odense, 1978-1979. P. 97.

²⁸ Ciklamini M. Ynglinga saga. P. 94.

²⁹ Гуревич А.Я. Снорри Стурлусон — средневековый историк // Гуревич А.Я. История — нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: Статьи разных лет. М., 2005. С. 144 сл.

ESGAL

Осознанные сновидения во времена викингов

ТЕМА осознанных сновидений сейчас широко пошла в народ. Застрельщиком явился американский антрополог Карлос Кастанеда, который написал серию книг о, как он говорил, «традиции индейцев яки», основанной, в том числе, на практике осознанных сновидений. Книги сработали как бомба, породив множество последователей и, в среде эзотериков, моду на изучение и освоение этого направления. Кастанеда заявлял о древности изложенного им учения, но до сих пор продолжаются дискуссии об объёме в его работах исключительно художественной составляющей, т.е. о том, не плод ли всё это его гениальной фантазии.

Однако практики сновидений распространены среди всех аборигенов Северной Америки. Традиционно индейский мальчик проходил инициацию на статус взрослого, получая видение во сне, к которому готовился особым образом. Считалось, что полученная так информация оказывала влияние на всю его последующую жизнь.

Сновидческими традициями отмечена не только Америка. Известная российская группа «Хакеров сновидений», деятельность которой сейчас превратилась в легенду, расширила и видоизменила практики «индейцев яки», включив в них данные, полученные ими из исследований тибетских источников. Как оказалось, древние тибетцы тоже были продвинутыми практиками снов.

В пантеоне Древней Греции есть бог врачевания Асклепий. В давние времена больные, искавшие его помощи, собирались в храмах, где были устроены специальные помещения для сна, и спали там. Потому что именно во сне к ним приходил этот бог и давал советы по излечению или же сам немедленно исцелял.

А что в Скандинавии? Мы знаем о шаманской (сейд) и знаковой (руника) составляющих скандинавской магии, о традициях прорицания (вэльвы) и контактов с умершими (утисета). Но как обстояло дело со сновидениями? Конечно, мимо этой важной составляющей получения информации и влияния на реал они тоже не прошли.

Открываем саги.

Самая простая и распространенная разновидность сновиденной практики — сны предсказательные. Их видели самые обычные люди, а вот за разъяснениями увиденного могли обращаться к соплеменникам, которые считались «непростыми», т.е. не чуждыми магического искусства. Впрочем, понимание предсказания далеко не всегда помогало избежать будущего несчастья.

«Херстейн, сын Кетиля Сони, вечером уехал к своему приемному отцу; того звали Торбьёрн, а по прозвищу — Рысак. Поговаривали, что Торбьёрн — человек необычный, и может находиться во многих местах сразу.

Утром Херстейн просыпается и спрашивает, спит ли его приемный отец. Тот говорит, что не спит.

— А что ты хочешь?

59...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
ЙВ
Е
Т
Е
Р№40
2023

— Мне приснилось, будто я вижу, как сюда входит мой отец: платье на нем пылало, и мне казалось, что весь он — как большой язык пламени.

Они встают и выходят, и вскорости замечают пламя. Они берут оружие и спешно выезжают, но когда они добрались до места, никого из поджигателей уже не было».

(Сага о Курином Торире)

В ту ночь был сожжён врагами дом Кетиля Сони вместе с хозяином.

«Тут Торбьёрн сказал:

— Этой ночью я видел сон.

Работник спрашивает:

— Что же тебе снилось?

— Мне казалось, что я стою там, где не все ладно, и со мной меч, который я привык брать с собой, — но сейчас его со мной нет — и он разломился надвое, когда я нанес им удар. Еще я будто бы сказал две висы, и обе запомнил...»

(Сага о битве на пустоши)

В обеих висах шла речь о расколотых доспехах. Впоследствии оказалось, что, поехав в кузницу, он забыл взять с собой железо, а с сыновьями кузнеца как раз приключилось несчастье. Да и у них дело не обошлось без снов.

«Гисли отошел немного в сторону и огляделся, а его братья начали косить. ...

Он рассказывает им свой сон, о том, как ему снилось, что они стоят на Золотом Лугу и на них напало множество волков, и они яростно наседали на них, «и сон мой как будто оборвался на том, что я побежал вниз к нашему хутору».

(Сага о битве на пустоши)

В тот день Гисли и его братьев убили внезапно напавшие враги.

Как можно видеть, информационные сны не были редкостью для скандинавов, но не были они и обыденным явлением, распространённым повсеместно. Или бы к таким предупреждениям относились серьёзнее.

Впрочем, если сновидец обладал определёнными способностями и знал об этом, то такая информация полагалась полностью достоверной, как и полученные таким образом предсказания.

Торгейр говорит:

— Мне снятся вещие сны, как мне положено по рождению, и мне снилось сплошь самое ладное о себе и крайне неладное о тебе, и сбудется так, как мне снилось..

(Сага о названных братьях)

Однако сновиденные практики древней Скандинавии не исчерпывались «обычными» вещими снами. И сейчас я попробую доказать это.

...и вот однажды ночью случается такое событие, что когда Тормод был дома в Горячем Жилье, ему снится, будто к нему приходит Торбьёрг Черная Бровь и спрашивает его, бодрствует он, или спит. Он сказал, что бодрствует.

Она сказала:

— Это сон, но ты видишь лишь то, что случится в яви, словно ты бодрствуешь. Что теперь скажешь, не отдал ли ты другой женщине песню, которую сочинил обо мне?

Тормод отвечает:

— Это неправда:

Торбьёрг сказала:

— Ты взаправду отдал мою песнь Тордис, дочери Гримы, и искажил стихи, где было больше всего слов обо мне, ибо ты, жалкий человечиска, не решился сказать правду, о которой женщине ты сочинил песню. Ныне я отплачу тебе лихом за ложь, и у тебя откроется столь сильная и жестокая боль в глазах, что оба глаза выскочат у тебя из головы, если ты прилюдно не объявишь о своей подлости, что ты отнял у меня хвалебную песнь и отдал ее другой женщине. Тебе никогда не вернуть здоровья, если ты не выбросишь висы, которые обратил в хвалу Тордис, и не повторишь тех, которые изначально сочинил обо мне.

Торбьёрг показала Тормоду разгневанной и зловещей; ему казалось, что он еще различает ее черты, когда она уходит прочь. Просыпается он от того, что у него так болят глаза, что он едва в силах сдерживать вопли. Оставшуюся часть ночи спать он не может. ...

(Сага о названных братьях)

... 60

Казалось бы, сон как сон: героя, обманувшего девушку, мучает совесть, вот та ему и снится. И даже полученная информация (о болезни глаз) подтверждается, что тоже неудивительно: глаза уже болели, и боль сформировала сюжет. Если бы не одно но.

Любой, кто занимался осознанными сновидениями и научился приходить в сны своих знакомых, отметит этот момент — вопрос Торбьёрг о том, спит ли Тормод. Потому что сам практик, добившись желанной цели и встретив во сне приятеля, в первую очередь поинтересуется, спит ли тот. Это так же рефлекторно, как поздороваться. И если практик начинающий, он весь остаток осознанного сна будет пытаться объяснить своему другу, что тот не прав, что на самом деле он спит и ему нужно осознать это. Более опытные на такую ерунду размениваться уже не станут. Как, собственно, и Торбьёрг.

Также практики осознанных сновидений знают, что, пробравшись в чужой сон, можно навредить его «хозяину», если тот слабее, а неосознанный человек заведомо слабее осознавшегося. Но об этом позже.

Далее привлекает внимание реакция отца героя.

«Берси /его отец/ поднимается в свое обычное время. И когда все, кроме Тормода, встали, Берси подошел к Тормоду и спросил, не болен ли он, раз он не встает, как обычно.»

Берси сказал:

— Что привиделось тебе во сне?

Тормод рассказывает свой сон и весь ход дела с песней.

Берси сказал:

— Дорого обходятся тебе подруги: из-за одной получаешь увечья, от которых не оправишься до конца жизни, а теперь еще чуть-чуть, и оба глаза выскочат у тебя из головы. Мой совет тебе — вернуть песне тот лад, который был в самом начале и всегда посвящать песнь Торбьёрг Черная Бровь, раз сочинял ты о ней.

Тормод говорит:

— Будет по твоей воле.

Затем Тормод принародно объявляет, как обстоит дело с песней, и снова отдает песню Торбьёрг при множестве свидетелей. Вскоре глазная боль у Тормода пошла на убыль, и он полностью исцелился от этой болезни».

(Сага о названных братьях)

Как можно видеть, Берси совершенно не удивлён. Более того, он сразу же задает верный вопрос, связывая внезапную болезнь сына с событиями сна. И дальше находит решение: исполнить требование напавшей через сон ведьмы. Ситуация разрешается благополучно (если не считать разборок героя теперь уже с другой девушкой), и опять в описании события совершенно не просматривается удивления. Всё так, как и должно быть, «всё нормально».

Полагаю, отсюда можно предположить, что практика осознанных сновидений не была чем-либо исключительным. Да, не все умели контролировать свои сны, но «широкие народные массы» знали о существовании такого явления, знали о существовании тех, кто это умеет, и знали, что можно ожидать от негаданной встречи с таким гостем. Они очень быстро выстраивали причинно-следственные связи между содержанием сновидения и тем, что произошло после такого сна.

Для чего ещё использовали сновидения (настаиваю, осознанные сновидения) скандинавы? Продолжаем читать ту же сагу.

«...и жена его звалась Грима; это была женщина сурового нрава, искусная во всем. Она была хорошей врачеей и ведала древние обычаи. ...»

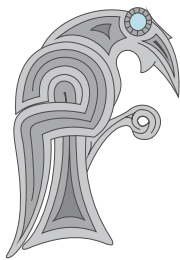
Рассказывают, что когда Тордис со своими спутниками была уже в пути, Грима стала тяжело стонать во сне. Тормод сказал Гамли, чтобы тот разбудил ее.

Гамли отвечал:

— Грима не велит будить ее, ибо во сне она обычно видит то, что ей кажется важным».

(Сага о названных братьях)

Здесь говорится не об обычном «предсказательном сне» и не об обычной женщине. «Искусная во всем» Грима «ведает древние обычаи» и заказывает содержание своего сна. Осознанные сновидцы наших дней тоже так делают, если хотят узнать то, что никак иначе не могут. Если они хороши, у них получается. И да, будить их при этом не следует.

61...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

Но не только Грима, ее соперница также владеет этим умением.

«Следующей весной случилось так, что Тордис с Акульего Мыса стала громко стонать во сне, и люди решили, что ее нужно разбудить. Но Бёдвар, ее сын, сказал:

— Дайте моей матери досмотреть сон, ибо не исключено, что сейчас старая видит то, что ей нужно знать.

И ее не будят. Проснувшись, она тяжело дышит.

Бёдвар, ее сын, сказал:

— Ты тяжело стонала во сне, мать. Что же тебе привиделось?

Тордис отвечает:

— Этой ночью я много носилась на посохе, и мне открылись вещи, которых я раньше не знала...»

Или почти этим, техника данной героини могла быть другой, сновидцы всё же именно посохами, т.е. гальдрами, не пользуются, хотя мы не знаем в точности, что такое тот самый «гальдр». Впоследствии ещё раз описано, как она получает информацию через сон, полностью достоверную информацию.

Можно спорить, является ли «езда на гальдре» в таком приложении отдельным видом волшебства или разновидностью осознанных сновидений, равно как и применение ставов «чтобы увидеть ...», но это несомненно техники управления сном, техники, выводящие из сна в реальность и позволяющие видеть во сне не фантазии спящего мозга, а то, что происходит на самом деле. Собственно, чем занимаются и современные сновидцы (не только этим, но этим тоже, при необходимости). Также обратите внимание, что и Грима и Тордис «стонут во сне», т.е. ведут себя так, как обыкновенный спящий, который видит остросюжетный сон. Хотя в Скандинавии был известен и другой способ получения такой же информации.

Один мог менять свое обличье. Тогда его тело лежало, как будто он спал или умер, а в это время он был птицей или зверем, рыбой или змеей и в одно мгновение переносился в далекие страны по своим делам или по делам других людей.

(Сага об Инглингах)

Здесь Один явно не созерцает сон, тело его «лежит как мертвое», а дух путешествует. Сейчас это называется ВТО — внетелесный опыт, и это несколько иная техника.

Что ещё можно делать через осознанный сон? Например, дать поручение человеку, который от тебя очень далеко, а связи нет (мобильных телефонов в древней Скандинавии не водилось).

«В ту же ночь Грим Бонд из Залива видел сон, будто к нему явился человек. Он был хорош собой и важен, среднего роста, приземист и широкоплеч. Этот человек спросил Грима, бодрствует он, или спит.

Тот отвечает:

— Я-то не сплю, а вот ты кто такой?

Человек из сна говорит:

— Я конунг Олав сын Харальда, и у меня есть к тебе дело...»

(Сага о названных братьях)

Как и следует ожидать, Грим Бонд, проснувшись, отправляется исполнять указания своего конунга. Замечу, что здесь речь об Олафе Святом (!), т.е. показательное христианство никак не повлияло на использование королём известных ему старинных практик работы со сновидением. И снова отмечу маркер — вопрос, спит ли собеседник. Получив ответ, Олаф убеждается, что его реципиент находится в неосознанном сне, значит, ему можно просто отдавать приказы.

Теперь вернемся к вопросу о причинении вреда через осознанное сновидение.

Собственно, Торбьёрг обошлась со своим ветреным ухажёром довольно мягко, она всего лишь внушила ему боль в глазах, вероятно, использовав бытовавшее тогда убеждение, что глаза болят от нечистой совести. В одном из предыдущих номеров «Северного ветра» печаталась хорошая исследовательская статья по данному вопросу. Всё могло оказаться гораздо печальнее.

«...Ванланди ... много странствовал. Раз он остался на зиму в Стране Финнов у Сньера Старого и женился на его дочери Дриве. Весной он уехал, оставив Дриву

и обещав вернуться на третью зиму, но не вернулся и на десятую. Тогда Дрива послала за колдуньей Хульд, а Висбура, сына ее и Ванланди, отправила в Швецию. Дрива подкупила колдунью Хульд, чтобы та заманила Ванланди в Страну Финнов либо умертвила его. Когда шло колдовство, Ванланди был в Уппсале. Ему вдруг захотелось в Страну Финнов, но друзья его и советники запретили ему поддаваться этому желанию, говоря, что оно наверно наколдовано финнами. Тогда его стал одолевать сон, и он заснул. Но тут же проснулся и позвал к себе и сказал, что его топчет мара. Люди его бросились к нему и хотели ему помочь. Но когда они взяли его за голову, мара стала топтать ему ноги, так что чуть не поломала их. Тогда они взяли его за ноги, но тут она так сжала ему голову, что он сразу умер».

(Сага об Инглингах)

Что есть «мара»? **«Мара** — в скандинавской мифологии демон, садящийся по ночам на грудь и вызывающий дурные сны, сопровождающиеся удушьем под весом демона, отчего сами дурные сны также стали носить имя кошмара». (Словари и энциклопедии на Академикe)

Конечно, никаких таких демонов не существует. Но существуют сновидцы, способные не просто входить в чужой сон, но и наносить повреждения телу человека, вызывать боль, остановку сердца (инфаркт) или нарушение мозгового кровообращения (инсульт), что весьма красочно и описано выше. Жертва нападения проснулась, но вред уже был причинен, так что никакие действия товарищей ей помочь не могли. Здесь колдунья — финка, однако нет никаких отсылок к «особому хитроумию финнов», что встречается, если говорится об уж совсем особенном и неизвестном в Скандинавии колдовстве. Финнов там опасались именно за такие таланты, но в этой истории не заметно какого-либо удивления рассказчика, просто объясняется, как было дело.

Резюмирую. Если взглянуть на исландские саги глазами человека, знакомого с техниками осознанных сновидений, можно найти свидетельства знакомства с ними и древних авторов. При этом истории с включениями подобных снов излагаются как вполне обыденные, не то, чтобы повседневные, но и не уникальные. «Бывает». Откуда следует вывод, что данные техники в Скандинавии были известны, хотя, конечно, их не называли такими умными словами и, видимо, не слишком отличали от других разновидностей колдовства. Тот же «посох», на котором во сне летали ведьмы, вполне может оказаться указующим цель инструментом сновидца, нечто подобное (сновиденный компас) используется и сейчас. Конечно, данная тема дискуссионна, и однозначные доказательства невозможны, но мне представилось интересным повернуть наследие древних вот этой гранью, недоступной для обнаружения без наличия соответствующих знаний. Тем более, что пока ни один из академических учёных (увы, нашей механистичной цивилизации) такими знаниями не обладал. Надеюсь, вам было интересно.

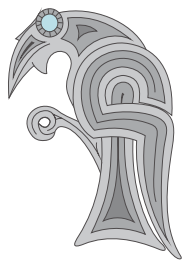

63...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

Беседовала:
Анастасия
ЗИМОВА

Время путешествовать: знакомство и прогулки по Стокгольму с Ирой «Искра» (@iskra_viking)

С Привет, Искра! Спасибо тебе за участие в нашем юбилейном номере. Наш первый традиционный вопрос: как бы ты сама себя представила? Расскажи также о своём необычном имени :)

Привет! Спасибо большое, что пригласили меня на интервью. Мне безумно приятно появиться в вашем журнале. Ну что, поехали?

Моё настоящее имя — Ira Iskra Sjölund, что на русском звучит как Ира Искра Хёлунд. Если брать с самого начала, то, когда я родилась, меня называли Ирина Богатырёва, но в 15 лет я переехала в Швецию и везде всегда представлялась как Ира. Имя Ирина для меня не было моим, и мне с ним было не очень комфортно. Поэтому я сменила «Ирина» на «Ира» и добавила к нему второе имя — Искра. Это моё викингское имя. Я состою в нескольких викингских сообществах в Швеции, и у нас принято выбирать себе викингское имя, если твоё настоящее имя является современным. Можно выбрать имя родственника (прабабушки или прадедушки), можно выбрать имя с рунического камня, который находится рядом с местом, где вы родились или проживаете, а можно просто получить это имя, если тебя случайно неправильно назвали. Дело в том, что я родом из Азербайджана и у меня нет предков с викингскими именами, так же как и нет рунических камней в Баку и там, где я проживала на тот момент, а ещё и имя у меня лёгкое — Ира, и все меня всегда именно так называли. Тут мне пришла в голову идея назвать своего партнёра на тот момент в честь Рюрика, что по-шведски будет Рёрик, и мы придумали такую байку, что он поехал на юга и привёз оттуда меня. Именно тогда я решила взять себе старославянское имя. 10 лет назад было очень трудно найти какие-то книги или вообще какую-то информацию о старославянских именах VIII-XII веков, но я нашла работу какого-то профессора, где были со-

браны все имена. Я прошлась по всем именам и, когда дошла до имени Искра, то поняла, что это моё. Шведы, кстати, ставят ударение «И», когда обращаются ко мне, а подписчики меня частенько называют Искорка. А фамилию я сменила после замужества.

С Помнишь ли ты, как именно у тебя зародился интерес к эпохе викингов и исторической реконструкции? И как затем появилась идея тематического блога?

Я всегда любила Хеллоуин и праздники-маскарады. Позже я начала встречаться с парнем, который занимался ролевыми играми и ездил каждый год на неделю средневековья в Висбю. И вот весной 2013 года мы с ним вместе решили поехать и посмотреть викингскую деревню, которая находилась недалеко от нас. Там на тот момент было мероприятие для реконструкторов — весенний блот, или праздник весеннего жертвоприно-

шения. У меня на тот момент уже была одежда, но она не являлась исторической. У нас была историческая палатка. И вот мы поехали туда на ночь, и с тех пор я викинг. Первое время я туда ездила ради тусовок, но последние лет 6 сильно вовлеклась в историческую реконструкцию. Сшила несколько платьев, но меня всегда больше всего привлекала готовка и еда эпохи викингов. Стала больше изучать, углубляться и в какой-то момент поняла, что русскоязычные источники не всегда совпадают со шведскими и норвежскими. В какой-то момент я поняла, что всё, что я изучаю, мне хочется куда-то записывать, и начала вести блог в инстаграме. Так появилась @iskra_viking. За полгода мой блог сам дорос до 1000, так как подписчикам очень нравился мой контент. Ну и понеслось!

В А как появилась идея водить экскурсии по Стокгольму?

Я завела блог за несколько месяцев до пандемии, и во время карантина, пока у меня не было работы, я прошла большее количество курсов по ведению блога, о том, как работает инстаграм, и во всех этих курсах был один итог: соцсети — идеальная площадка для рекламы и продажи своих продуктов и услуг. В какой-то момент я поняла, что не хочу возвращаться в офис и работать в коллективе, который мне не подходит. Именно тогда я наткнулась на госпрограмму, которая помогала открыть свой бизнес в период коронавируса и спонсировала тебя год. После того как я посмотрела на свой блог как на бизнес, я придумала три услуги, которые продавала.

- 1) Прогулки с викингом:
  - 2 часа прогулки по старому городу, где викинг рассказывает историю старого города и связывает её с историей эпохи викингов;
  - 2 часа прогулки по барам в старом городе, где викинг рассказывает историю каждого места.

2) Фотосессии в одежде викингов.

У меня можно было взять одежду и поехать в лес с фотографом. Фотограф снимает час, а потом выдает вам 10 обработанных фотографий.

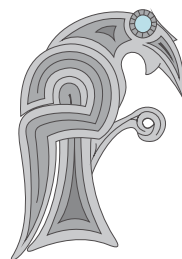
- 3) С викингом на кухне.
К вам на кухню приезжает ви-

кинг с продуктами и проводит мастер-класс по приготовлению блюд, которые могли бы присутствовать в меню у викингов.

В Какие маршруты и по каким частям города есть у тебя в программе?

На данный момент я приостановила групповые экскурсии и возжу только частные экскурсии и даю лекции. Сегодняшний маршрут составляет прогулку по старому городу в Стокгольме. В течение двух часов мы гуляем по самым секретным местам старого города, где я рассказываю историю этих мест, а потом связываю это с эпохой викин-

65...

гов. Я рассказываю о том, кем были викинги на самом деле, что они ели, что пили, кого приносили в жертву, как, куда и на чём они путешествовали, и мне всегда можно задать любой вопрос. Если этой прогулки мало, то можно продолжить и сходить в 4 самых необычных бара-ресторана в старом городе. В каждом баре я рассказываю историю этого места и рекомендую напитки. Кроме этого, я собираюсь составить маршрут на весну-лето-осень по руническим камням в Сигтуне — городе, который находится на север от Стокгольма.

Расскажи о своих любимых местах в Стокгольме? Как они связаны с эпохой викингов?

Старый город — это одно из самых любимых мест в центральном Стокгольме. Именно поэтому я решила начать проводить экскурсии именно там. Когда я вожу экскурсию по старому городу, то показываю свои самые любимые места и самые любимые бары-рестораны. Для меня это как поделиться чем-то очень важным и ценным с другими. Рассказать им об этом и показать всю магию. В старом

городе, например, есть отличный сувенирный магазин, где можно найти копии находок эпохи викингов, также там есть рунический камень и викингский бар-ресторан.

Второе любимое место — это Исторический музей. Ну, тут особо рассказывать и не надо. Я люблю историю, а в нашем музее сейчас есть целая экспозиция, посвящённая викингам, с находками из разных частей Швеции. Можно подробно почитать про каждую находку и посмотреть на стеллаже и на экране возле стеллажа, где есть возможность приблизить объект, чтобы лучше рассмотреть его.

Ну и на третьем месте — это остров Сёдермальм. Стокгольм стоит на 14 островах, и Сёдермальм является самым большим. Люблю это место, так как тут на одной улице можно увидеть хипстера, бизнесмена в костюме, человека в одежде XVIII века и викинга. Я не шучу, так как в этот момент викингом на этой самой улице была я. Это богемный район, где в основном проживают художники, айтишники, тусовщики, ну и я в том числе. К викингам этот район не имеет никакого отношения, разве что это мой дом.

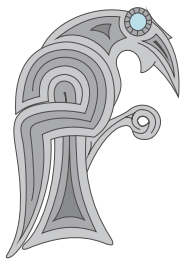
Вообще, в эпоху викингов Стокгольм ещё не был городом. Тут жили люди, так как найдены находки эпохи викингов, но это было лишь небольшим поселением. То, что впоследствии станет городом Стокгольм, начали строить ещё в 1180-х годах, хотя город официально считается основанным в 1252 году. Самым старым сохранившимся письменным документом, в котором упоминается название Стокгольм, является письмо ярла Биргера о защите монастыря 1252 года, и потому именно он и считается основателем города. В нескольких источниках упоминается рыбацкая деревня Агнафит (Agnefit), которая, возможно, была деревней, откуда и произошел город Стокгольм. Вполне возможно, что в 800-х годах эта деревня располагалась на территории Риддархольмена — островок неподалеку от меня, на юге. Альтернативное местоположение — это место на южной части Стадсхольмена. Однако данные о деревне Агнафит не подтверждены археологическими находками.

С За пределами Скандинавии люди очень часто начинают интересоваться викингами после просмотра сериалов или прочтения каких-то художественных произведений. На твой взгляд как человека, уже давно живущего в Швеции, какими путями сами шведы в основном приходят в историческую реконструкцию?

Большинство моих знакомых и друзей, которые занимаются исторической реконструкцией в той или иной степени с детства или юношества были нёрдами: играли в компьютерные игры, в ролевые игры, любили фэнтези и так далее. То есть сначала, когда ты совсем маленький, тебе интересно волшебство, а потом тебя уносит в самую глубину, и вот ты уже сидишь у костра и пытаешься дошить свою тунику. Молодое поколение приходит либо с родителями, либо с друзьями. У нас есть очень много кружков для детей, которые занимаются настольными или ролевыми играми. Кроме того, по всей Швеции в период с весны до середины осени проходит огромное количество средневековых и викингских ярмарок, куда родители стараются отвести детей. Потом детишки изучают историю в школах, и многие учителя также являются реконструкторами, которые показывают свою одежду детям и рассказывают про реконструкцию. Более взрослое поколение приходит к этому довольно редко. И тоже, скорее всего, через друзей или после того как побывают на неделе средневековья в Висбю.

С Ты написала свою собственную кулинарную книгу с рецептами блюд из эпохи викингов. Где ты в основном находила эти рецепты? В текстах саг? Поделись, пожалуйста, своим любимым рецептом.

Это не совсем книга, а небольшой сборник рецептов, подстроенный под каждое время года. Викинги питались тем, что было, в зависимости от времени года, и чаще всего ели вегетарианские блюда. Но так как я хотела сделать более праздничный сборник, то в каждом меню есть мясо, рыба или птица.

67...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р
№ 40
2023

Большинство рецептов я взяла из книги «An early meal»¹. Эта книга основана на археологических находках и экспериментальной археологии. Она является одной из самых лучших книг нашего времени, которая описывает предположения автора — Даниеля Серры — о том, как именно питались люди в разных частях Скандинавии в эпоху викингов. Рецепты представляют семь различных регионов от Лофотенских островов на севере до поселения эпохи викингов на Юрвике на юге, каждый со своим региональным колоритом. Но некоторые рецепты я придумала сама. Я очень люблю готовить и вкусно есть, и когда ты понимаешь, какие ингредиенты использовались на тот момент в Скандинавии, то можно самому придумать разные блюда.

С Где в Стокгольме путешественник может найти и отведать аутентичную викингскую еду?

Хотелось ответить, что у меня дома, но так, наверное, не стоит отвечать, да? :)

Раньше можно было вкусно и прекрасно поесть в ресторане Айфур, основателем которого является E-type. Но за последние несколько лет там всё очень изменилось, и я перестала туда ходить, так что не знаю, насколько там аутентично и вкусно. Не совсем викингскую, а средневековую еду можно попробовать в ресторане «Sjätte tunnan». За этот ресторан я лично ручаюсь, так как шеф-повар — мой друг, и он состоит в одной профессиональной группе реконструкторов по средневековью.

¹ Перевод глав из этой книги можно найти в 30–40 номерах журнала «Северный ветер».

С Если шагнуть за пределы столицы, то какие ещё места в Швеции, связанные с эпохой викингов, ты посещала и можешь порекомендовать нашим читателям?

Есть два самых любимых места:

1) Викингская деревня Оршунда недалеко от города Евле к северу от Стокгольма. Это, в принципе, мой дом родной. То есть то место, которое мне показало, что такое реконструкция, кто такие викинги и так далее. Это музей под открытым небом с большим длинным домом, в котором проводятся самые крутые празднования. Кроме длинного дома, в деревне стоит ещё кухня, кузнечная, несколько сараев и загон для животных. Раз в год летом сюда можно приехать туристом и посмотреть на все здания, посмотреть на викингов и узнать, как они жили, попробовать знаменитую похлёбку из бобров, пострелять из лука, послушать сказки, поиграть в игры и многое другое. Ехать сюда стоит на целый день. Но если вы хотите приехать на мероприятие как викинг, то вам нужно будет заплатить за то, чтобы вступить в сообщество, и — милости просим.

2) Бирка! Конечно же, Бирка! Ну это, как мне кажется, просто священное место всех людей, кто занимается исторической реконструкцией эпохи викингов. Сюда нужно приехать, как минимум, один раз, чтобы ступить на землю, где жили самые настоящие викинги. Чтобы походить среди захоронений и посмотреть своими глазами на то, что видели викинги. На Бирке есть музей, ресторан, небольшая деревня в несколько домов, несколько лодок и, конечно же, сама «чёрная земля» — место, где находился город, где жили викинги.

С Есть ли у тебя какой-то любимый исторический персонаж, любимое событие

из эпохи викингов или любимый мифологический сюжет, то есть кто-то или что-то, что тебя особенно вдохновляет и восхищает?

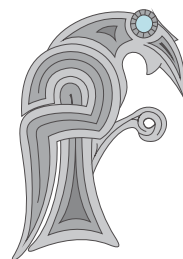
Не совсем исторический, но сказочный персонаж. Любимый персонаж, который меня восхищает и радует — это Локи. Без Локи было бы скучно. Он очень особенный и невероятно интересный. Он как чили-перец в блюде: в малом или среднем количестве это прям ох и ах, а если переборщить, то, возможно, будет больно. Неважно, какую сказку мы возьмём, но если убрать оттуда Локи, то становится сразу скучно. Самая любимая сказка вместе с Локи — о том, как он помогал Тору забрать молот у великанов. Если бы Локи жил в наше время, то его любимым праздником был бы Хеллоуин, а в свободное время он наверняка показывал бы какое-нибудь драг-шоу.

Ну а если брать то, что меня очень удивило и что я видела своими глазами, так это надпись в Соборе Святой Софии в Стамбуле. Я поехала в Стамбул не только ради самого города, а в первую очередь, чтобы увидеть лично эту надпись. Там на втором или на третьем этаже на перилах рунами нацарапано что-то вроде «Здесь был Халфдан». Когда я туда ехала, я думала, что было бы прикольно прикоснуться так близко к викингам в другой стране. И вот я уже на входе в собор, захожу и просто теряю дар речи. Понимаете, 2019 год, я — современный человек из Швеции, который заходит в собор и просто теряет дар речи от величия этого места. У меня дух захватило. В какой-то момент я вообще забыла, зачем туда пришла. А вот викингу 1000 лет назад было пофиг, ему стало скучно, и он решил: «А выцарапаю-ка я тут, что я тут был, пока никто не видит».

С *Последний наш традиционный вопрос, которым мы всегда завершаем наши беседы. Есть ли у Искры какое-то пожелание или напутствие нашим читателям?*

Я вам желаю, чтобы у вас было крепкое здоровье, и чтобы никакой вирус вас не сломал. Я вам желаю, чтобы ваши дети жили в мирное время без войн. Я вам желаю, чтобы у вас всегда хватало терпения и любопытства, и вы продолжали заниматься любимым делом. Ну и приезжайте в гости! Я всем буду рада! ❖

**Спасибо тебе большое за участие!
Новых тебе интересных открытий
и вдохновения!**

69...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

Бритт-Мари НЕССТРЁМ
Перевод со шведского:
Анастасия ТИШУНИНА

Весенний блот

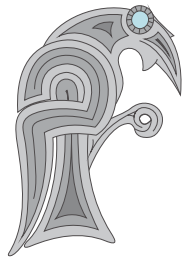
Перевод первоначально опубликован
в сообществе «Библиотека викинга»
https://vk.com/biblioteka_vikinga

ВЕСНОЙ принято было проводить большие жертвоприношения, чтобы взошёл богатый урожай, чтобы царили мир и процветание. В древнескандинавском языке эти пожелания выражались устойчивой формулой *til árs ok friðar* — в этих словах соединяется надежда людей и на то, что земля будет плодородной, и на то, что не случится военных столкновений. Слово *frið* произошло от глагола *fria*, означавшего «любить». Этим словом обозначался период, когда и люди, и животные были максимально вовлечены в сельскохозяйственные работы и семейную жизнь без военных походов и прочих роковых событий. Самое благодатное время для этого, по всей видимости, выпадало на весну и, конечно же, было тесно связано с посевом и сопутствующими ему обрядами. Возможно, именно этот термин отражён в описании бога Фрикко (то есть Фрейра) у Адама Бременского в цитате, где говорится, что Фрейр дарует *pac et voluptas*, дословно — «мир и плотские наслаждения».

Весной также проводился *disablót* — блот в честь дис, связанный с дисатингом в Уппсале. Дисы, по-видимому, обладали ярко выраженным аспектом плодородия и помогали женщинам при родах, что в числе прочего упомянуто в тексте «Речей Сигдривы» в девятой строфе:

«Повивальные руны
познай, если хочешь
быть в помощь при родах!
На ладонь нанеси их,
запястья сжимай,
к дисам взывая». (пер. А.Корсуна)

Кажется совершенно очевидным, что в случае большого блота логично было бы призывать именно дис, которые могли бы обеспечить благодатное лето, которого так желали люди. Однако в текстах прямо не говорится о том, что весенний блот целиком посвящён дисам: «Когда в Швеции было язычество, там по древнему обычаю совершали главное жертвоприношение в Уппсале в месяц гои. Тогда приносили жертвы, чтобы был мир и чтобы конунг всегда одерживал победы, и туда стекался народ со всей Швеции. Тогда же там собирали тинг всех шведов. В то же время там была ярмарка, которая продолжалась неделю. Когда в Швеции приняли христианство, в Уппсале по-прежнему созывался тинг и устраивалась ярмарка. Но когда христианство распространилось по всей Швеции, и конунги уже не жили в Уппсале, ярмарку перенесли на сретенье, и с тех пор она всегда устраивается в это время и продолжается не больше трех дней. Тогда же происходит общий тинг шведов, и они собираются туда со всех концов страны». (*Сага об Олаве Святом*, пер. Ю.К. Кузьменко).

Даже у первого из норвежских конунгов-миссионеров, Олава Трюггвасона, были проблемы с бондами в районе Трондхейма из-за их приверженности старой традиции проводить блот в начале лета. Однако он поступил совершенно иначе, нежели его преемник Олав Святой. Конунг созвал в гости богатых бондов и вечером изрядно напоил их. На следующее утро он объявил гостям, что разрешит им провести жертвоприношение. Но с одним лишь условием: в жертву богам для богатого урожая и обеспечения мира нужно приносить не рабов и преступников, а самых обеспеченных и знатных землевладельцев. Пойманные таким образом в ловушку бонды готовы были пойти на всё, что угодно, чтобы только избежать участи быть принесёнными в жертву. Так Олаву удалось сломить сопротивление самых непокорных язычников и заставить их креститься. Однако кое-где ему приходилось прибегать и к убийствам, чтобы достичь своей цели по объединению и крещению всей Норвегии.

В остальном данные о блоте в середине лета разрознены и вызывают сомнения. Середина лета приходилась на промежуток между окончанием весенних работ и покосом. Весной также было принято делать подношения у родников, прося о тёплом лете.

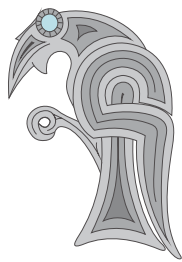
Зажигание летних костров, похоже, также имело место, но, кроме вышеупомянутого блота в середине лета, нет никаких других свидетельств языческих празднований более официального и масштабного характера. Вероятно, в этом блоте также преобладала тематика плодородия. В законах Фростатинга сказано, что празднование должно проводиться в канун дня святого Ханса (т.е. Иоанна Крестителя) и сопровождаться обильными возлияниями. Однако обычай майского дерева, например, не упоминается в источниках эпохи викингов и обычно считается более поздним заимствованием из Германии, как и установка ёлки на рождество.

Перевод выполнен по книге «Древнескандинавская религия: основы»
(шв. *Fornskandinavisk religion : en grundbok*, 2001)
Иллюстрация в тексте подобрана переводчиком и не опубликована в книге
Автор иллюстрации: Ludvig Ledin

71...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

Дон ХОЛЛУЭЙ
Перевод с английского:
Анастасия ТИШУНИНА

Три урока Харальда Сурового

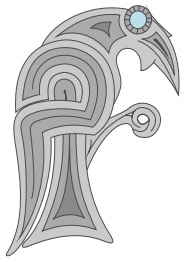
*Мы ткём, мы ткём
стяг боевой;
рвутся вперед
смелые воины.
Конунга жизнь
мы защитим, —
нам выбирать,
кто в сече погибнет.
Сага о Ньяле, Песнь валькирий
(пер. О. А. Смирницкой
и А. И. Корсуна)*

Решая исход битвы при Фулфорде, норны Урд (Прошное), Верданди (Настоящее) и Скульд (Будущее) — три могущественные женщины, повелевающие жизнями людей — обнаружили, что, чтобы распутать нити судеб, им придётся вернуться на тридцать шесть лет назад, в точку, где эти нити сплелись. Бросив вызов другому конунгу и своим бывшим подданным, легендарный правитель вернулся из восточных земель, чтобы силой оружия попытаться отбить свои владения. А рядом с ним был его юный родич, едва отрастивший бороду, но уже рвавшийся в первую в своей жизни настоящую битву.

В 1030 году Харальд Сигурдссон был, как писал Снорри, пятнадцати зим от роду и таким рослым и крепким, что казался почти взрослым мужчиной. Он происходил из знатного рода и уже умел вести за собой людей. Той весной он шёл в первых рядах войска. Почти семь сотен северян следовали за ним из Оппланна, области в центральной Норвегии, в Швецию. Там стоял с войском сводный брат Харальда Олаф, однажды уже бывший конунгом Норвегии и надеявшийся — если удача окажется на его стороне — стать им снова.

Олаф, прозванный Толстым, был на двадцать лет старше Харальда. В юности он служил наёмником у английского короля Этельреда (в сагах — Адальрада) II Неразумного, хотя вернее было бы назвать этого короля не неразумным, а «окружённым никчёмными советниками». Олаф провёл его корабли по Темзе и выиграл бой, тем самым позволив Адальраду согнать Кнута с английского престола. «Многие корабли тогда отошли назад, а Олаф конунг со своей дружиной норвежцев продолжал продвигаться вверх по течению под мост. Его люди привязали толстые канаты к сваям, на которых стоял мост, пустили все свои корабли вниз по течению и гребли при этом изо всех сил. Сваи вырвало из-под моста и потащило по дну. И так как на мосту стояло большое войско и было много оружия и камней, то, когда сваи вырвало, мост проломился, и многие попадали в реку, а остальные разбежались». (здесь и далее Сага об Олафе Святом цитируется в переводе Ю. К. Кузьменко. Источник: Снорри Стурлусон. Круг Земной. — М.: Наука, 1980)

Олаф восхищался тем, как франкский император Карл Великий использовал христианство для объединения своего королевства. Приняв крещение, он приступил к обращению

страны в религию мира, не заботясь о том, кого ему для этого придётся изгнать, покалечить, ослепить или убить. Олаф настолько оттолкнул от себя свою знать, что те призвали на правление Кнута, который подчинил себе Данию и Англию, и предложили ему прибавить Норвегию к его империи в Северном море, вынудив Олафа бежать на Русь. Но теперь тридцатипятилетний Олаф вернулся с армией, чтобы отвоевать свой трон.

Мы можем представить, как обнялись братья при долгожданной встрече. Харальду нелегко было смириться с изгнанием Олафа, ведь он был родичем этого конунга-преступника, за которым тянулся шлейф кровной мести и вражды. От известия о возвращении Олафа Норвегию охватило беспокойство. Однако Харальд известил брата, что у его противников нет предводителя. Ведь Кнут не сидел на престоле в Норвегии, а правил ею из-за моря — из Англии.

Никто не мог бы упрекнуть юного Харальда за то, что он восхищался старшим братом и считал его героем. Оба они были королевской крови. Отец Олафа, конунг Харальд Гудрёдссон по прозвищу Гренландец, погиб ещё до рождения сына, собираясь оставить его мать, Асту Гудбрандсдоттир, ради другой женщины — Сигрид Гордой. (Полностью оправдав своё прозвище, Сигрид устроила пир для своих женихов, включая Харальда, напоила их, а затем распорядилась сжечь их заживо вместе с пиршественным залом). Оскорблённая и преданная, овдовевшая Аста вторично вышла замуж за конунга Рингерике Сигурда Хальвданссона по прозвищу Свинья, в браке с которым родила двух дочерей и трёх сыновей, младшим из которых был Харальд Суровый. Жена двух малых конунгов, Аста растила своих сыновей с надеждой, что они станут великими правителями и прославят её саму. Когда она родила Харальда, Олаф уже сумел подчинить себе всю Норвегию.

Рассказывается, что когда Харальду было три года, Олаф приехал с визитом в Рингерике. Аста представила ему всех своих сыновей — Гутхорма, Хальвдана и Харальда (дочери, Гуннхильд и Ингерид, играли слишком незначительную роль в этой истории). Когда Олаф посадил к себе на колени двух старших мальчиков и притворно нахмурился, они оба испугались и не осмелились посмотреть ему в лицо. Маленький Харальд, напротив, смело выдержал его взгляд, а когда Олаф взъерошил ему волосы, тот в ответ дёрнул конунга за усы. Олаф сказал, что из мальчика вырастет настоящий боец.

На следующий день Олаф и Аста прогуливались по угодьям и увидели, как Гутхорм и Хальвдан играют в бондов — они воображали, что строят дома и хлев для скота. Их отец Сигурд никогда не стремился к власти так, как к успехам в земледелии, а его прозвище *Syr* (свинья) было дано ему и воспринималось как комплимент, ведь свиньи роются в земле и тем самым помогают удобрять её. Маленький Харальд играл сам по себе, пуская деревянные дощечки плыть по озеру. Олаф спросил его, что это, и Харальд ответил, что это его боевые корабли. Олаф сказал, что, должно быть, в будущем ему и вправду придётся командовать кораблями. Затем он спросил у Гутхорма:

— *Что бы тебе больше всего хотелось иметь?*

— *Поля, — ответил тот.*

Конунг спросил:

— *А большие ли поля?*

Тот ответил:

— *Я хочу, чтобы каждое лето засеивался весь этот мыс.*

А на том мысу было десять дворов. Конунг сказал:

— *Да, много хлеба там могло бы вырасти.*

Потом он спросил Хальвдана, что бы тот больше всего хотел иметь.

— *Коров, — ответил тот.*

— *А сколько же ты хочешь коров? — спросил конунг.*

— *Столько, что, когда они приходили бы на водопой, они стояли бы вплотную вокруг всего этого озера.*

Конунг сказал:

— *Вы оба хотите иметь большое хозяйство. Таким же был и ваш отец.*

Потом конунг спросил Харальда:

— *А что бы тебе больше всего хотелось иметь?*

Тот отвечает:

— *Дружинников.*

— *А сколько же ты хочешь дружинников?*

— *Столько, чтобы они в один присест могли съесть всех коров моего брата Хальвдана.*

Конунг улыбнулся и сказал Асте:

— *Из него, мать, ты, верно, вырастишь конунга.*

* * *

Теперь Харальд получил от своего старшего брата первый урок — урок того, как конунг идёт на войну. Олаф привёл с собой личную дружину в двести воинов, полученную от князя Ярослава Мудрого (Ярицлейва, как его называли саги). Шведский конунг Анунд Якоб предоставил ему ещё четыре сотни бойцов и позволил рекрутировать в дальнейшем столько воинов, сколько понадобится, в пер-

73...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

вую очередь подразумевая многочисленных норвежских изгнанников, укрывавшихся в Швеции. Также к Олафу присоединился его родич Даг Хрингссон, под началом которого было 1200 человек, в обмен на обещание вернуть ему законные владения в Норвегии. Точный размер армии Олафа неизвестен. Снорри приводит цифру в 2400 человек, однако до XIV века, когда в употребление вошли арабские цифры, северяне использовали так называемую «длинную сотню», то есть 120, так что, по-видимому, указанное Снорри число нужно увеличить до 2800.

Харальд и Олаф отправились из Селонгера на восточном побережье Швеции и прошли весь путь по горным северным хребтам. Надеясь по пути привлечь на свою сторону новых союзников, Олаф не стеснялся придавать своему походу дух крестового похода и активно пропагандировал христианскую веру, что помогло ему рекрутировать ещё около тысячи человек. Многие из них, однако, были обычными наёмниками и мародёрами, надеявшимися нажиться на войне, и многие из них исповедовали старую языческую веру. Олаф настаивал на крещении, говоря, что не может полагаться на численное превосходство своего войска и потому должен уповать на помощь бога, а присутствие язычников в его рядах в таком случае делу не поможет.

Почти половина новобранцев креститься отказалась, и Олаф, верный своему слову, готов был отправить их восвояси. Хотя и наверняка запомнил имена их предводителей, дабы разделаться с ними в следующем военном походе. Другая же половина новобранцев последовала примеру двух братьев, о которых Сага об Олафе рассказывает так:

«Одного человека звали Торир Кукушка, а другого Фасти Пахтанье. Оба были отъявленными разбойниками. С ними было еще тридцать человек, все им под стать. Эти два брата были больше и сильнее остальных, и решительности и смелости им было не занимать. Узнав, что мимо проезжает войско, братья посоветовались и решили, что неплохо было бы отправиться к конунгу и последовать за ним в его страну, участвовать в сражении на его стороне и отличиться. Они раньше не бывали в настоящем сражении, когда войска выстраиваются в боевые порядки, и им очень хотелось это увидеть. Такое решение пришлось по вкусу и их товарищам, и все они отправились к конунгу. Явившись к нему, братья всей шайкой и в полном вооружении подошли к конунгу и приветствовали его. Конунг спросил у них,

кто они такие. Они назвали себя и сказали, что они здешние. Затем они сказали о своем деле и предложили конунгу последовать за ним. Конунг говорит, что, как он видит, от таких людей и в самом деле может быть большая польза.

— Так что я хотел бы взять вас с собой, — говорит он, — но крещенные ли вы?

Торир Кукушка отвечает, что он и не крещеный, и не язычник.

— У нас у всех нет другой веры, кроме той, что мы верим в самих себя, в свою силу и удачу. Нам этого хватает.

Конунг говорит:

— Очень жаль, что такие видные люди, как вы, не верите в Христа, своего создателя.

Торир отвечает:

— Есть ли у тебя в войске, конунг, какой-нибудь христианин, который был бы виднее нас, братьев?

Конунг потребовал, чтобы они крестились и приняли правую веру.

— Вот тогда и следуйте за мной, — говорит он, — и я сделаю вас очень уважаемыми людьми. А если не хотите креститься, то поезжайте обратно и продолжайте заниматься своим делом.

Фасти Пахтанье отвечает, что он не хочет креститься.

И они пошли прочь. Тут Торир Кукушка сказал: — Для нас позор, что конунг прогнал нас из своего войска. Еще никогда не бывало, чтобы кто-нибудь отказался взять меня в товарищи. Я так не поеду назад.

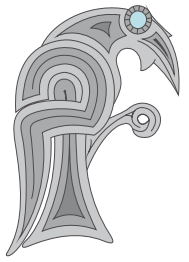
И они вместе с другими людьми из лесов присоединились к войску.

А Олаф конунг двинулся на запад к Кьёлю».

Современному читателю прозвище одного из братьев, а именно Торира Кукушки, может показаться смешным свидетельством сумасшествия, однако для древнего скандинава оно имело совсем другое значение. Кукушки известны тем, что подкидывают свои яйца в гнезда других птиц и при этом кричат, подражая крику ястреба, чтобы отпугнуть от гнезда его законных хозяев, а вылупившийся птенец затем выбрасывает из гнезда все остальные яйца и таким образом один получает всю приносимую обманутыми родителями еду. По всей видимости, такое прозвище означало, что Торир — хитроумный оппортунист и удачливый предводитель.

Сага рассказывает и ещё об одном очень похожем случае:

«Когда Олаф конунг подошел к Стикластадиру, к нему явился один человек. Ничего удивительного в этом не было, так как к конунгу при-

езжали люди со всей округи. Но удивительным событием это показалось потому, что этот человек был совсем не похож на других. Он был так высок, что самые высокие люди были ему по плечо. Он был очень хорош собой, и у него были пышные волосы. Он был хорошо вооружен: у него были очень красивый шлем и кольчуга, красный щит, за поясом разукрашенный меч, а в руке большое позолоченное копье с древком толщиной с кулак. Он предстал перед конунгом, приветствовал его и спросил, не хочет ли конунг принять от него помощь. Конунг спросил, как его имя и кто он родом, и откуда он. Тот отвечает:

— Мои родичи живут в Ямталанде и Хельсингьяланде. Зовут меня Арнльот Геллини. Еще могу вам сказать, что я помогал тем, кого вы посылали в Ямталанд за податями. Я дал им серебряное блюдо, которое просил передать вам в знак того, что хочу быть вашим другом.

Тогда конунг спросил, крещен ли он или нет. Арнльот мог сказать о своей вере только то, что он верит в свою мощь и силу.

— Этой веры мне до сих пор хватало. А теперь я хочу верить в тебя, конунг.

Конунг говорит:

— Если ты хочешь верить в меня, то должен поверить и в то, чему я тебя научу. Ты должен поверить, что Иисус Христос создал небо и землю и всех людей и что к нему идут после смерти все добрые и праведные люди.

Арнльот говорит:

— Я слышал о белом Христе, но ничего не знаю о его делах и о том, где он правит. А сейчас я поверю всему, что ты говоришь, и хочу полностью довериться тебе.

Арнльота крестили, и конунг научил его тому, что считал необходимым. Он поставил его в первые ряды войска и перед своим стягом. Там стояли также Торир Кукушка и Фасти Пахтанье со своими товарищами».

Армия Олафа прибыла в северо-восточную часть норвежской области Трёндаланд, к Стикластадиру, то есть хутору Стиклы, названному в честь девушки Стиклы, взявшей в руки оружие, чтобы бороться с датчанами. В те дни столицей Норвегии был Трондхейм (дом трона), позже переименованный в Нидарос. Тот, кто владел городом, мог по праву именовать себя конунгом. Олаф, конечно, был далеко не наивен и не ждал, что подданные, которыми он прежде правил так сурово, будут ждать его с распростёртыми объятиями. Советники подталкивали его применять тактику выжженной земли, разрушать владения и убивать любого, кто не окажет ему поддержку, как конунг и по-

ступал раньше с теми, кто отказывался креститься.

Однако Олаф считал измену ему преступлением меньшим, чем измена богу. Он запретил мародёрство. Он счёл, что в случае, если после боя придётся отступить, захваченная добыча и угнанный скот замедлят отступление, а в случае успеха всё это в любом случае достанется победителю. Олаф принимал крестьян в свои ряды, а одному богатому землевладельцу пообещал, что пожертвует церкви серебро за каждого павшего в бою крестьянина.

Таким образом он надеялся завоевать любовь и поддержку среди простого люда, но за ошибки прошлого всё же пришлось платить. Подойдя к Стикластадиру, войско Олафа столкнулось с ополчением, в котором был буквально каждый норвежец, способный держать в руках оружие, — и лендрманны, и зажиточные бонды, и крестьяне, и даже рабы. По словам Снорри, никому ещё доселе не удавалось собрать в Норвегии такое большое воинство. Он писал так: «Говорят, что в войске бондов было не менее сотни сотен человек», что может восприниматься как обозначение великого множества, однако если измерить это число в длинных сотнях, то получается цифра в 14.400 воинов — почти в четыре раза больше, чем было под началом у Олафа.

Кнута, конечно, среди них не было. Вместо него войско вёл Кальв Арнасон, которого Снорри описывал как великого вождя. Он был выходцем из знатного рода Арнасюнир — сыновей Арни, потомков которого разделила вражда из-за присяги двум разным конунгам. Братья Кальва выступили на стороне Олафа, но сам он выбрал сторону Кнута, объединившись со своим тестем Ториром по прозвищу Собака и зятем Хареком из Тьоты, которые затаили на Олафа обиды по причине денег, мести и кровной вражды. Харек был старым и закалённым в боях воином, и потому сперва честь вести войско в бой была предложена именно ему. Однако он ответил отказом.

«Харек отвечает, что для такого дела больше подходят те, кто помоложе его.

— Я же стар и дряхл, — говорит он, — и не го- жусь в полководцы. К тому же мы с Олафом конунгом в родстве, и хотя он это родство ни во что не ставит, мне все же не подобает быть в битве против него выше любого другого из нашего войска. А вот ты, Торир, очень годишься быть предводителем в битве против Олафа конунга. Для этого у тебя

есть достаточно оснований. Тебе надо отомстить ему за убийство твоих родичей и за то, что он изгнал тебя и захватил все твои владения. К тому же ты обещал Кнуту конунгу и своим родичам отомстить за Асбьёрна. Или ты, может быть, надеешься, что тебе представится лучшая возможность отомстить Олафу за весь твой позор?»

Торир Собака был знатным и влиятельным вождём с острова Бьяркей, и когда-то давно он тоже был верен Олафу. Однако он противился христианизации Норвегии, и к тому же его племянник оказался вовлечён в кровную вражду, в ходе которой он убил одного из слуг Олафа, за что и сам поплатился жизнью. Торир позже отомстил за племянника, и Олаф приговорил его за это к выплате крупного денежного штрафа, что лишь усугубило недовольство Торира конунгом. В битву при Стикластадире Торир шёл с копьём, которым убили его племянника, и клятвой, что он обагрит это копье кровью конунга.

И ещё один вождь был на стороне противников Олафа. Это был Торстейн Кнаррасмид — Корабельный Мастер, затаивший на конунга обиду за то, что тот отобрал у него большой торговый корабль, который Торстейн сам построил и которым очень гордился. Он шёл с Ториром Собакой в первых рядах войска и надеялся встретиться с конунгом лицом к лицу. Вооружён он был, как и подобает плотнику, топором.

Все хотели, чтобы Кальв вёл войско и строил его так, как посчитает нужным.

«Кальв сказал, что все, кто хотят отплатить Олафу конунгу за свои горести и беды, должны сражаться под тем стягом, который понесут прямо навстречу стягу Олафа, и вспомнить все обиды, которые он нанёс им. Он сказал, что у них не будет лучшей возможности отомстить за свои несчастья и освободиться от гнёта и рабства, в которые их вверг конунг.

— Кто не будет смел в бою, — говорит он, — того назовут трусом, ибо вы сражаетесь против тех, кто виноват в ваших бедах, и они не пощадят вас, если им удастся одержать верх. Кальв поднял стяг и поставил вокруг него своих людей и Харека с Тьотты с его людьми. Торир Собака со своими людьми стоял в самом переднем ряду перед стягами. По обе руки от него стояло отборное войско самых смелых и лучше всего вооружённых бондов».

Это была грозная сила, настоящая стена из щитов.

* * *

Харальд стоял с Олафом бок о бок, когда конунг, вооружённый копьем и облачённый, как подобает знатному человеку, в кольчугу и позолоченный шлем, с белым щитом, на которой был изображён золотой крест, и мечом по имени Хнейтир, обратился к своим воинам так:

— У нас хорошее и большое войско, — говорит он, — и хотя у бондов войско немного больше нашего, судьба решит, кому достанется победа. Но я должен объявить вам, что в этом бою я не отступлю. Я либо одержу победу над бондами, либо погибну в бою.

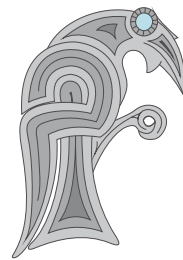
В случае победы он пообещал соратникам богатства и земли, а в случае поражения — награду в раю на небесах.

— Будем сразу же решительно наступать, тогда исход битвы может быстро решиться, даже если наши силы неравны. В быстром натиске залог нашей победы. Но нам придется плохо, если сражение затянется и наши люди так устанут, что не смогут сражаться. К тому же у нас гораздо меньше людей, которые могли бы прийти на смену уставшим и дать им возможность отдохнуть. Но если наш натиск будет так силен, что их первые ряды дрогнут, то, отступая, они сомнут тех, кто будет позади них, и чем больше их там будет, тем большим будет их смятение.

Когда конунг закончил эту речь, все одобрительно зашумели и стали подбадривать друг друга.

Хотя в текстах саг и не говорится об этом напрямую, но всё указывает на то, что Олаф выстроил войско в обычный для викингов атакующий клин *svinfylking* — свиная или кабанья голова. Согласно датскому историку Саксону Грамматику, первым, кто придумал и использовал этот строй, был сам бог Один, однако в действительности скандинавы, скорее всего, позаимствовали эту тактику у древних римлян и их *caput porcinum*. (Некоторые современные историки даже полагают, что *svinfylking* на самом деле больше походил на колонну, нежели на клин).

Во главе клина ставились воины, имевшие наилучшее снаряжение. Такой клин позволял направить всю силу отряда в единую точку во вражеском строю. И здесь кроется главное отличие битвы при Стикластадире от битвы при Фулфорде тридцать шесть лет спустя: в 1030-м году нападающие, а не обороняющиеся, владели позицией на возвышенности. Им пришлось бы отказаться от этого преимущества, чтобы омыть свои клинки в крови бондов.

Во главе клина Олаф поставил уже упомянутых ранее высокого Арнльота, Торира Кукушку и бывших под его началом людей, а честь нести знамя конунга — белое знамя с изображением *вугт*, то есть морского змея — выпала Торду сыну Фоли, и сам конунг встал рядом со знаменосцем, окружённый телохранителями. Одним из них был Бьёрн (в переводе Ю.Кузьменко он назван окольничим), швед, сражавшийся секирой, верный спутник и приближённый Олафа, а также старый друг жены Олафа Астрид. Именно Бьёрн привёз конунгу, находившемуся при дворе Ярослава Мудрого, весть о том, что тот должен вернуться в Норвегию. Ещё рядом с Олафом был юный наследник ярла Оркнейских островов, Рёгнвальд сын Бруси, который когда-то последовал за конунгом в изгнание, а теперь вернулся вместе с ним. В тексте Саги об оркнейцах Рёгнвальд описывается как умный, удивительно красивый, высокий и статный светловолосый мужчина с учтивыми манерами.

И ещё рядом с конунгом были скальды.

«Говорят, что когда Олаф конунг построил свое войско, он поставил вокруг себя людей, которые должны были защищать его щитами. Для этого он отобрал самых сильных и ловких. Потом он позвал к себе своих скальдов и велел им быть рядом с ним.

— Вы должны, — говорит он, — стоять здесь и видеть всё, что происходит, собственными глазами, тогда вам не придётся полагаться на рассказы других, ведь потом вы должны будете рассказать об этой битве и сложить о ней песни».

В тот раз Сигвата Торвардсона, любимого скальда Олафа, не было рядом с конунгом, поскольку он совершал паломничество в Рим. Однако Олаф призвал соратников не гневаться на отсутствие скальда, ведь тот молился за их победу. После битвы Сигват много беседовал с её очевидцами и потому смог рассказать о ней в Поминальной драпе об Олафе.

Шведские воины должны были встать в левой части строя. Отряды Дага Хрингссона были всё ещё на подходе, им был отведён правый фланг. В ожидании их на правом фланге должен был стоять Харальд со своими воинами. Однако, видя значительное численное превосходство противника и тревожась за жизнь младшего брата, а также за их мать, что могла потерять в этой битве обоих сыновей, Олаф объявил:

— Но я считаю, — говорит конунг, — что моему брату Харальду не следует сражаться в этой битве, ведь он ещё ребёнок.

Харальд отвечает:

— Я непременно буду сражаться, и если я ещё недостаточно силён, чтобы удержать меч, я знаю, что надо сделать: я привяжу рукоять меча к руке. Никто так не хочет насолить бондам, как я. Я хочу сражаться вместе с моими товарищами».

И здесь мы впервые встречаем упоминание о Харальде Суровом как о скальде, поскольку далее сага приводит молниеносно сложенную им вису:

*«Край прикрыть сумею
Войска, в строй лишь дайте
Встать. Утешу, страшен
В ратном гневе, матерь.
Не отступит, копий
Убоявшись, — пляшет
Сталь — младой в метели
Скёгуль¹ скальд удалый.*

Ничто викинги не любили и не ценили так, как храброго воина, способного сложить искусную вису перед лицом смерти. Юный Харальд показал всем, чего он стоит. И так получил он свой второй урок — урок того, как конунг ведёт своих людей в бой.

Оба воинства собрались к полудню, но битва началась далеко не сразу. Крестьянское ополчение было столь велико, что им всем потребовалось время, чтобы занять свои места, и Ториру Собаке пришлось, как пастуху, сгонять своих самых ненадёжных воинов в первые ряды, чтобы они не струсили перед боем. Казалось бы, самое время для наступления Олафа, но он всё ещё дожидался Дага Хрингссона и его людей. Ожидание так затянулось, что конунг даже лёг на землю и вздремнул. Олаф возмутился, когда Финн, брат Кальва сына Арни, разбудил его, чтобы сообщить о подходе врага, потому что ему снился приятный сон о том, что он поднялся по высокой лестнице до самых небес и уже ступал на самую последнюю ступень, когда его растолкали.

«Финн говорит:

— Мне твой сон не кажется таким хорошим. Боюсь, что он предвещает твою смерть, если это только не было пустое сновиденье».

Два воинства сошлись так близко, что люди из первых рядов могли разглядеть лица и узнать друг друга. Олаф заметил своего бывшего союзника Кальва и спросил его:

— А ты почему здесь, Кальв? Ведь мы расстались друзьями в Мёре. Не подобает тебе сражаться против нас и бросать в нас копье, ведь с нами четверо твоих братьев!

¹ Метель Скёгуль = битва

По традиции северяне начинали сражения с броска копья в противника в память о копье Одина, которое он метнул, сражаясь в первой великой войне асов с ванами. Олаф был христианином, поэтому он предполагал, и мы присоединимся к нему в этом предположении, что приверженности традиции стоило бы ожидать от Кальва. Тот так ответил конунгу:

— *Многое теперь не так, как должно бы быть! Ты так покинул нас, что нам ничего не оставалось, кроме того, чтобы помириться с теми, кто остался. А теперь каждый должен оставаться там, где он есть. Но мы могли бы ещё помириться, если бы это зависело от меня.*

Однако стоящий рядом Финн предупредил конунга о коварстве своего брата и сказал, что раз Кальв произносит добрые слова, то собирается на злое дело.

«Конунг сказал:

— *Может быть, Кальв, ты и хочешь помириться со мной, но мне не кажется, что вы, бонды, хотите мира.*

Тут Торгейр из Квистстадира сказал:

— *Вы сейчас получите от нас такой мир, который раньше многие получали от вас, и теперь вам придется расплачиваться за это!*

Конунг говорит:

— *Тебе-то не следует так рваться в бой, так как сегодня тебе не суждено взять над нами верх. Ведь это я сделал тебя из ничтожного могущественным».*

Перевалило за полдень. Бондам не было нужды дожидаться подхода войска Дага Хрингссона. И тогда Торир Собака, вооружённый копьём, которое он поклялся обогреть кровью конунга Олафа, вышел вперёд. Он надел в битву не доспех, а рубаху из оленьей шкуры. Торир активно торговал с финнами, и он попросил финских колдунов заговорить рубашку так, чтобы её не брало никакое оружие. «*Fram, fram, buandmenn!*», — закричал он. *Вперёд, вперёд, бонды!*

Стена щитов — это оборонительное построение, предполагающее, что бойцы стоят на месте. Чтобы не потерять целостность, она если и могла двигаться, то только по одному шагу за раз. Медленно, в ритм, чтобы не разорвать строй, ряды крестьян и рабов зашагали вверх на холм, навстречу нацеленному на них *svinfylking* под знаменем со змеем. Дистанция сокращалась, и полетели стрелы и копья, и раздавались крики, когда они попадали в цель.

Тогда раздался боевой клич Олафа: «*Fram, fram, Kristmenn, krossmenn, konungsmenn!*», — и конунг поднял вверх свой меч Хнейтир.

Вперёд, вперёд, люди Христа, люди креста, люди конунга!

На правом фланге юный Харальд тоже поднял свои меч и щит и двинулся вниз со своими людьми, медленно, следя одним глазом за продвижением знамени своего брата. Но, в отличие от стены щитов, у клина другое преимущество — это внезапность и скорость его атаки. При нападении клина воины пускались в бег, их меньше заботила стройность рядов, они громко кричали, поскольку их захлёстывали страх, ярость и жажда крови, они знали, что смерть может поразить их в любой миг и, если это произойдёт, то единственное, что им остаётся — это попытаться встретить её достойно. В этой отчаянной попытке бойцы во главе клина — вчерашние разбойники, изгнанники и бродяги, а теперь элита войска конунга — врезались в стену щитов и занесли свои мечи...

* * *

В современном мире, где люди убивают друг друга с всё больших и больших расстояний, уже не существует аналога стены щитов. Только очень немногим, например, профессиональным спортсменам-борцам, приходится испытывать, что это такое — когда в тебя на полном ходу врезается всей своей тяжестью взрослый человек. И даже современные борцы не имеют при себе остро заточенных мечей. Главная цель клина, врезающегося в стену щитов — свалить с ног силой инерции как можно больше противников и тогда уже разбираться с ними один на один. Мы никогда не узнаем, сколько в тех битвах погибло людей от такой тактики: сколько было затоптано, раздавлено щитами или завалено телами других упавших. Скальд Сигват Тордарсон писал так:

«*Бил ворога Олаф
Толстый, вел, победы
Добиваясь, войско
Герой броненосный».*

Огромный клин врубился в ряды крестьянской армии, словно топор палача в шею осуждённого. Атака была настолько мощной, что «морда» кабана достигла дальнего конца поля. «Олаф конунг поставил своё войско на возвышенности, и оттуда его люди бросились вниз на войско бондов. Их натиск был так силен, что бонды отступили, и первые ряды войска конунга оказались там, где раньше стояли последние ряды бондов», — пишет Снорри.

Войско бондов было расколото надвое. Те, кто находился в первых рядах по обеим сторонам клина, были настолько ошелом-

лены яростью нападавших, что некоторые из них принялись выкрикивать боевой клич Олафа, то ли в замешательстве, то ли пытаясь в суматохе боя прикинуться людьми конунга. Услышав это, бойцы из своих же рядов обратили клинки против них.

Однако, справившись с первым натиском, Кальв, Торир, Харек и их люди выстояли и призвали бондов сражаться. Возможно, это даже был их изначальный расчёт: дать стене щитов дрогнуть под ударом клина и затем окружить его, поскольку клин силён в атаке, но уязвим в обороне. А так как крестьянская армия не обратилась в бегство в первые же минуты, ужаснувшись ярости противника, то теперь её воины оказались по обе стороны от атакующих — в самой выгодной для средневекового сражения позиции.

«Тут войско бондов стало нападать со всех сторон. Те, кто были в первых рядах, рубились мечами, те, кто стоял за ними, кололи копьями, а все, кто шли сзади, стреляли из лука, метали копья, бросали камни и другое метательное оружие», — пишет Снорри.

Стоявшим в клине воинам не было спасения от стрел, сыпавшихся со всех сторон, в толчее едва ли удавалось поднять щит над головой для защиты, а главной задачей было уже не убить противника, а самому уцелеть и не быть раздавленным. За счёт значительного численного превосходства армия бондов давила и давила, и оба фланга войска Олафа теснились всё ближе к центру, там, где виднелось знамя конунга со змеем. Однако Харальду какое-то время удавалось сдерживать их натиск и не отступать, это нам известно, поскольку в противном случае история той битвы закончилась бы сразу на этом самом месте. Скальд Тьодольв Арнарсон, который через несколько лет после тех событий стал близким другом и любимым поэтом Харальда, сложил такие строки:

*Бич болгар на горе
Недругу под Хаугом²
Лучший был помощник
В ратоборстве брату.
Лишь печась о веже
Шлема, бросил — десять
Зим сравнялось князю
И пять — тело братне.*

(Сага о Харальде Суровом.

Перевод: А. Я. Гуревич.

Источник: Снорри Стурлусон. Круг Земной. — М.: Наука, 1980.

² Прим.пер.: Хауг — место в Норвегии неподалёку от Стикластадира, где располагалось поместье конунга. Бичом болгар Харальд был прозван во время службы у византийского императора, когда подавил восстание болгар. Вежа шлема — голова.

Издание подготовили: А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский.)

Позже Харальд и сам расскажет об этой битве в своих Висах радости:

*Трёндов было втрое
В бранном поле боле,
Но мы в буре битвы
Били их, рубили.
Смерть владыка смелый,
Молод принял Олаф.*

Жизненные пути многих людей окончились в тот день. Клин, сперва самое сильное место войска Олафа, теперь стал самым уязвимым. Потери были колоссальными. Говорится, что Арнльот и Торир Кукушка со своими людьми каждый убили по врагу, а многие и по несколько, но в итоге противники вцепились в них, словно волки в загнанных оленей, и все они полегли, с последним вздохом вознося молитву кто Христу, а кто и Одину.

Конунг Олаф приказал Торду сыну Фоли нести знамя. Сигват Скальд так сказал об этом:

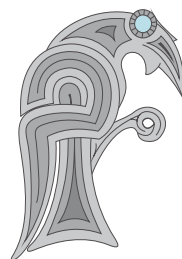
*Торд с Олафом рядом
Насмерть дрался острой
Сталью, крепкосерды
Шли стеной герои.*

Так говорится в саге о продолжении битвы: *«Ряды перед стягом конунга стали редеть. Тут конунг велел Торду вынести стяг вперед и сам стал под стягом с теми, кто должен был быть рядом с ним в битве. Это были самые смелые и всего лучше вооруженные люди. Сигват говорит так: Знаю, шел воитель Со знаменем рядом. Стяг летел пред смелым Моим господином».*

Сказано также, что один вид Олафа наводил на бондов такой ужас, что у них будто руки опускались от страха, что взгляд его гневно сверкал. Возможно, христианская вера не помешала конунгу пробудить в себе боевую ярость, достойную берсерков. Говорится, что он сражался отважно, но бонды, несмотря на свой страх, всё же слушали призывы своих командиров и мало-помалу осмеливались подступать к конунгу всё ближе и ближе.

Олаф сошёл лицом к лицу с Торгейром из Квистстадира и рассёк ему мечом и шлем, и голову. «— Ну что, разве не правду я сказал, что ты не одержишь верх в бою со мной?» — произнёс конунг, когда тот упал.

Но в этот миг Торд-знаменосец получил смертельную рану и пал рядом со стягом,

который воткнул в землю так глубоко, что тот застрял в ней. Враги подступали со всех сторон, и люди Олафа были окружены. Вдали уже виднелись подходящие воины Дага Хрингссона, однако прежде чем они успели вступить в битву, всем, кто оставался на тот момент в живых, был явлен знак от бога. Или богов.

* * *

На небе в тот день не было ни единого облака, и солнце светило ярко. Как вдруг оно исчезло... «...и небо, и солнце побагровели, а потом вдруг стало темно, как ночью».

Современные учёные способны повернуть астрономические часы вспять, чтобы определить точное время затмения, и их расчёты выявили некоторое несоответствие деталей в истории битвы при Стикластадире. И Снорри, и норвежский монах Теодорих, которые, возможно, опирались на один и тот же источник, утверждают, что битва произошла «в среду в четвертые календы августа месяца», т. е. 29 июля, и эта дата до сих пор отмечается в Норвегии. Однако по астрономическим расчётам дата единственного затмения, произошедшего в Норвегии в 1030-м году, — это было гибридное затмение, которое, в зависимости от точного угла и расстояния луны от наблюдателя, с одних точек поля могло казаться полным, а с других неполным, — приходится на 31 августа, то есть почти на месяц позже.

Было установлено, что данное несоответствие дат возникло из-за неправильного перевода древних текстов, которые утверждают, что битва произошла через 1029 лет и 209 дней после Рождества Христова. Но если посчитать дни в длинных сотнях, т.е. дважды по

сто двадцать + девять) от 25 декабря, то получается как раз дата 31 августа. Так что норвежцы сегодня, по всей видимости, отмечают произвольную дату, так же как и американцы празднуют искусственно установленные дни рождения президентов (и, следует заметить, подобно тому, как раннехристианская церковь произвольно устанавливала дату рождения Христа). Но для судьбы Харальда путаница в датах была не так важна, как несчастье, которое предвещало темнеющее небо над Стикластадиром.

Это было жутким предзнаменованием. Над Стикластадиром затмение началось в два часа пополудни, и меньше чем за час злоеущий чёрный шар почти полностью закрыл солнце. Воинам пришлось биться в темноте. Даг Хрингссон уже успел подойти и построить своих воинов, но они не сумели сразу вступить в битву, поскольку не видели, кто находится перед ними. Трудно себе представить более верный знак приближающихся грандиозных событий. Приверженцы старой веры, должно быть, почувствовали, что им выпало сражаться в Рагнарёке — последней битве перед концом мира, и что сам Один смотрит на них своим единственным глазом. А для христиан затмение наверняка было тем же знаком, что и почти тысячу лет назад в Иерусалиме — знаком, что близится смерть святого человека.

В опустившейся темноте и суматохе боя Олаф встретился лицом к лицу с Ториром Собакой и нанёс ему удар мечом, однако клинок Хнейтир не смог пробить финскую рубашку Торира. Саги, конечно, утверждают, что причиной тому искусные чары финских колдунов, однако в реальности выделанная особым образом кожа может быть действи-

Peter Nicolai Arbo

тельно очень эффективна против оружия. Торир всё же оказался легко ранен в руку.

«Тут конунг сказал Бьёрну окольничему:
— Прибей собаку, раз его не берет железо!
Бьёрн перевернул секиру и ударил Торира обухом. Он попал Ториру в плечо. Удар был очень силен, и Торир пошатнулся. В это мгновение конунг повернулся к родичам Кальва и смертельно ранил Олафа, родича Кальва. Между тем Торир Собака вонзил копье Бьёрну³ окольничему в грудь. Это была смертельная рана. Торир сказал:
— Так мы бьем медведей!»

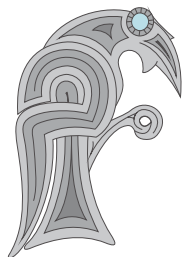
В тот же миг Торстейн по прозвище Корабельный Мастер поразил конунга Олафа топором в левое бедро. Финн сын Арни тут же сразил Торстейна насмерть, однако тот успел свершить свою месть. Раненный конунг привалился к большому валуну, который теперь называется *Olavssteinen*, т.е. камень Олафа, выронил меч и обратился к богу. Ведь в отличие от тех викингов, что исповедовали старую веру, ему не нужно было непременно погибать с мечом в руке, чтобы попасть в Вальхаллу. Торир Собака не упустил свой шанс и нанёс ему удар копьем в живот. А Кальв сын Арни в тот же самый миг рубанул конунга по шее. Любая из этих ран могла бы оказаться смертельной, а, нанесённые все разом, они не оставили Олафу ни единого шанса. «От этих трёх ран конунг умер. После его гибели пали почти все, кто сражался рядом с ним», — говорится в саге.

Вернее, почти все. Где-то посреди этого хаоса, среди крови, льющейся по клинкам и щитам, среди тьмы, опустившейся в летний день, лежал раненый, но живой юный Харальд. Когда враги окончательно смяли его людей, Харальда оттеснили к центру войска и знамени Олафа, где он оказался достаточно близко, чтобы воочию увидеть гибель своего брата.

Конунг Олаф оказался прав — Харальд был тогда всё ещё мальчишкой, и даже крестьяне, ходившие в походы лишь раз в год, были всё равно более испытаны и закалены в боях, чем он. Саги не упоминают, куда именно он был ранен, за исключением того, что продолжать сражаться он не мог. Был ли это удар в ногу, подобно тому, что сразил его брата Олафа? Или же удар по голове, от которого Харальд потерял сознание? Мы знаем лишь то, что последний удар так и не был нанесён. Тот, кто ранил юношу, должно быть, счёл его мёртвым и не удосужился добить, а, может быть, и сам в то же мгновение был убит.

³ Прим. пер.: имя Бьёрн переводится как медведь.

Ему не оставалось ничего другого, кроме как лежать на поле боя, принимая свой третий урок — урок того, как умирает викинг, пока крестьянская армия сминала знамя конунга со змеем, и всё это совершалось под почерневшим солнцем, словно под взглядом бога — был ли это христианский бог или одноглазый Всеотец?.. А как сложится судьба Харальда и судьба всей Норвегии, никто тогда не мог знать, кроме норн.

81...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

Перевод выполнен по изданию
*The last Viking: the true story of king Harald
Hardrada (Последний викинг: подлинная
история конунга Харальда Сурового).*

В оригинале данная глава носит название
Eye of God (Божье око), однако я взяла на себя
смелость изменить название для данной
публикации на более, как мне кажется,
драматическое: *Три урока Харальда Сурового.*

Андерс КАЛИФФ
и Терье ЭСТИГОР
Перевод: Ульф ГУННАРСОН
https://vk.com/svart_ulfr
<https://svart-ulfr.livejournal.com>

Дикая Охота и Фрау Перхта

Часть II

(первая часть была опубликована
в 39 номере «Северного Ветра»)

*Оборотни, воители и зимние жертвоприношения:
Исследования Чивика и индоевропейская
космология на материале Скандинавии
Бронзового века.*

ПЕРХТА/Хульда/Холле действительно имеет определенное сходство с несколькими дохристианскими женскими божествами, как верно указал Якоб Гримм (1875). Другие авторы считают, что её происхождение восходит к ещё более древнему божеству, а именно к доиндоевропейской богине плодородия. Впервые

эта точка зрения была выдвинута Марией Гимбутас в рамках ее работы по реконструкции образа главной богини доиндоевропейских сельскохозяйственных обществ Европы. Гимбутас утверждала, что Перхта/Хульда/Холле изначально была верховной богиней древних германцев, предшественницей большинства известных нам божеств, таких как Один, Тор и Локи. Более того, она считала, что эта богиня была частью сохранившейся традиции доиндоевропейской неолитической Европы, которая была принята и частично преобразована индоевропейскими пришельцами.

*Виллендорфская Венера.
Палеолит*

В европейском фольклоре Перхта/фрау Холле часто наказывает женщин, которые были небрежны при прядении нитей или же в ходе занятия другими текстильными ремеслами. Именно благодаря легендам о фрау Холле магия прядения и ткачества ассоциировалась впоследствии с колдовством и стала распространенным мотивом многих сказок. Интересно отметить, что Холле, помимо пристального наблюдения за мастерицами, также считалась покровительницей сельского хозяйства и домашних животных, в частности, доения крупного рогатого скота. Помимо этого, именно к Перхте отправляются души детей, умерших в младенчестве.

В дополнение упомянутым выше именам, она известна под несколькими другими прозвищами: «тёмная бабушка» (Dunkle Gro mutter) — в ее зловещем аспекте и «белая госпожа» (Weisse Frau) — так ее называют, вспоминая о светлых и положительных качествах.

«Белая госпожа» часто фигурирует в мифах и легендах о Дикой Охоте, которые распространены по всей Европе. Фрау Холле/Хульда также известна в поздней традиции и порой фигурирует в литературных произведениях (например, Motz 1984; Timm 2003), в частности, в знаменитых сказках братьев Гримм. Ее двойственная природа делает ее порой весьма непредсказуемой, что перекликается с гипотезой, что легенды о ней проистекают из веры в древнюю великую богиню.

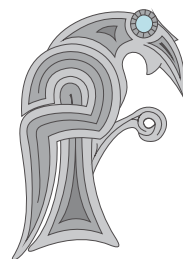

Вопрос в том, какую богиню (или богинь) из тех, что знакомы нам по древним германским и норвежским мифам, можно считать прототипом Перхты/Хольды. Одной из возможных кандидаток считается Нерта, описанная в «Германии» Тацита (гл. 40): по словам историка, богиня путешествует на колеснице и обитает на дне озера или колодца. Однако эта преюмственность весьма сомнительна, поскольку не существует согласия относительно того, какую богиню из скандинавских легенд следует отождествлять с Нертой.

В любом случае, важным аспектом Перхты/Хольды видится ее тесная связь с текстильным ремеслом и особенно прядением. В этом отношении она напоминает скандинавских богинь Фрейю и Фригг, поскольку обе они связаны с прядением. Многое указывает на то, что эти две богини изначально были одним и тем же персонажем (Grundy 1996:56-67, ср. Kroonen 2013: 155), хотя это все-таки спорно и неоднозначно.

Имя «Фрейя» не встречается за пределами Скандинавии, в отличие от «Фригг», которая известна в более широком германском контексте, и чье имя встречается в различных формах. Имя «Фригг» реконструируется как протогерманское *Frijjō, («любимая» или «свободная»). «Фрейя» приблизительно означает «госпожа» (старонорв. Freyja), что позволяет предположить, что это было не имя собственное, а скорее титул или почетное наименование богини. В таком случае, это может быть лишним доводом за то, что Фригг и Фрейя — одна и та же богиня в древнем германском пантеоне. Гербер писал:

83...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

«Саксонская богиня весны Эастра, или Остара, чье имя сохранилось в английском слове «Easter», также идентична Фригг, поскольку она также считается богиней земли, или точнее, воскрешения природы после долгой зимней спячки... В других частях Германии Фригга, Хольда или Остара известна под именами Брехта, Берта или Белая Дама... Как прародительница императорского дома Германии, Белая Дама появляется во дворце перед чьей-то смертью или другим несчастьем, подстерегающим августейшую семью... В Мекленбурге эта же богиня известна как Фрау Годе, или Воде, что следует считать женской формой имени Вотана или Одина, и ее появление всегда сулит процветание. Ее также считают великой охотницей, верхом на белом коне возглавляющей Дикую Охоту, в сопровождении гончих и всевозможных диких зверей» (Guerber 1909:55-57).

Как и в случае с Фрейей и Фригг, в скандинавской мифологии не всегда присутствуют четкие различия между разными божествами. Другим схожий пример — Норны — богини судьбы, живущие у подножия мирового древа Иггдрасиль, которые, согласно легенде, прядут нити судьбы. Норны определенно играют центральную мифологическую роль и тесно связаны с прядением — ремеслом, которому придается глубокое космологическое значение, поскольку речь идет о нитях судьбы. Есть много оснований полагать, что представление о таких существах — богинях, прядущих нити судьбы, — уходит своими корнями очень далеко в прошлое, возможно, в раннюю индоевропейскую или даже протоиндоевропейскую эпоху. Индоевропейские параллели отмечает французский исследователь Франсуа-Ксавье Дильманн (2002).

Однако не всегда есть четкое различие между норнами и другими существами, такими как «дисы» — женские духи, также связанными с судьбой и будущим. Другими словами, трудно определить, какая именно из дохристианских богинь тесней всего связана с норнами, и кто из христианских святых ближе всего к Перхте/Холде. Но и это в данном контексте не самый важный для нас вопрос. Куда интересней фактическая функция этого женского божества с космологической точки зрения, ведь космология, в первую очередь, сосредоточена на эффективности земледелия и животноводства в связи со сменой времен года.

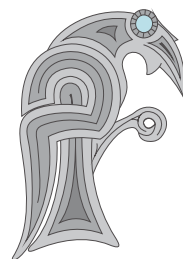
Представляется очевидным, что вера в Перхту/Хольду сочетает в себе элементы дикой природы и домашнего быта. Эта двойственность, вероятно, и объясняет ее зловещую природу и вместе с тем — её благожелательные характеристики. Как выразился Лотте Мотц:

«В то время как Перхта и Хольда утратили связь исключительно с первозданным лесом и переключили внимание на состояние домашнего хозяйства, на воспитание детей и даже на плодородие полей, они сохранили и некоторые архаичные аспекты... В качестве предводительниц Дикой Охотой, Перхта и Хольда связаны с лесными зверями, хотя, скорее, как охотницы, а не хранительницы. Мы знаем, что такой трансформации часто подвержены демоны дикой природы. Кошки и собаки, козы или хрюкающие свиньи иногда входят в состав Дикой Охоты, и мы часто видим, как Белую Даму окружают четвероногие питомцы — этот образ указывает, возможно, на ее более древнюю роль хранительницы. Особенно бросаются в глаза собаки. Поскольку они тесно связаны с волками, мы можем трактовать Госпожу и ее стаю как пережиток более архаичной формы, Wolfshirt («волчьего пастыря»), широко известный образ германской и европейской традиции» (Motz 1984:158 f).

Такие карнавалы, как Крампуслауф и Перхтенлауф, в чистом виде скандинавской традиции неизвестны, хотя можно провести и некоторые параллели. Традиционные празднества того же рода в северных странах были связаны с Днем Люсии (святой Люсии) 13 декабря и Двенадцатой ночью после Рождества (канун Богоявления).

В них участвовали переодетые люди в масках, часто выглядевшие гротескно или жутко, чьи шумные выходки

были порой довольно жестоки. Фигура, которая часто появляется в этих процессиях, — это рождественский или йольский козел. Накануне Рождества группы людей в маскарадных костюмах ходили по деревням, забавляя односельчан сценками и песнями. Нередко один из участников был наряжен козлом. В некоторых районах Швеции эта традиция сохранилась вплоть до XX века. Как уже упоминалось ранее, рождественский козел теперь в основном ассоциируется с соломенной фигуркой, которая используется в качестве рождественского украшения. Однако этот образ имеет весьма древнее происхождение, связанное с верованиями о «последнем снопе» (ср. Motz 1984).

Сходство между Крампусом/Перхтом и рождественским козлом в скандинавских странах поражает воображение. Как в северных странах, так и в Центральной Европе эти персонажи четко связаны с поверьями, касающимися Дикой Охоты. Хотя Крампус может быть одет в разнообразные яркие костюмы, все они имеют общие черты. Фигура должна быть волосатой, обычно коричневого или черного цвета, с козлиными рогами и копытами (Bruce 1958:45). Это описание в значительной степени соответствует старой скандинавской версии ряжения в «рождественского козла». Свидетельства очевидцев, записанные в шведской провинции Вестерготланд, сообщают, что наряжаться старались самым устрашающим образом, используя рога и хвосты, а лицо покрывали шерстью. Старые коровьи шкуры, а также конский волос, столь же охотно использовали для этой цели (Alver 1976:117).

В скандинавских легендах о Дикой Охоте часто присутствует центральный женский персонаж. Можно вспомнить поздний мотив погони Одина за Хюльдрой, но в некоторых случаях эти персонажи воплощались и в действительности. Старые рождественские традиции, записанные в норвежском Сетесдале, включают всадников, преследующих и захватывающих молодую женщину, вероятно, как элемент ритуала плодородия. Эти буйные ватаги на Рождество ездили от фермы к ферме, часто с криками вторгаясь в дома как незваные гости. Хотя в основном это было развлечение молодых мужчин, иногда незамужних женщин также «похищали» и брали с собой в кавалькаду (Kaliff & Oestigaard 2020:212). Похоже, что это было попыткой отождествить Дикую Охоту с настоящей процессией.

В этом контексте существует и еще одна параллель с южно-германскими и австрийскими традициями, связанными с Перхтой и Перхтенлауфом, поскольку в некоторых скандинавских историях о Дикой Охоте ее возглавляет женщина — например, легендарная Гуро Риссерова. В Сетесдале и Телемарке еще в XIX веке верили, что она возглавляет Оскорею (Skar 1908:5-20; Lid 1933:15; Olrik & Ellekilde 1951:947pp). Гуро в Скандинавии нередко связывали с Рождеством и Днем Святой Люсии.

Традиционно празднование Дня Люсии 13 декабря было важной частью рождественских праздников, особенно в некоторых областях Швеции и Норвегии. В христианской традиции Люсия (Люция) ассоциируется со святой Луцией Сиракузской, но в празднике причудливо сплетаются языческие и христианские мотивы, как и в скандинавском Рождестве — Йоле.

Начиная со Средневековья, святую Люсию чествовали в самый темный день года — зимнее солнцестояние по старому юлианскому календарю. В связи с переходом на григорианский календарь, введенный в 1753 году в Швеции и Финляндии, а в Норвегии и Дании в 1700, — зимнее солнцестояние сместилось на 22 декабря. Однако, несмотря на реформу календаря, некоторые традиции, связанные с зимним солнцестоянием, по-прежнему ассоциируются со старой датой, тринадцатым декабря. В самое темное время года люди взывали к силам света, чтобы вернуть солнечное тепло, и просили всех благ для животных и полей.

85...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

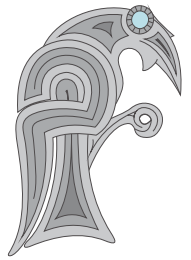

Именно благодаря этим верованиям и ритуалам, связанным со светом, тьмой и поворотом года, исходно и возник праздник света, в христианские времена он трансформированный в праздник Святой Люсии. Но даже столь почитаемая святая, ключевая фигура всенародно любимого праздника, возможно, берет свое начало в дохристианских представлениях о светоносной женщине, возможно, языческой богине света (Hellquist 1922).

Оригинальное скандинавское название этого существа не «Lucia», а «Lussi», и это сходство, вероятно, лишь усиливало путаницу между дохристианской и христианской традициями. Существует интересная и вполне правдоподобная связь между представлениями о Люсии/Лусси как о языческой богине света и континентальной богиней Перхтой, основанная на возможной этимологической деривации этого имени. «Перхта», вероятно, означает «светлая» (древневерхненемецкое *beraht*, *bereht*, от протогерманского *berhtaz). Альтернативная этимология связывает имя Перхты с древневерхненемецким глаголом *pergan*, означающем «скрытый». Этимология эта также соответствует значению имен Хольда/Халда, тогда как день, а вернее, ночь Святой Люсии/Лусси ассоциируются со злыми силами и всевозможными зловещими созданиями.

Помимо дня Святой Люсии, известна и «ночь Лусси» (*Lussinatta*), знаменовавшая начало периода, который продолжался до Рождества, когда тролли и злые духи, согласно поверьям, были особенно сильны, и считалось, что находиться на улице крайне опасно (Alver 1976:112-18; ср. *Nordisk familjebok* 1912, Vol.16:1216-18). Согласно фольклору, именно в это время года Лусси, злое существо женского пола, похожее на демона или ведьму, летала со своими спутниками по небу: «В Южной Норвегии Лусси возглавляла кавалькаду сверхъестественных существ, терроризирующих селян: «рождественские собаки», «рождественские козлы», «оскорей», «юлерей» и прочая нечисть, как бы ее ни называли» (Alver 1976:126).

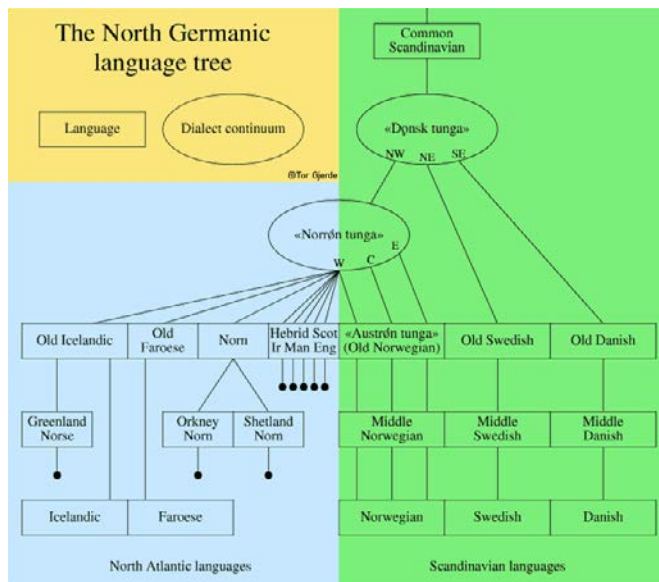
Таким образом, прослеживается четкая параллель с Дикой Охотой/Охотой Одина, в то время как фигура Лусси более-менее тождественна Гуро Риссерове. Однако существуют также упоминания альтернативного, мужского персонажа по имени Луссегуббен («старик Луссе»), злобного создания, которое бродило по ночам вместе со зловещими спутниками. Возможно, это скандинавская версия амальгамы мифологических существ мужского и женского пола, подобно случаю с Перхтой и Крампусом. Непослушные дети должны были быть особенно осторожны, так как Лусси или Луссегуббен могли спуститься в дымоход и похитить их, — еще одно сходство с континентальной традицией Крампуса и Перхты.

Северогерманское лингвистическое дерево

Тур ЙЕРЕ
Перевод:
Тимофей ЕРМОЛАЕВ

Перевод первоначально опубликован на сайте «Северная Слава» www.norroen.info

87...

В составлении лингвистического дерева, такого, как, например, это, имеется одна реальная проблема: в действительности невозможно составить его правильное детальное описание из-за проблемы «диалектных континуумов» — территорий, в которых люди из различных мест понимали друг друга (и они сами, и иностранцы считали, что говорят на одном языке), несмотря на развитие региональных различий. Диалекты в таком континууме не расходятся, как ветви в дереве, потому что диалекты, которые уже отличаются, все еще влияют друг на друга, в то время как отдельные языки обычно нет.

Это, возможно, применяется как минимум трижды в нашей диаграмме.

Некоторые утверждают, что северо- и западногерманские языки образовывали диалектный континуум, так называемый северо-западногерманский или ингвеонский. Однако в этом случае это несущественно.

Северогерманский «ursprach», Proto-Norse или общескандинавский был, насколько известно, однороден. Но уже в период синкопы (когда безударные гласные исчезали после изменения предшествующего ударного гласного посредством так называемого «умляута» или «мутации») развивались региональные изменения. Одни изменения отдалили северные диалекты (норвежский и шведский) от южных (датский), в то время как другие — западные диалекты (норвежский) от восточных (датский и шведский); третьи происходили по государственным границам (которые, однако, в тот период были несущественными).

Эти диалекты имеют общее название *dönsk tunga*, или «датский язык». Из него и возникли древненорвежский, древнешведский и древнедатский языки; древнешведский и древнедатский, возможно, были ближе друг к другу, чем к древненорвежскому, но это необязательно означает, что они вместе отделились от древненорвежского, прежде чем разделиться между собой.

Выше используется термин «древненорвежский», имея в виду Old Norse, поскольку вначале на нем разговаривали только в Норвегии — атлантические острова еще не были заселены (или даже открыты) скандинавами.

Третий диалектный континуум — *norroen tunga* — язык, на котором говорили в Норвегии, а также в норвежских поселениях на Фарерских, Шетландских (они назывались *Hjaltland*), Оркнейских, Гебридских (они назывались *Sudreyjar*, «южные острова», потому что они лежат к югу от Оркнейских), на острове Мэн, в Дублине и других поселениях в Ирландии, Шотландии и Англии, в Исландии и Гренландии, в экспедициях и, возможно, в кратковременных поселениях в Северной Америке. «Древненорвежский» уже был поделен на несколько диалектов: по крайней мере, центральный, западный и восточный. Все диалекты в поселениях первоначально основывались на западном диалекте. Известно, что первым в поселениях существенно отклонился диалект в Исландии (мы мало знаем о том, что случилось с другими диалектами, за исключением фарерского и частично шетландско-оркнейского диалекта «*Norn*»). Позже «скандинавский», или East Norse (исландское «*austr n*» означает «норвежский»), существенно отклонился от «атлантического», или West Norse, под влиянием нижненемецких диалектов как непосредственно, так и через шведский и датский, а также шведского и датского как таковых.

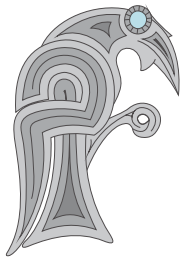
На приведенной схеме последние два диалектных континуума специально обозначены как таковые, но заметьте, что большинство языков (в том числе и обозначенные на схеме прямоугольниками) в действительности также являются континуумами, но это не обозначено там, где это не влияет на ветвистость лингвистического дерева.

Также сильно упрощена ситуация для шведского и датского языков, поскольку я не знаю касающихся их подробностей (возможно, лучшим названием для этой схемы было бы «Северогерманское лингвистическое дерево с фокусом на Old Norse»).

Также опущено влияние между ветвями.

Учтите, что время представлено не линейно вниз по схеме; также высота не отображает степень изменения: современный исландский язык гораздо ближе к Old Norse, чем средненорвежский.

Положение женщины в средневековой Скандинавии¹

Франсин РУССО
Перевод: РАНХИЛЬД
(Мария ЮЛИНА)

Источник: Журнал
«Scientific American»

89...

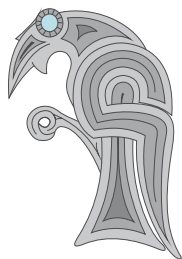
Не секрет, что одной из проблем археологии как науки является проблема репрезентативной выборки. Большую часть внимания историков, как правило, занимает деятельность мужчин. Это объяснимо. Чаще всего до нас доходят артефакты из камня и металла (эти материалы хорошо сохраняются), и многие такие находки связаны именно со стереотипным поведением мужчин, таким как охота или война. В результате наше представление о культурах прошлого является прискорбно неполным.

В последние годы ситуация несколько изменилась. Археологи стали больше внимания уделять таким артефактам, как изделия из ткани. И хотя ткань редко переживает свое время, даже в фрагментарном состоянии она может многое рассказать о людях, которые ее изготовили и использовали.

Мишель Хейер Смит, антрополог-археолог из Университета Брауна, является одним из ведущих специалистов в области изучения. Она постоянно исследует археологические памятники и музейные коллекции в поисках тканей, которые могли бы пролить свет на жизнь женщин в ранних североатлантических обществах. Результаты ее исследований доказывают, что викинги никогда бы не стали теми, какими их знает весь мир, без женского ткачества.

Исследование раннего североатлантического текстиля началось для Мишель с подвального склада Национального музея

¹ Перевод печатается с сокращениями. Полную английскую версию статьи можно найти здесь <https://www.scientificamerican.com/article/viking-textiles-show-women-had-tremendous-power/>

Исландии, где ряды металлических стеллажей ломались от коробок и мешков с грязной тканью. Впервые она посетила музей в 2009 году, чтобы осмотреть музейную коллекцию эпохи викингов. «В подвале были тысячи лоскутов», — говорит она, — «но они просто лежали там, почти никем не замеченные».

Надо отметить, что детство Мишель Хейер Смит прошло в окружении тканей, которые ее мать-антрополог собирала со всего мира. В свои двадцать лет Мишель получила степень в области моды в Париже. И она хорошо понимала, что, изучая одежду и способы ее производства, можно многое узнать о культуре общества и особенно о роли женщины в нем. В 1990-е годы, будучи кандидатом наук и студенткой Университета Глазго, она посвятила себя изучению женской одежды и украшений эпохи викингов. Вдохновленная своим первым знакомством с текстильными находками в кладовой музея Исландии, Мишель решила подробно изучить жизнь обычных женщин, которые столько времени проводили за ткацкими станками.

Масштабы исследования охватывают 900-летнюю историю северных стран, начиная с поселения викингов 874-го года в Исландии. В итоге Мишель Хейер Смит пришла к выводу, что современные представления о важности одежды и женщин в обществе викингов неверные.

Вы думаете, текстиль — это что-то незначительное? В своем интервью Мишель с жаром пытается переубедить всех в обратном: «Текстиль и то, что делали женщины, было столь же важным для общества, как и охота, строительство домов и борьба за власть», — говорит она. Более того, Мишель пришла к выводу, что в эпоху средневековья женщины играли существенную роль в экономике Северной Атлантики, а их одежда позволяла людям выживать в этом суровом климате.

Что скрывает в себе обычная ткань

Мишель Хейер Смит не была первопроходцем в изучении древнескандинавского текстиля. До нее уже существовало несколько исследований, значимое место в которых занимали работы Эльзы Гудьонссон (Elsa Guðjónsson). Однако, по словам Мишель, Гудьонссон смогла изучить лишь малую часть находок из горы артефактов, хранящихся в коллекции Исландского музея. Кроме того, ее исследования, как и большинство других,

были в основном сосредоточены на технических деталях: количество нитей, типы переплетения, сорта ворса, виды стежков и используемые инструменты.

Для Мишель Хейер Смит технические детали были не менее важны, но ее цель была другой: основной упор делался на так называемую «социальную археологию», с помощью которой она пыталась воссоздать жизнь простых женщин. Для этого она сосредоточилась на изучении повседневного домотканого полотна — простой шерстяной ткани, производимой обычными женщинами, которых не хоронили со всеми почестями в богатых могилах. Их единственным памятником стала ткань, которую они создавали своими руками.

На мероприятии, организованном музеем антропологии *Haffenreffer* (штат Rhode Island, США) в 2020 году² Мишель продемонстрировала ткацкий станок эпохи викингов. Конструкция представляла собой деревянную горизонтальную планку, опирающуюся на две вертикальные. Вертикальные планки удерживали нити основы, натянутые с помощью камней из вулканической породы, подобных тем, что усеивают берега Исландии. С помощью стержня для разделения нитей Мишель протягивала непрерывную горизонтальную нить утка через одну или несколько нитей основы туда и обратно. Варьируя количество нитей основы, ткачихи создавали традиционные исландские узоры. В основном это были базовые паттерны плетения, известные сейчас как твил и табби.

Согласно исследованиям археолога Кевина Смита (мужа Мишель), в Исландии до 1000 г. н.э. ткацкий станок размещался в отдельно стоящей ткацкой хижине *Dyngja*. Эти хижины-землянки выкапывались на глубину до одного метра. Над землей возвышались стены из дерна или дерева, создавая пространство достаточной высоты, чтобы люди могли работать стоя. Выложенный камнем очаг в углу обеспечивал свет и уют. В целом эта небольшая хижина общей площадью около 2.5 на 5 метров была уединенным частным местом, в котором могли разместиться три женщины. Местом, где не только пряли и ткали, но и делились историями и новостями.

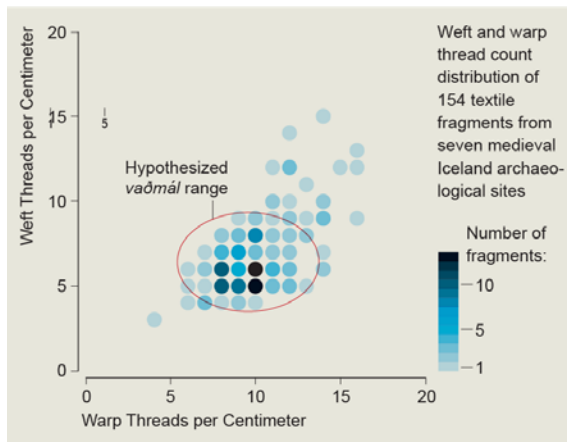
В 2010 году Мишель Хейер Смит начала свое тщательное исследование образцов тканей из подвального склада Национального музея Исландии. Каждый образец рассматривался под микроскопом, кропотливо подсчитывалось количество нитей основы и утка, документировалось направление пряжи, вид

² https://www.youtube.com/watch?v=4ho4rZS_mFM

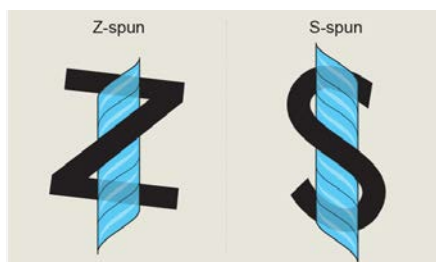
используемого волокна и тип переплетения. Часть образцов была подвергнута радиоуглеродному анализу.

После этого наступило время для анализа образцов из других музейных хранилищ Исландии, Гренландии, Фарерских островов, Шотландии и Норвегии. С помощью цифрового штангенциркуля Мишель измеряла диаметр волокон ткани. Для каждого образца она скрупулезно записывала его возраст, место происхождения и технические характеристики, такие как количество нитей основы на квадратный сантиметр.

Где-то на втором году этой кропотливой и «грязной» работы у Хейер Смит наконец-то наступил момент озарения. Чем больше находок она изучала, тем чаще видела одну закономерность: текстиль эпохи викингов был красочным и разнообразным, но в средневековые происходит полный переход на стандартизированную ткань.

По словам Мишель, в современной ткани может варьироваться от 75 до 300 нитей основы, но в Исландии и только в Исландии XII-XVII века каждый лоскут ткани из любого места укладывался в жесткий диапазон от 4 до 15 нитей основы. Кроме того, в XI веке почти полностью изменилось направление прядения: прядение по часовой стрелке (Z-прядение) сменилось на прядение против часовой стрелки (S-прядение). Все эти детали являются техническими характеристиками ткани *vaðmál*. Эти характеристики устанавливались и жестко контролировались законом. «Женщины ткали деньги!» — утверждает Мишель.

ДОМОТКАНАЯ ДЕНЕЖНАЯ ЕДИНИЦА

Зарождавшаяся экономическая система Исландии была основана на норвежской. Определенные товары: ткань, крупный рогатый скот, масло, зерно — имели законную стоимость, основанную на их эквивалентной стоимости в серебре. Однако в Исландии к концу эпохи викингов домотканое шерстяное полотно стало играть намного более важную роль в качестве формы оплаты, чем в это же время в Норвегии. Исследователи полагают, что этот переход мог быть вызван такими факторами, как нехватка серебра после прекращения набегов викингов, рост населения и растущее производство шерсти. «Хотя теоретически стоимость ткани все еще измерялась серебром, она... стала законодательно регулироваться как самостоятельный способ оплаты», — отмечает Хейер Смит в своей книге «Ткацкий станок валькирий: Археология производства ткани и женской власти в Северной Атлантике». Согласно Мишель, название *vaðmál* является комбинацией древненорвежских слов *vað* («материал» или «ткань») и *mál* («мера»), что означает «стандартная мера ткани». Она часто упоминается в качестве меры и средства обмена в исландских юридических текстах, а также в торговых счетах, церковных описях и фермерских реестрах, начиная с 1100-х годов и заканчивая XVII веком.

91...

Вся ткань *Vaðmál* изготавливалась женщинами. Фактически, они производили огромное количество этого товара, который служил как денежной единицей, так и товаром для местной и международной торговли. *Vaðmál* можно было использовать для уплаты налогов и десятины, но его также можно было обменять или продать для изготовления одежды и других предметов первой необходимости. Особенно он был востребован в Англии, которая хоть и производила собственные роскошные ткани, но нуждалась в большом количестве исландского дешевого прочного домотканого полотна для одежды крестьян, малоимущих горожан и простых солдат.

В современном обществе можно услышать мнение, что работа по дому является менее важной, так как она не приносит денег. В североатлантическом мире «дом был местом, где выполнялась основная работа». Фактически, как отмечает Хейер Смит, *vaðmál* был одним из основных продуктов, приносящих доход.

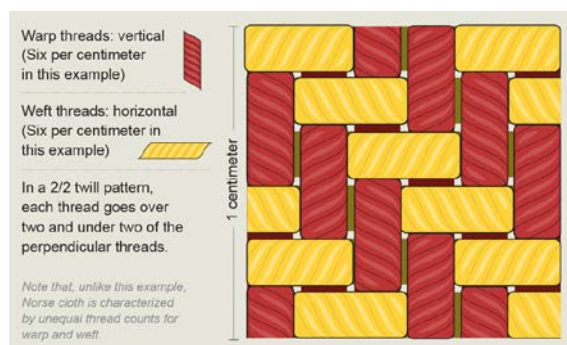
Исследователи узнали о *vaðmál* из средневековых юридических книг, но эти знания были абстрактными. В этих текстах никогда

не упоминались женщины, которые его ткали, отмечает Мишель. И никто не проверял археологические находки ткани на предмет их соответствия техническим характеристикам, упомянутым в юридических текстах.

Поэтому параллельно с исследованием лоскутов Мишель изучала юридические тексты, большинство из которых, к счастью, уже были переведены с древненорвежского на современный английский язык. В результате кропотливого анализа она подтвердила, что ткань, которую ткали исландские женщины, точно соответствовала этим стандартам: 2/2 твил (твид), Z/S-пряжа, сотканная с использованием от 4 до 15 нитей основы на сантиметр. Регламентировался также и размер полотна: два «элла» в ширину и шесть «эллов» в длину (чуть больше одного ярда³ в ширину и трех ярдов в длину по современным меркам). Анализ археологических находок позволяет предположить, что исландская ткань и «была примерно такого размера или больше». Эта единица ткани была равна определенному весу серебра. «Все предполагали, что экономика — это мужское дело», — говорит Хейер Смит, — «но на самом деле все указывает на то, что решения принимали не мужчины, а женщины».

Мишель считает, что женщины либо сами создавали спецификации, либо сотрудничали в этом вопросе с мужчинами. «Трудно сказать, как все происходило на самом деле», — признает Хейер Смит, — «но если принимать в расчет инструменты и время, необходимые для производства такой ткани, то становится ясно, что каждая трудоспособная женщина в семье должна была быть вовлечена в этот процесс». Кроме того, совершенно очевидно, что женщины «имели возможность активно участвовать в процессе создания правовых норм», — говорит она. — «Мужчины не могли самостоятельно описать стандарты для производства ткани, потому что мужчины и близко не подходили к ткачеству».

ТКАЦКИЕ ТАБУ

В подтверждение своих слов Хейер Смит приводит примеры из литературных источников, которые дают нам представление об отношении к женщинам и ткачеству в эпоху викингов. «Власть и сила, которой обладали женщины того времени, ярко описана в поэме «*Darraðarljóð*» из Саги о Ньяле», — рассказывает Карен Бек-Педерсен (*Karen Bek-Pedersen*), эксперт по женским аспектам религии викингов в Орхусском университете в Дании. В саге рассказывается, как воину на рассвете перед битвой приходит видение, в котором он заглядывает в ткацкую хижину *Dyngja* и видит 12 валькирий, женских духовоительниц. Они ткут, используя в качестве инструментов и пряжи мужские внутренности. В процессе плетения они описывают и тем самым определяют грядущее кровавое поражение:

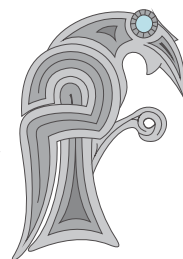
*Соткана ткань
Большая, как туча,
Чтоб возвестить
Воинам гибель.
Окропим ее кровью.
Накрепко ткань,
Стальную от копий,
Кровавым утком
Битвы свирепой
Ткать мы должны.
Сделаем ткань
Из кишок человеческих.
Вместо грузил
На станке черепа,
А перекладины —
Копья в крови.
Гребень — железный,
Стрелы — колки.
Будем мечами
Ткань подбивать⁴.*

По словам Карен, весьма вероятно, что стихотворные строчки из саг появились намного раньше самих саг. Наполненные метафорой, аллитерацией, ритмом и рифмой, они легко запоминаются и практически не изменяются при передаче через устную традицию.

Бек-Педерсен описывает *Dyngja* как пространство «заряженное женской энергией, которая выходит за рамки возможностей женщин в обычной жизни». В литературном каноне, говорит она, мужчины, которые проводят там время и сплетничают вместе с женщинами, изображаются трусами или злодеями, и их неизменно ждет плачевный конец.

³ 1 ярд = 91.44 см

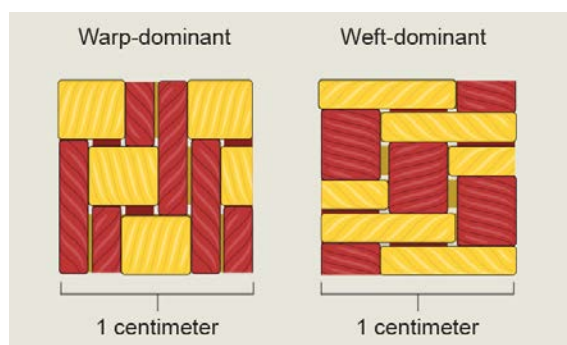
⁴ Перевод О. А. Смирницкой и А. И. Корсуна.

Тот факт, что *Dyngja* была местом, которого мужчины старались всячески избегать, имеет существенное значение для оценки власти женщин не только в производстве тканей, но и в общественной жизни. Мужчины боялись, что если они войдут в это помещение, то потеряют свою мужественность или даже жизнь. После того как около 1000 г. н.э. Скандинавия приняла христианство, ткацкие станки были перенесены в главную жилую зону *skáli* длинного дома. Несмотря на это нововведение, ткачеством продолжали заниматься в отдельной зоне или комнате, и при этом табу для мужчин на это ремесло, скорее всего, осталось неизменным. Это табу и стало решающим фактором власти женщин, поскольку ткань, сотканная их руками, превратилась в основную движущую силу исландской экономики.

Ткань и климат

В 2011 году Хейер Смит задалась целью выяснить, почему ткань, изготовленная женщинами Гренландии, так сильно отличается от ткани, изготовленной в Исландии. Что выглядит странным, так как Гренландия была заселена в 986 году нашей эры исключительно исландцами. Они были последователями Эрика Рыжего, который был изгнан из Исландии за непредумышленное убийство. Изначально ткань гренландцев была идентична исландской — с преобладанием нитей основы, но со временем изменилась и стала содержать больше нитей утка, чем основы.

В начале 2000-х годов Эльза Эстергорд (*Else Østergård*), эксперт по текстилю в Датском национальном музее, предложила объяснение этим изменениям. В своей книге «Вплетенные в землю» (*Woven into the Earth*) Эльза высказывает предположение, что инновации гренландских женщин в ткачестве могли быть ответом на изменение климата в период похолодания, известного как Малый Ледниковый период. В Гренландии первое резкое снижение температуры началось примерно в 1340 году,

продолжилось до середины XV века (тогда исчезли гренландские колонии) и закончилось около 1900-х годов.

Хейер Смит решила проверить гипотезу Эстергорд с помощью археологии, для чего начала изучать находки текстиля из местечка *Tatsipataa*, расположенного на юго-западе Гренландии. Мишель называет найденные там образцы ткани «феноменальными», так как, благодаря отлично организованному и задокументированному процессу раскопок, с их помощью можно было получить исчерпывающую информацию об изменениях в тенденциях гренландского ткачества. Хейер Смит внимательно изучила план раскопок, включающий в себя информацию о распределении находок по временным слоям. Оказалось, что ткань с преобладанием нитей утка появилась несколько позже других типов тканей.

Определив примерный возраст каждого лоскута, Хейер Смит смогла сопоставить соотношение нитей утка и основы в каждом образце с климатическими данными. Как и предполагала Эстергорд, количество образцов ткани с преобладанием нитей утка действительно увеличивалось по мере снижения температуры в 1300-х годах. «Это полностью совпало с картой изменения климата!» — говорит она.

Однако, как бы ни был интересен полученный результат, «это был результат всего лишь из одной географической области». Чтобы доказать, что женщины приспосабливали свое ткачество к изменениям климата, ей пришлось собирать и анализировать останки ткани, датированные разными периодами времени, по всей Гренландии. Мишель проанализировала более 700 образцов и смогла полностью подтвердить гипотезу о влиянии изменения климата на тип ткани.

Ткань с преобладанием нитей утка получает широкое распространение между 1300 и 1362 годами, что соответствует началу похолодания. Ранее не особо популярный тип ткани «становится самым распространенным текстилем, производимым в Гренландии», — пишет Мишель в книге «Ткацкий станок валькириий». Более чем вероятно, это было своевременным ответом местных ткачих на понижение температуры. «Я смогла разглядеть через эти лоскуты осознанное решение, которое принимали женщины: «Становится холодно, давайте изменим способ ткачества». Это такая редкая возможность, когда удается осознать и прочувствовать мысли людей через столетия».

93...

Конец эпохи

В конце концов совокупность природных, политических и экономических факторов привела к ослаблению власти, которой исландские и гренландские женщины обладали благодаря изготовлению столь важной ткани. Примерно к 1450 году Малый Ледниковый период уничтожил гренландские поселения, а Норвегия пыталась бороться с чумой и политическими потрясениями. В 1603 году датский король Кристиан IV ввел королевскую монополию на торговлю. Датские власти потребовали, чтобы весь импорт и экспорт проходил через Данию, что существенно ограничило свободу торговли Исландии. И хотя Исландия все еще продолжала использовать *vaðmál* в качестве средства оплаты и товара для экспорта до конца XVII века, начиная с XIV века, главенствующие позиции в её экономике занимает рыбный экспорт, тем самым постепенно замещая собой роль экспорта сукна.

Подражая англичанам, чьи ткацкие гильдии (в состав которых входили только мужчины) в XIII веке начали производить качественные ткани на станках с ножным приводом, датчане также решили обучить своих мужчин ткачеству. Они организовали производственные мастерские в разных уголках Исландии, в том числе в Рейкьявике. Женщинам вручили новомодные прялки, которые были гораздо эффективнее, чем традиционные. Датчане также поощряли женщин вязать — навык, которому они научились в 1500-х годах — в ответ на рыночный спрос на экспорт вязаных изделий. Кроме того, они импортировали в Исландию ткань из Дании. Женщины могли покупать ее для пошива одежды, избавляя себя от необходимости ткать дома. Все это привело к тому, что женщины были, по сути, вытеснены из основного направления ткачества.

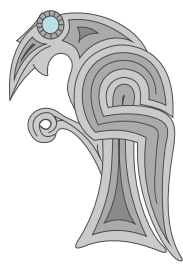
Тем не менее женщины продолжали ткать домотканое полотно на своих фермах. Фрагменты этого текстиля, датируемые XVII и XVIII веками, были обнаружены по всей Исландии, включая ее самый богатый центр Скалхольт (*Skálholt*). Хейер Смит считает, что люди использовали ткачество как выражение национальной идентичности перед лицом датского владычества и новых законов, навязывавших женщинам изменение 900-летней традиции производства текстиля. «Я вижу в этом сопротивление», — говорит она.

И все же датчане и растущая индустриализация в конце концов одержали победу. К началу 1800-х годов, рассказывает Хейер Смит, никто уже не знал, как ткать на старых

станках. И женщинам от этого стало только хуже. Как только текстиль стал производиться на станках гораздо быстрее, чем вручную, он стал ассоциироваться с вещами, которые считались «легкомысленными и незначительными для повседневной жизни или представляющими интерес в основном для женщин как основных потребителей», — отмечает она в книге «Ткацкий станок валькирий». «Отчасти именно промышленная революция предопределила судьбу женщин как граждан второго сорта и обеспечила то, что западное общество стало таким вопиюще патриархальным в последующие годы».

Исследования Мишель Хейер Смит продолжатся. И как говорят ее коллеги: «После ее публикаций никто уже больше не станет смотреть на текстиль по-старому».

Ландветтир: духи местности

Автор: Квельдुльф ГУНДАРССОН (с)
Перевод: Анна БЛЕЙЗ (с)
<https://northern.thesaurusdeorum.com>

ДУХОВ местности, или ландветтир (др.-сканд. *landvættir*), часто путают и отождествляют с альвами (*álfar*) и дисами (*dísir*), а иногда считают их родней друг другу; и действительно, они часто выглядят или ведут себя похоже и связаны со схожими культовыми практиками. В позднем скандинавском фольклоре ландветтир, альвы и «тролли» объединяются в общий класс под названием «хульдра» (*huldra*), то есть «сокрытый народ», и это лишний раз подчеркивает сходство между ними. Частичное смешение имело место даже в языческие времена и некоторое время спустя. Например, среди кеннингов великанов есть такие: *bjargálfir* («альв гор») и *álfheims bliku undirfjalfrs kalfr* («теленка подземной норы блеска Альвхейма», т.е. горной пещеры; Meissner 1921, 258–259).

Первый из них встречается в «Пряди о горном жителе», а второй — в «Саге о Кормаке»; содержащиеся в ней висы Кормака, поэта X века, относятся к числу древнейших известных нам образцов скальдической поэзии (Jónas Kristjánsson 1988, 226–228).

Тем не менее ландветтир иногда все же отличаются от альвов по своей сущности или, по крайней мере, происхождением. Нагляднее всего эти различия показаны в сагах о заселении Исландии, которая буквально кишела духами местности еще до того, как на ее берега впервые ступила нога человека. Как в случае с горным жителем, пришедшим к Козлиному Бьёрну, многие из этих веттов с самого начала были готовы сотрудничать с людьми; все предания о ландветтир от эпохи викингов и до Новейшего времени свидетельствуют о том,

«Жилище ландветта»
(generated by MidJourney + Anna Blaze)

что духи местности предпочитают жить с нами в мире и взаимном уважении, если с ними обходятся вежливо и по-дружески. Гренландия тоже была густо населена веттами, но почти все из них описываются как враждебные людям — отчасти, возможно, потому, что тамошняя природа гораздо опаснее и порождает более свирепых и диких духов, но отчасти, подозреваю, и потому, что большинство гренландских колонистов вскоре обратились в христианство и отказались иметь дело с веттами. На более бытовом уровне этот настрой в конце концов погубил скандинавские колонии: триста лет спустя климат на острове ухудшился, но поселенцы-христиане попросту не пожелали заимствовать у местных язычников-скрелингов методы хозяйствования, которые позволили бы им выжить.

95...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

Языческий закон Исландии, упомянутый в «Книге о занятии земли» (глава 81), гласил, что «люди не должны иметь кораблей с носовыми фигурами (*höfuðskip*) в море, а если они имеются, то люди должны снимать эти фигуры до того, как станет видна земля, и не подплывать к берегу с оскаленными головами или с разверстыми пастьми, потому что духи страны могли испугаться»¹. Вероятно, по той же причине носовые фигуры ставили на корабли во время набегов и нападений на чужие страны — чтобы напугать тамошних духов и помешать им участвовать в битве. Когда Эгиль сын Скаллагрима установил «жердь поношения» (*níðstöng*) и насадил на нее лошадиный череп, чтобы этим колдовством погубить конунга Эйрика Кровавую Секиру и его жену Гуннхильд, первым делом он объявил, что посылает проклятие этим двоим, а затем повернул лошадиный череп в сторону материка и сказал: «Я посылаю проклятие духам, которые населяют эту страну, чтобы они все блуждали без дороги и не нашли себе покоя, пока они не изгонят конунга Эйрика и Гуннхильд из Норвегии» («Сага об Эгиле», глава LVII)². Конь в связи с нидстангом фигурирует и в «Саге о людях из Озерной Долины» (глава 34): здесь колдун насаживает на жердь деревянное подобие человеческой головы, а затем убивает кобылу, вскрывает ей грудь и вставляет в нее нижний конец жерди. Вероятно, лошади традиционно использовались в магии нидстангов, но не исключено также, что проклятие, призванное лишить покоя духов земли, усиливалось благодаря сходству лошадиного черепа или резной головы коня с носовой фигурой корабля; в Национальном музее Дании хранится корабельный нос эпохи викингов, на котором все еще можно различить остатки деревянной лошадиной головы с гривой из железных завитков.

Если духов местности испугать или разгневать, то все дела в этих краях будут идти плохо до тех пор, пока ландветтир снова не успокоится. Эпизод с нидстангом из «Саги об Эгиле» имеет прямое отношение к вопросу о королевской власти в Скандинавии и, в частности, к личной связи конунга со своей страной. Правитель местности, будь то один-единственный хутор или целая страна, не только считался супругом своей земли, но и должен был жить в мире и дружбе с местными духами — а иначе его и всех его подданных постигала беда. Выбрав непосредственной целью для своего нидстанга не самих Эйрика и Гуннхильд, а духов страны, Эгиль

поступил необычно: как правило, витки (колдун) направлял свое проклятие, поэт — свое стихотворное поношение, а простой смертный — свой *trénið* («деревянный нид», который с юридической точки зрения считался более оскорбительным, чем словесный; см. законы Гулатинга №№133, 138, *Norges gamle Love*, I.56—57; цит. у Ström 1974, 4) непосредственно на обидчика, которому желал отомстить (как в «Саге о Гисли», 2 или «Саге о людях из Озерной Долины», 34). Быть может, король и королева в силу своего высокого сана считались обладателями такой великой удачи, что никакое проклятие не смогло бы поразить их непосредственно? Если так, то Эгиль нанес удар в самое слабое место всей властной структуры, связывающей на духовном уровне конунга, Землю и духов страны: Земля, очевидным образом, слишком могущественна, чтобы один-единственный человек смог нанести ей вред своим колдовством; король и королева тоже слишком хорошо защищены от подобных атак; но ландветтир, даже все сообща, могли оказаться (и на поверку действительно оказались) уязвимы для магии нидстанга.

Спросить разрешения у ландветтир необходимо перед любыми ландшафтными работами, особенно если предполагается перемещать или убирать деревья и валуны — потому что именно в них зачастую обитают духи местности. Ландветтир не любят громкого шума и пугаются кровопролитных драк и сражений. Надо полагать, загрязнение природной среды, мусор и избыток автотранспорта им тоже не по нраву. С теми, кто достаточно восприимчив, чтобы их услышать, духи местности могут говорить напрямую; другим они иногда являются во сне.

И ландветтир, и альвы нередко селятся в каких-нибудь приметных элементах ландшафта, чаще всего — в больших валунах. В поздних исландских гальдрах упоминаются и камни поменьше, так называемые *nátturusteinar*, которые можно использовать в самых разных магических целях (Matthías Viðar Sæmundsson 1992, 435). Слово *nátturar* («существа, создания»), заимствованное из латыни, употребляется в «Саге об Эйрике Рыжем» (глава 4) как общее наименование тех иномирных существ, которых Торбьёрг Малая Вельва приманила, чтобы получить от них предсказания и советы (и для исследователей скандинавского искусства прорицаний это весьма огорчительно, потому что остается неясным, кто имеется в виду: ландветтир, альвы, духи мертвых или божества). В более поздних текстах гальдров этот термин используется

¹ Пер. Т. Ермолаева.

² Пер. С. Масловой-Лашанской.

для указания на то, что какой-то предмет обладает природной силой, но не подразумевает напрямую, что в нем обитает какое-то сознательное существо. Однако в некоторых случаях встречаются намеки на древнее культовое предназначение этих камней, в особенности тогда, когда они применяются в «чарах духов» (*andagaldrar*), — например, указание бросить такой камень в озеро, чтобы увидеть духов (*andar*; Matthías Viðar Sæmundsson 1992, 435), напоминает принятый в Сконе, на юге Швеции, старинный обычай бросать камни в водоемы в качестве приношений в определенные времена года (Olrik and Ellekilde 1926, 374). В центральной части Швеции мел и другие мягкие камни, обкатанные водой, назывались камнями альвов или некков (Norlind 1911, 84). Действительно ли в таких мелких камешках жили духи-*andar* и разумные существа-*nátturar* или эти камни просто открывали возможность увидеть их и пообщаться с ними, непонятно. Но я полагаю, что иногда *nátturusteinar* могли выполнять ту же функцию, что и маленькие резные изображения богов, которые носили при себе некоторые скандинавские язычники. Эти изображения назывались *hlutir* (тем же словом обозначались жребии, посредством которых боги и Урд открывали свою волю или подавали советы, а *hlaut-teinar*, «жеребьевые прутья» использовались как кропила; Cleasby-Vigfusson 1957, 269, 273); они помогали прикоснуться к силе божества, и не исключено, что им приносили жертвы. Здесь можно вспомнить, что Халльфред Трудный Скальд даже после формального обращения в христианство носил с собой «в мошне образок Тора, сделанный из зуба» (скорее всего, из моржового клыка) («Сага о Халльфреде Трудном Скальде», глава 6); Ингимунд из «Саги о людях из Озерной Долины» держал при себе в кошельке серебряный амулет с изображением Фрейра (главы 10, 12), а Эйнар Звон Весов в «Саге о йомсвикингах» (глава 29) получает в подарок гадальные веса и гирьки, на которых были вырезаны человеческие фигурки, — *hlutir sem forn mönnum uar tijtt at hafua* («жеребии наподобие тех, какие имелись у людей в древности»).

Когда ландветтир хотят что-то сообщить людям, чаще всего они являются во снах. Хороший тому пример — знаменитый случай при строительстве авиабазы в Кеблавике: за день до того, как предполагалось убрать строительного участка большой валун, исландскому бригадиру приснилась женщина, которая попросила дать ей немного времени, чтобы переселить семью. Несмотря на возмущение со стороны американских заказчиков, исландцы прождали около двух недель, после

чего бригадиру приснился второй сон: та же самая женщина поблагодарила его и сказала, что теперь валун можно убрать.

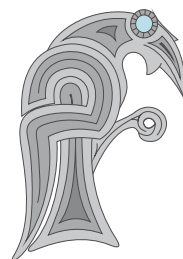

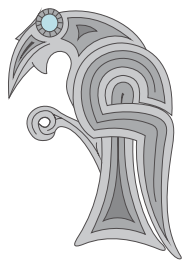
Реверс исландской монеты достоинством в 10 крон

Ландветтир можно встретить и во время духовных путешествий в иные миры, особенно когда эти духи встают на защиту своей земли. В «Саге об Олаве сыне Трюггви» («Круг земной») один колдун отправляется в обличье кита в Исландию, чтобы разведать, как завоевать ее. Но всякий раз, как он пытается выйти на берег, навстречу ему выходят грозные хранители страны: на северо-востоке — дракон, на севере — птица, на западе — бык, а на юго-юго-западе — горный великан, и за каждым из этих огромных духов следуют полчища подобных ему созданий поменьше. Колдун возвращается и докладывает конунгу Харальду сыну Горма, что Исландия слишком хорошо защищена и взять ее невозможно (глава 33). Этих духов-хранителей и по сей день изображают на реверсе исландской монеты достоинством в 10 крон.

Упоминания о языческих приношениях ручьям и рекам, скалам, камням, деревьям и так далее, часто встречающиеся в поздних христианских законах и инвективах христианских священников, в большинстве своем, вероятно, относятся к пережиткам культа ландветтир. Примеры можно найти во «Всеобщем увещании» Карла Великого (ок. 787 г.) и его же «Всеобщем капитулярии для государевых посланцев» (ок. 802 г.), а также в 6-й проповеди Псевдо-Бонифация (ок. 800 г.) (Chisholm 1987). В англосаксонском «Сборнике канонических законов Вульфстана» (ок. 1005 г.) под запретом оказываются как магические, так и религиозные практики:

...мы запрещаем поклонение ручьям и магию, имеющую касательство к мертвым телам, знамениям и заговорам, и поклонение людям, и [всякое] зло, которое люди творят посредством различных заклинаний и в общественных капищах, и близ бузинных деревьев

и прочих деревьев разного рода, и при камнях, и с этими также прочие всевозможные заблуждения, в которых народ упорствует более, нежели ему бы стоило (Griffiths 1996, 98).

Упоминание о бузине здесь представляет особый интерес по причине связи бузиновых деревьев с альвами в позднем скандинавском фольклоре. В целом, поклонение «деревьям и камням» заключалось в том, что к месту поклонения приносили пищу и питье, которые затем съедали и выпивали во имя духа, обитающего в этом месте, оставив ему долю угощения (или, в некоторых случаях, отдавали ему приношение полностью). Память о вере в веттов, связанных с элементами ландшафта, сохранилась и в скандинавских народных обычаях, хотя духов местности в этой традиции не всегда легко отличить от альвов. Если дерево или камень стоят на вершине кургана, их опасаются трогать из страха перед могильным жителем (альвом), который может рассердиться из-за подобного неуважения; если же речь идет просто об одиноко стоящих камнях или деревьях, то они могут почитаться как обиталища ландветтир. Йоун Арнасон приводит внятный пример последнего: близ Хёргсдала в области Скафтафедль (на юге Исландии) росла одинокая береза (единственное высокое дерево во всей округе), к которой относились с большим почтением; когда одна женщина отломала от нее ветку, чтобы погнать упрямую корову, та упала и сломала и ногу, как только женщина коснулась ее этой веткой. «Случилось же так потому, что она ударила ее веткой этого дерева, которого нельзя касаться ни в коем случае» (Jón Árnason 1961, l.466 [482]). Выше уже упоминался эпизод, в котором Гейрмунд Темная Кожа избил своего слугу, который сломал ветку в священной рябиновой роще, чтобы погнать коров («Сага

о Стурлунгах», l.6); здесь о духах местности не говорится прямо, но исходящее от рощи сияние, которое видит Гейрмунд, и его привычка выплескивать молоко от коров, пасшихся в этой роще, указывают на нечто большее, чем обычные фольклорные представления о рябине как о священном/обережном дереве.

Литература

1. Chisholm 1987 = Chisholm, James, tr., ed. *Grove and Gallows*. Austin: Rune-Gild, 1987.
2. Cleasby-Vigfusson 1957 = Cleasby, Richard, and Gudbrand Vigfusson. *An Icelandic-English Dictionary, 2nd edn, William Craigie, supplement*. Oxford: Clarendon Press, 1957, rep. 1991.
3. Griffiths 1996 = Griffiths, Bill. *Aspects of Anglo-Saxon Magic*. Hockwold: Anglo-Saxon Books, 1996.
4. Jón Árnason 1961 = Jón Árnason, collector. *Íslenzkar Þjóðsögur og Æventýri*, 6 vols., ed. Arni Böðvarsson and Bjarni Vilhjálmsson. Reykjavík: Bókaútgáfan Þjóðsaga, 1961.
5. Jónas Kristjánsson 1988 = Jónas Kristjánsson. *Eddas and Sagas*. Reykjavík: Hið íslenska bókmenntafélag, 1988.
6. Matthías Viðar Sæmundsson 1992 = Matthías Viðar Sæmundsson. *Galdrar á Íslandi*. Reykjavík: Almenna, 1992.
7. Meissner 1921 = Meissner, Rudolf. *Die Kenningar der Skalden*. Bonn: Schroeder, 1921.
8. Norlind 1911 = Norlind, Tobias. *Studier e Svensk Folklore*. Lund: Håkan Ohlsson, 1911.
9. Orlík and Ellekilde 1926 = Orlík, Axel, and Hans Ellekilde. *Nordens Gudeverden*. København: G.E.C. Gad, 1926.
10. Ström 1974 = Ström, Folke. *Nið, ergi, and Old Norse moral attitudes. The Dorothea Coke Memorial Lecture in Northern Studies*, May, 1973. London: Viking Society for Northern Research, 1974.

Источник: Квельдульф Гундарссон, «Эльфы, ветты и тролли» (глава II)

Эдред ТОРССОН
Перевод: Дмитрий ДАММЕР

A Book of Troth

Мы продолжаем печать перевода исследования Эдреда Торссона «Книга Трота». Предыдущие главы можно найти в 29-39 номерах «Северного ветра». Текст печатается с сокращениями.

Глава XVIII. Перерождение

Одно лишь в ответ
вымолвил Хёгни:
«Пусть не мешают
долгой поездке,
не вернется она
никогда оттуда!»

(Краткая Песнь о Сигурде,
стих 45)

Многие сейчас пытаются заставить нас поверить, что наши предки особенно не задумывались об участии человеческой души после смерти. Это не так! Хотя их никогда не связывала жесткая догма, их опыт базировался на непосредственном переживании, пронизательном наблюдении за природой и интуитивной мудрости. Развитая ими форма знания была, скорее, комплексной, но не более сложной, чем разнообразный мир и отраженная в нем человеческая душа. Ее элегантная сложность шокировала не только бесхитростных монахов, но и ученых девятнадцатого века. Это знание казалось им разрозненной массой взаимно противоречивых концепций — им никогда не приходило в голову, что люди могли одновременно заниматься самопознанием и повседневными заботами Мидгарда.

Душа, как нам уже известно, состоит из нескольких сущностей, у каждой из которых своя особая задача. Кому-то удобнее считать эти аспекты «уровнями сознания» или «состояниями бытия». Хотя такие аспекты, как *hyde* или *hugh*, важны в отношении участи человеческой души после смерти, для процесса возрождения или реинкарнации гораздо важнее двойник. Двойник может переходить от одного человека к другому после смерти,

точно так же, как счастье может переходить частично или целиком от одного человека к другому. Именно такие странствия двойника после смерти и называются в строгом смысле слова реинкарнацией.

У разных аспектов души разная участь после смерти. *Hugh* может отправиться в Вальгаллу, Хель или любое другое место. *Hyde* может остаться с *lyke* на погребальном холме — либо, если тело сожжено, оба они погибнут, освобождая *hugh* и другие аспекты души. В древности считалось, что *hyde*, оставаясь связанным с *lyke*, порождает феномен «ходячего мертвеца».

Двойник и *lyke* могут возрождаться внутри клана или племени в течение поколений. Недавно умершие предки могут, как считалось, обретать новую жизнь в новорожденных. Эти различные верования не конфликтуют друг с другом благодаря особой позиции понимания души и мира.

Здесь нужно подчеркнуть, что люди древности верили в реинкарнацию не сознания вместе с воспоминаниями, но трансперсональных сил и характеристик — а также в определенные обязательства и склонности. Также это не произвольная, кабинетная форма «реинкарнации», когда души отлетают в отдален-

99...

ные уголки земли, чтобы переродиться где-нибудь в Китае или Полинезии. Возрождение происходит в форме прямого контакта между одним человеком, теряющим своего двойника, и тем, кто его приобретает. Этот контакт может быть генетическим или физическим. Такая передача также возможна посредством мощного волевого акта.

При естественном ходе событий душа отделяется от умирающего и остается в Хель (месте обитания мертвых), пока один из представителей клана (кто-то, генетически связанный с умершим), не рождает нового ребенка. После этого двойник возвращается и начинает воплощаться в новорожденном в течение первых девяти дней его жизни. Последней фазой этой реинтеграции, когда ребенок входит в поток жизни и семейную традицию, является имянаречение. Этот ритуал можно понимать как мифическое или ритуализованное продолжение рода, но древние вкладывали в него гораздо более глубокий смысл.

Правильным именем для ребенка было имя его недавно (или давно) умершего предка. Это имя выбирали либо потому, что предок явился матери, отцу или кому-то из старших родственников во сне в период беременности, либо семья просто «знала», как правильно назвать ребенка. После этого к ребенку относились как к воплощенному родственнику — новый носитель становился обладателем сил, способностей и обязательств предка. Однако новорожденный отличается уникальным и оригинальным *hugh* и *atem*, поэтому здесь пересекаются трансперсональная кровная линия и уникальные личностные качества, идеальное сочетание сил и обязательств прошлого с надеждами и возможностями будущего, чтобы славными деяниями добавлять клану удачи и силы. Поэтому народ и клан в равной мере состоят из живых и мертвых, их можно рассматривать как семейное древо с корнями —

предками, обеспечивающими непрерывную подпитку из мира мертвых, — и ветвями, дающими бесконечную энергию из мира живых.

Это целостное тело знания уходит корнями в древние индоевропейские времена. Похожих верований придерживались греки, кельты и фракийцы. Ведическая индийская форма «реинкарнации» изначально была идентична описанной и только позже превратилась в систему моральных требований.

Подлинный человек больше всего желает переродиться в Мидгарде, потому что этот мир идеально подходит нам. Тем, кто не может двигаться вперед и устал от груза души, уготован вечный покой в Хель, тех же, кто озабочен высшим долгом, ожидают залы Вальгаллы. Но для многих благородных и подлинных душ Мидгарда переродиться в человеческой оболочке и в этом мире есть величайшее благо. Цитата из Эдды в начале этой главы — проклятие, произнесенное Хегни над Брунгильдой, который не желает ей возродиться в этом мире.

Эта метафизика дополняет сказанное в десятой главе как практичная религиозная доктрина, обладающая интуитивной аутентичностью. И продолжается этот процесс вне зависимости от того, верим мы в него или нет, и проследить его можно в истории и фольклоре. Но как практическая система понимания и трансформации личности и мира она будет работать лучше, если мы возродим ее исконные принципы.

Из повседневной практической религиозной работы мы знаем, почему так важно называть детей традиционным образом и следовать ритуалу, данному нам предками. Отсекая детей от ритуального наследия, родители лишают их всего комплекса сил и способностей.

Продолжение следует...

АÐ MAGNA — Наделение силой

Эйнар СЕЛВИК (ВАРДРУНА)
Перевод и комментарии:
Алексей ГЛАЗАЧЕВ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ камней в качестве талисманов, амулетов для различных духовных и лечебных целей — явление очень и очень древнее. Изучая древнескандинавские тексты и археологические источники, мы можем найти четкие доказательства того, что данное явление существовало в наших анимистических традициях намного раньше христианской эры. В анимистическом мировоззрении считалось, что все существа, объекты и явления в природе обладают силой/энергией, духом, даже личностью. Свет, тьма, Солнце, Луна, звезды, земля, огонь, воздух, растения, камни, животные и так далее. Некоторые из имен, которые использовали для обозначения этой врожденной силы, — это *máttir*, *megin* и *magn*, а многознающий человек, искусный в колдовстве (*fjölkyunnigr*), обладал знаниями и способностью направлять, наполнять или наделять силой (*magna* или *auka*) других существ и предметы для использования в различных целях (в том числе влияющих на здоровье человека) как с благими, так и с дурными намерениями.

Куриные боги.

Источник: <https://digitaltmuseum.org>

Текст исландского судебного кодекса *Grágás* (Судебник «Серый Гусь» — первый свод законов средневековой Исландии, принятый всенародным Альтингом и действующий на территории Исландии до перехода под власть королей Норвегии)¹ от 1260 года гласит в отношении языческих обычаев, что запрещено совершать *magna* (наделять силой) камни, чтобы их можно было носить на шее людям и животным для их исцеления. В «Саге о Греттире» мы видим пример, когда колдунья вырезала на коряге руны и наделила её силой (*hafði magnað*). В русских переводах, как правило, — «заколдовала, заговорила корягу».

*«Сделали, как она просила. И, выйдя к морю, она заковыляла вдоль берега, как будто ей кто показывал дорогу. На пути у нее лежала большая коряга — ноша как раз по плечу одному человеку. Она взглянула на неё и попросила перевернуть. Снизу коряга была как бы обуглена и обтерта. Она велела отколоть щепочку с гладкого места. Потом взяла нож, вырезала на корне руны, окрасила их своей кровью и сказала над ними заклинания. Она обошла корягу, пяясь задом, и нашептала над ней много колдовских слов. После этого она велела столкнуть корягу в море и **заговорила её**, чтобы плыла она к Скале Острову, Греттиру на погибель. Оттуда она направилась домой, в Лесной Залив. Торбьёрн сказал, что не возьмет в толк, к чему все это. Старуха сказала, что скоро, мол, узнает. Ветер дул с моря, но старухина коряга поплыла против ветра и быстрее, чем можно было ждать».*

Перевод О.А. Смирницкая. Движение задом наперед и против солнца, против часовой стрелки, очевидно, играло важную магическую роль.

¹ Здесь и далее курсивом выделены примечания переводчика.

101...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

Существуют также примеры того, как можно наделить одежду способностями как вызвать смерть, так и сделать человека, носящего ее, неуязвимым в бою. Другой пример можно найти в Речах Сигдривы, строфа 6, где упоминается, что для обеспечения победы нужно вырезать руны победы на гарде клинка или рукояти меча и дважды призвать Тюра, т.е. наделить оружие силой с помощью рун, закрепляя действие словом, голосом. *Подробнее о том, как трактовать данный фрагмент «Речей Сигдривы» можно прочитать в 15 номере Северного Ветра. Северный Ветер. Куда наносить руны победы — вопросы к Сигдриве. Июнь 2016 года.*

Из всех способов передачи или контроля *meðin*, сила слов — произнесенных или написанных, — без сомнения, является наиболее могущественным. Использование неправильных слов потенциально может привести к серьезным и опасным последствиям, в результате чего подобные действия (по наделению силой) должны совершаться в тишине. Данная работа требует полного внимания колдуна, и в источниках представлен обширный перечень того, что делать и чего не делать — в зависимости от цели и обстановки. Некоторые правила: не оглядывайся, не разговаривай, не ешь, не пей и не испражняйся во время работы. Время и место. Некоторые магические действия требуют отказа от ношения какой-либо одежды или ношения её наизнанку. В тех случаях, когда магия слова играет главную роль, важно не быть беззубым — необходимо держать нож во рту, произнося слова заговора.

Ещё одним примером использования камней в качестве амулетов является такое шведское понятие как *Åltstenar*. Их хранили в семье, передавая из поколения в поколение, что чем-то напоминает традицию домашних богов, домашних духов защитников. Чем старше были камни, тем больше силы, как считалось, в них заключалось. Их можно было носить как ожерелье или класть в маленький мешочек с намерением принести удачу, исцеление или защиту для носящего. Заботливые родители вешали их на шею своим детям, чтобы защитить их от болезней. Зачастую это были камни с отверстием (природного образования) или каменные завитки, найденные в земле, либо имели форму фаллоса. Известны истории, когда люди наливали воду или напиток сквозь отверстие в камне (а также соскребали с него каменный порошок) в лечебных целях.

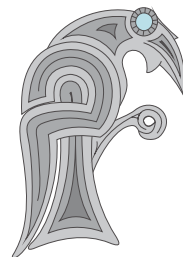
Сравните это с русским понятием «куриный бог». Согласно А. Н. Афанасьеву, в Костромской губернии такой куриный камень вешали как талисман в курятнике, чтобы кикиморы не давили кур.

Отметим также, что в тувинском шаманизме существует особая практика, заключающаяся в том, что желающему собрать гадательный набор, инструмент *хуваанак*, необходимо найти ровно 41 камень из разных источников. Чем более редкими будут камни (например, из зоба птицы), тем лучше. Аналогично шведскому *Itstenar*, данный набор также хранился как семейная реликвия.

Известно, что уже в эпоху палеолита и неолита существовал символ в виде круга, имеющий смысл Неба и Солнца и превратившийся впоследствии в единый солярный символ. Магическая семантика солнечного символа распространилась на многие предметы с отверстием посередине, например кольца, обручи, венки, выпечку (бублики), камни с дырками и многое другое. Более того, языческие святилища при взгляде на них сверху также представляли собой круг. Одним из вариантов переосмысления данного символа, существующего в наши дни, служит цирковая арена. Интересно отметить, что лошади бегут по цирковой арене всегда против часовой стрелки...

Источники информации:

1. Hyttén-Cavallius: *Wärend and Wirdarne I-II Reichborn-Kjennerud, I.: Vår gamle trolldomsmedisin I-IV*
2. J. Storaker: *Rummet, Elementerne*
3. A. Chr. Bang: *Norske Hexeformularer og magiske Opskrifter*
4. Fritzner: *Lappernes Hedenskab og Troldomskunst*
5. Grágás
6. Сага о Греттире
7. Речи Сигдривы
8. С.М. Макаров *Шаманы, масоны, цирк. Сакральные истоки циркового искусства.*

Хильда Родерик ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН
Перевод: ESGAL

Дорога в Хель

В этом номере мы начинаем публиковать полный перевод книги Хильды Родерик Эллис-Девидсон «Дорога в Хель». Благодарим переводчика Esgal за предоставленную возможность.

ВВЕДЕНИЕ

— Разве тебе не хочется выглядеть владыкой, что победил всех своих врагов, а также был красив и безупречен во всем, так что во всех северных землях не знали ему подобных? Что в битвах даровал победы себе и своим сторонникам, а стихи приходили к нему так легко, как речи к другим людям?

Тогда король сел в кровати, схватил молитвенник и метнул его в голову незнакомца, воскликнув: «Меньше всего я похож на тебя — ты злой Один!»

Сага об Олафе Святом: Книга с Плоского острова
Óláfs Saga Helga: Flateyjarbók II, 56.

Для древнескандинавской литературы характерно, что конунг Олаф Трюггвасон и его преемник Олаф Святой, с трудом стараясь установить христианскую веру в Норвегии, вели много подобных бесед со старыми богами. Даже в одиннадцатом веке сила богов не была уничтожена, и мощь и красота старой религии по-прежнему оставались грозной силой в умах людей. Этот одноглазый незнакомец, о котором мы говорим, проложил свой путь к королевскому ложу мудростью своей речи и богатством историй, что мог рассказать о правителях и героях старых времен; и неотразимое обаяние, которое эти легенды оказывали на жителей Скандинавии спустя века после христианизации, привело в результате к богатой сокровищнице языческих традиций, сохранённых для нас старонорвежской литературой. Даже такой серьёзный молодой фанатик, как король Олаф Святой, не смог полностью закрыть уши от обольщения Одина.

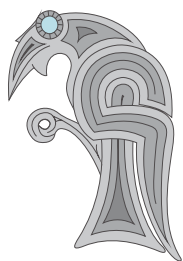
Но, несмотря на всё богатство и юмор мифологии, всю информацию, дарованную нам об языческих обычаях и верованиях, дохристианская религия Скандинавии остаётся,

как ни парадоксально, темой, о которой мы знаем очень мало. Действительно, христианство поздно пришло на Север и было принято Исландской Ассамблеей в 1000 г. н.э., спустя четыре века после создания Св.Августина в Кенте и спустя значительно более четырёх столетий со времени, когда первые миссионеры достигли Шотландии и Ирландии. Также верно, что преданность прошлому, характерная для дошедших до нас текстов скандинавской литературы, не имеет аналогов среди других ранних литератур северо-запада Европы. Однако нет сомнения, что те, кто записал прозу и поэзию Скандинавии, жили после пришествия христианства и что описываемое было для них не живой верой, но старыми верованиями прошедших времен. Возможно, они очень много знали об языческой религии и не могли предположить, что их читатели не обязательно будут владеть этими знаниями, в результате чего они оставляли отрывки, которые нам непросто соединить, или намеки, которым в нашем невежестве мы не можем следовать. Или зачастую, направленность их интереса отличалась от нашего, и есть вероятность, что сведения приводились лишь для того, чтобы улаждать любопытного читателя.

103...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

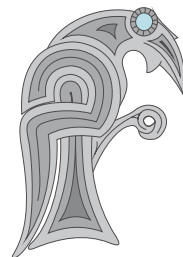

Но сплошь и рядом оказывается, что они сами мало знали о том, что записывали, так что нам предлагается разбираться с массой непонятных деталей, или чаще пытались дать объяснение с точки зрения их собственных мыслей. Или, если они сами не чуждались творчества писателя, как Снорри Стурлуссон, коему мы обязаны великим сборником скандинавской мифологии — *Прозаической Эддой*, — возможно, могли решиться создать новую структуру из старого материала, как подскажут им воображение и стремление к логичности. Что в результате дало некоторые из лучших сюжетов скандинавской литературы, но принесло наибольшие заблуждения всем, кто пытается раскрыть природу древнескандинавской языческой мысли.

В этой книге предпринята попытка собрать свидетельства, связанные с важным аспектом северного язычества: представления об участии человека после смерти. Концепция, которая обрела в общественном представлении сильнейшую притягательность — образ воинского рая, Валгаллы, и поначалу вызывает удивление, открытие, что это лишь одна из многих противоречивых картин царства мёртвых, более того, занимающая лишь очень небольшую часть в дошедшей до нас прозе и поэзии. Одна из многих проблем по-прежнему ожидающих решения — можно ли из огромного скопления информации, относящейся к мёртвым, вывести какое-то определённое и последовательное описание иного мира и судьбы человека после смерти. В попытках найти решение нам могут помочь сведения, предлагаемые как археологией, так и литературой, в частности, о похоронных обычаях; и нельзя пожелать более драматического начала, чем представления исследованных в Скандинавии языческих захоронений с их наполненными сокровищами погребальными кораблями и человеческими жертвоприношениями. Помимо изучения погребальных обычаев, исследование, подобное этому, должно включить в себя всё, что может быть обнаружено о концепции мира или миров мёртвых, все следы культа мёртвых, какие были записаны, и все сведения, какие литература может сообщить о природе жизни после смерти согласно языческой парадигме. Наконец в заключительных главах мы перейдём к некоторым концепциям, связанным с отношениями между мирами живых и мёртвых, которые представляются не менее значимыми. Здесь нужно рассмотреть два основных аспекта: обращение живущих к умершим за информацией и вхождение живой души в мир мёртвых ради постижения его секретов.

Цель данного исследования состоит, во-первых, в том, чтобы ознакомиться с материалом, который предлагает нам по этим вопросам древняя скандинавская литература, и разглядеть, если такое возможно, какой-либо непротиворечивый блок дохристианских представлений о жизни после смерти и связи между мёртвыми и живыми. Во-вторых, выяснить, действительно ли не существует никакой связи между обычаями, отражёнными в прозаической литературе, и Песнями Эдды, представляющими мифологические сюжеты. Несмотря на огромное количество полезных филологических и критических работ, написанных об этих поэмах, они, по большей части, до сих пор остаются нам непонятными, и, возможно, новый свет сможет пролить на них подход, основанный на информации, полученной из прозаической литературы. Сразу можно сказать, что главной трудностью станет различение литературных преданий и описаний реальной практики и верований. Очевидно, что для окончательных выводов необходимы широкие познания в истории и эволюции литературных форм, а также знания исторического фона в языческий период в Скандинавии и соседних землях. Эта работа совершенно не претендует на окончательность; она не более чем вступление, чтобы расчистить пашню для дальнейших трудов, и в ней я не рассчитываю сделать больше, чем попытаться разобрать и систематизировать имеющиеся сведения и посмотреть, не удастся ли различить основные направления их согласования.

Более того, даже располагая мы методом выяснить, к примеру, происхождение таких Песен Эдды, которые кажутся нам созданными в их первоначальном виде в языческие времена, мы не решили бы нашу проблему. Разумеется, мы всё равно встретились бы с конфликтующими и противоречивыми данными, запутанными и непоследовательными, потому что в языческий период на Севере не существовало столь единообразной старой веры, чтобы завещать нам непоколебимую основную часть истины или её логическую полноту. Здесь нет тридцати девяти заповедей языческих верований, скрывающихся за неясностями скандинавской мифологии или неразберихой странных практик, отражённых в сагах. Правда, есть некоторые особенности, позволяющие оценить значение литературы, в частности, скальдической поэзии, где в большинстве случаев можно с достаточной точностью определить авторство и дату, которая в некоторых случаях несомненно восходит ко временам языческого конунга Харальда Прекрасноволосого, и которая является важ-

ным источником наших знаний о языческой мысли до конца Эпохи Викингов. Но, памятуя об этом, следует придать особое значение факту, что большинство известных нам источников в их нынешней форме было записано только в христианские времена, в XIII веке или позже. Христианизация Севера означала, что в литературу пришёл новый и всепоглощающий интерес, хотя мощь нового классического учения и философии в Скандинавии никогда не была столь могущественной и всепобеждающей, как в англо-саксонской Англии, и, кроме того, у древних знаний было четыре драгоценных века, чтобы развиться и утвердить себя более глубоко. Также она означала, как уже подчеркивалось, что к изначально непорочному материалу были теперь добавлены новые трудности. Но нужно помнить две вещи: во-первых, с приходом христианской культуры языческая литература была впервые записана в письменном виде и тем самым поймана и зафиксирована в постоянной форме; а во-вторых, никогда не существовало какой-либо проблемы христианизации, разбивающей на фрагменты некую структуру, существовавшую как единое целое. На всём протяжении языческого периода вера и мысль были подвижными и текучими, различаясь благодаря местной культуре, развиваясь в соответствии с личными влияниями в отдельных районах; и отражающая их устная литература тоже была подвижной и развивалась. Необходимым первым шагом в реконструкции природы языческой мысли в Скандинавии будет понимание, сколько многое нам удалось установить и сохранить, и тщательная оценка имеющегося в нашем распоряжении богатства прежде, чем мы проследим его истоки. После этого можно двинуться дальше, и в ходе этой книги я надеюсь указать наиболее плодотворные направления для последующего изучения. На данный момент мне кажется, что первым большим испытанием будет проверка согласованности.

Согласованность между различными источниками может быть установлена несколькими способами. Это может быть близкое вербальное отражение, параллельные формулировки и повторение одного мотива, так как такие индикаторы в литературе указывают на заимствования одного источника из другого, или намеренное использование определенного стиля установленной формы. С другой стороны, когда мы находим ряд источников, очень различающихся по стилю, содержанию, деталям и обработке, которые всё-таки выглядят опирающимися на общий базис преданий, воспоминаний и представлений, мы вправе требовать более глубокого,

чем простое подражание, согласования, которого, возможно, неосознанно могли придерживаться, чтобы как-то отразить в поздней литературе мысли, записанные в ранние времена. В таком случае останутся противоречия, недоразумения и небольшие несоответствия, но будет возможно воспринимать перевешивающее их глубокое соответствие с генеральной линией. Это ни в коем случае не аргумент за субъективный подход к ранней литературе; напротив, подход должен быть строго объективным, а доказательства устанавливаться или исключаться строго по существу, без подгонки или искажения полученной информации; в противном случае эта сверка содержания превратится в насмешку. Также нужно обработать большой объём информации, прежде чем представить какое-либо заключение о генеральном направлении; но в случае старонорвежской литературы мало оснований жаловаться на скудность поля, которое, скорее, приводит в замешательство невероятным богатством, чем бесплодием.

Этот подход особенно важен для понимания эпизодов исландских саг, связанных со сверхъестественным. В то время как считается общепризнанным, что большинство из них основано на поступках исторических лиц и зафиксированных местных обычаях, отрывки, в которые привнесён сверхъестественный элемент, часто рассматривают с подозрением и упускают из рассмотрения как вымышленные вставки для оживления рассказа. Однако высокое литературное качество саг в целом означает, что их сюжетам придавались форма и единство, которые никак не могли быть результатом простой рабски точной фиксации фактов; но сколь многое из языческого окружения следует отнести к творческому воображению и создающей руке сказителей, работавших над изначальными преданиями о местных героях? Остаётся посмотреть, достаточно ли в этих преданиях дано описаний языческих практик, чтобы полагать, что они основаны на реальных настоящих традициях, обычаях и воспоминаниях языческого периода. Проверка последовательной картины углублением не в детали и формы повествования, но в фундаментальную основу, которая остаётся узнаваемой и убедительной, выглядит здесь наиболее подходящим требованием. Что касается «саг о древних временах» (Fornaldar Sögur), то эти записи в их нынешнем виде являются поздними, и невозможно основывать какие-либо выводы только на их показания. Но они имеют большое значение для целей сравнения, и будет показано, что отрывки из них иногда служат для проясне-

105...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

ния сведений, полученных из более надёжных источников, учитывая, что значительная доля их материала бралась из подлинных преданий, хотя и не идеально запомненных с языческих времен.

Есть два дополнительных способа, которыми можно проконтролировать надёжность литературных записей. Первый заключается в сравнении их с данными археологии, которые иногда могут предоставить информацию о ранней истории, если другие источники дают сбой, и обеспечивают историческое документирование похоронных обычаев языческого периода, важное для любого исследования, в частности, связанного с верованиями о мёртвых; это, как уже было сказано, будет использовано в полной мере. Другой метод, требующий осторожности и подлежащий обсуждению, состоит в том, чтобы проводить сравнения с языческими практиками за пределами региона. Иногда записи современных антропологов дают нам информацию о нехристианских практиках в других регионах мира,

обнаруживающих поразительное сходство с теми, что описаны или упомянуты в древней скандинавской литературе, и, таким образом, предлагают дополнительные основания считать ценными определённые моменты в литературных описаниях. Как археологический, так и антропологический материал может быть опасным, если применяется слишком свободно и некритично, но я считаю, что до сих пор оставалась в достаточной степени строга в рассмотрении вопросов скандинавской языческой мысли. Бесспорно, однако, что только литература и, в частности, творчество поэтов, может обнаружить для нас что-либо прошедшее через сознание людей древней веры и разных эпох. Я бы с убеждённой уверенностью повторила слова, которыми Снорри Стурлуссон, первым попытавшийся систематизировать записи языческой религии его народа, завершает предисловие к своей *Cage об Инглингах* (Ynglinga Saga):

«Песни скальдов, как мне кажется, всего меньше искажены, если они правильно сложены и разумно истолкованы».

ЧАСТЬ 1

Погребальные обычаи: свидетельства археологии

«Время, которое иссушает древности и смывает искусство, превращая в пыль, пока пощадит эти грустные памятники».

Сир Томас Брауни, «Урна праха»

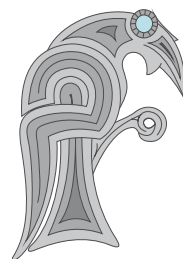
Упокоение мёртвых в языческие времена

Если мы желаем знать, что думали люди в языческие времена о загробной жизни, естественно в первую очередь обратиться к данным археологии. Могила — это неоспоримый свидетель; незначительные или широкоформатные изменения обычаев, важность похоронного ритуала при захоронении умерших, выбор предметов, положенных рядом или уничтоженных вместе с телом — всё это она сохраняет для нас как непреложные факты, которые не могут быть подвергнуты сомнению. Любое собранию литературных текстов о загробной жизни полезно предварить исследованием этих фактов в качестве пробного камня, которым можно проверить неясные или противоречивые тексты литературных записей.

Но археология может рассматриваться как наука только, пока она остается чисто описательной; едва мы принимаемся за интерпретацию, как надёжное мерило уходит. Неопределённость возникает не только из-за неполноты нашего знания, но и когда мы

оставляем обычаи и обращаемся к стоящими за ними убеждениям, то имеем дело с чудачествами и реакциями человеческого разума, прихотями детства человечества. Более того, хотя интеллект людей, чьи обычаи мы изучаем, может быть на ранней стадии развития, имеет смысл учитывать контакты с другими народами различных ментальных уровней, и внешние влияния могут сыграть странные шутки, которые нельзя предугадать логически. Мы не можем надеяться, что только из археологических данных о языческой Скандинавии получим материал для однозначного ответа на вопрос верований о том, что случится с покойным. Но самые сжатые выводы из имеющихся в нашем распоряжении богатых и комплексных материалов окажутся, возможно, наиболее удачным вступлением в исследование языческих верований о загробной жизни.

Мы можем вернуться в прошлое к началу Бронзового века, то есть к периоду I по Монтелиусу. В то время практика совместного погребения групп людей в одной могиле уступала место отдельным захоронениям, с телами, лежащими на земле в скорченном

положении. В первой фазе среднего бронзового века (Монтелиус, II) часто используются гробы из камня или дуба, но на протяжении всего этого периода, пока ингумация была преобладающим обрядом, нормальной формой могилы являлась каменная погребальная камера в кургане. Затем в период III наступили резкие изменения, и в некоторых районах мёртвых стали сжигать, а не хоронить. В Скандинавии новому обычаю суждено было прожить долго, он не мог окончательно умереть едва не до обращения Севера в христианство спустя почти две тысячи лет. Представляется, что он попал на север через Германию, распространяясь медленно, но с такой поразительной основательностью, что наконец старая практика ингумации, которая так долго оставалась единственной, в период III-b по Монтелиусу полностью заменяется новой¹. Когда впервые появились кремация (период III-a), обгоревшие останки по-прежнему помещали в каменную камеру размером в человеческий рост; но в течение следующего периода (III-b), когда всеобщим обычаем стало трупосожжение, могила соответственно изменилась, и каменная полость, в которую помещали тело, теперь ужалась до маленькой, похожей на коробку каменной камеры, содержащей урну. Если возводились курганы, то небольшие; иногда урны помещали в насыпи более раннего периода, а иногда даже в конце Бронзового века (позднее IV периода по Монтелиусу) хоронили в плоских могилах.

Но хотя переход от погребения к сожжению кажется завершённым в конце Бронзового века, некоторые могилы, датируемые переходным между Бронзовым и Железным веками периодом, оказываются странным исключением из общего правила и показывают, что в некоторых местах либо никогда полностью не оставляли погребение мёртвых, либо ввели заново. На Готланде в некоторых могилах раннего Железного века находили несгоревшие тела²; считалось, что это следы кельтского влияния, но поскольку там никогда не производилось научных раскопок, никаких определенных выводов сделать нельзя. Несколько подобных захоронений позднего Бронзового века были найдены на восточном побережье Балтийского моря в Эстонии³, и, вероятно, есть одно в Биллербеке в Померании⁴. Самой большой загадкой являются найденные на Готланде могилы в форме кораблей⁵. Способ захоронения в них — кремация, хотя есть не-

сколько могил с труположением, но во всех случаях останки в урне, каменной камере или же в гробу находятся внутри могильной ограды из вертикально стоящих камней в виде корабля. Датировка этих могил варьируется, по-видимому, от эпохи поздней Бронзы до раннего Железного века, те, в которых найдены скелеты, сооружены, в целом, позже, чем могилы с трупосожжением. Для других «могильных кораблей» — на Борнхольме⁶ и в Латвии⁷ — предлагается датировка поздним Бронзовым веком, хотя убедительных доказательств нет.

Если не считать таких отдельных исключений, как описаны выше, кремация остаётся общим приёмом на протяжении всего раннего Железного века. Однако следует отметить некоторые изменения в обработке останков. В более ранний период после сожжения останков из погребального костра удаляли кости и промывали их перед помещением в урну, теперь же сопровождающие предметы сжигают вместе с телом на том же костре, и перемешанную массу останков помещают в урну и рассыпают вокруг без попытки разделения⁸. Эта практика тоже, по-видимому, пришла в Скандинавию из Германии через Борнхольм. Как можно ожидать, следующим шагом должно было стать захоронение без урн⁹. В некоторых померанских могилах останки были сложены в маленькие кучи без удерживающих их урн, а дальнейшим развитием стало рассеивание остатков костра по всей могиле. Новый обычай распространялся привычным путём и полностью оформился на Борнхольме во второй период культуры Ла-Тёне. Тогда же стало обычным вместе с покойником сжигать на погребальном костре оружие, погнутое или перекрученное перед помещением в могилу.

В Римский период, начинающийся с первого века н.э., даже далекой Скандинавии коснулись римская культура и обычаи, и под новым влиянием на север снова вернулись захоронения мёртвых. По римским правилам совершения погребения, умершего человека оставляли лежать в земле в окружении всего необходимого для великолепного пира, так что могилы этого периода наполняли кубки, сосуды и запасы еды и питья, а не мечи со щитами да доспехи воина. Это особенно актуально для Дании, где более богатые районы оказались более открытыми влиянию культуры Юга, чем Норвегия и Швеция, и, начиная с этого времени, датские погребальные обычаи, как

1 M. Ebert, *Præhistorische Zeitschrift*, 1922, XIII-XIV, p 15

2 O. Almgren, *Die ältere Eisenzeit Gotlands* (Stockholm, 1923), p. 3.

3 Ebert, XIII, p. 5.

4 Ibid. II, p. 23 f.

5 Ibid. IV, p. 408 f.

6 Ebert, II, p. 117.

7 Ibid. XIII, p. 6.

8 'Brandschüttungsgräber', *ibid.* II, p. 122 f

9 'Brandgrubengräber'. *op. cit.*

правило, развиваются по собственному пути, особняком от остальной Скандинавии; примером может служить факт, что в Норвегии и Швеции снова вошли в обиход могильные курганы и мемориальные камни, в то время, как в Дании могилы по-прежнему оставались по большей части плоскими. Кремация тем временем совершалась в течение всего периода бок о бок с ингумацией.

В результате римского наследия, оставленного эпохой Переселения Народов, раскол между Данией и остальной Скандинавией стал более явным, а в Норвегии и в части Швеции курганы становились крупнее, и мёртвых укладывали в них полностью одетыми, мужчин — с оружием, а женщин с полной бытовой экипировкой. Пожалуй, шведскому Венделю принадлежат наиболее впечатляющие из найденных захоронений. Там в серии могил, которые, по-видимому, датируются с шестого века по десятый с непрерывной преемственностью, захоронен род конунгов, главным образом, в собственных кораблях. Но не было забыто и трупосожжение, к этому времени относятся великолепные гробницы конунгов старой Упсалы, и вновь среди имущества сожжённых покойников видны корабли. Погребальные ладьи находят в обоих типах могил с 500 г. от н.э. В течение седьмого века наблюдается тенденция к упрощению похоронных обычаев, возможно, под влиянием Меровингов¹⁰; но в Дании при этом ничего не изменилось. Однако в Норвегии и Швеции в эпоху Викингов обнаружилось движение в противоположном направлении. Не только высокородных покойных, но мужчин и женщин по всей стране обеспечивали и личными вещами, и всеми обычными предметами повседневной жизни, такими как сельскохозяйственные орудия, кузнечные инструменты, кухонный инвентарь и всё необходимое для прядения и ткачества и работ по дому. Имущество помещали в могилу, а лошадей и собак приносили в жертву для сопровождения их владельца. Именно к этому периоду принадлежат и Гокстадский, и Осебергский сложные погребальные корабли, которые будут описаны далее.

На протяжении всей эпохи Викингов любимым видом захоронения как при кремации, так и при ингумации был курган, но он отнюдь не оставался неизменной формой могилы; есть также немало примеров гробниц, сделанных из камня, и есть также случаи плоских могил, врытых глубоко в землю без насыпанного поверх кургана. В некоторых местностях

появившиеся в восточной Норвегии в эпоху Переселения Народов бревенчатые палаты продолжали строить и в эпоху Викингов с курганами или без; иногда покойники помещались в них в сидячем положении.¹¹

Между тем трупосожжение продолжалось в Скандинавии вплоть до конца эпохи Викингов. В конце девятого века, когда Исландия была колонией, мы не находим никаких свидетельств кремационных захоронений среди ранних поселенцев, и поэтому может возникнуть соблазн предположить, что в то время обычай не был широко распространен. Но в разных частях Скандинавии ситуация значительно варьировалась¹². В Дании ингумация была практически повсеместной в течение всей эпохи викингов, за исключением Ютландии, где несколько могил с трупосожжением могли появиться благодаря переселенцам из Норвегии или Швеции. На Готланде преобладало трупоположение; в Зеландии количество кремационных и ингумационных могил, пожалуй, одинаково; в Швеции, однако, кремация доминирует, за исключением Сконе, и то же самое может быть сказано про Норвегию в целом, хотя здесь имеется широкое территориальное разнообразие. Изучение данных археологии из внутренних её регионов, проведенное Е. С. Энгельштадом в 1926 году¹³, показывает, что в десятом веке в этих местах ещё преобладали кремационные могилы, хотя к этому времени количество ингумационных могил значительно возросло. В одиннадцатом веке цифры были почти равными, могилы с трупосожжением ещё незначительно преобладали. Рассматривая эпоху Викингов в целом, мы видим, что количество кремационных могил превышает ингумационные, но различие гораздо более заметно во внутриконтинентальных районах, чем в западных прибрежных областях¹⁴, где трупоположение быстро стал популярным. Существуют также различия в ориентации; Шетелиг в своём обзоре Западного региона показал, что большинство скелетов уложены головой на север, но во внутренних областях до тех пор, пока в десятом-одиннадцатом веках не была принята христианская ориентация, обычной процедурой было обращение тела лицом к западу, что должно означать, как указывает Энгельштад, влияния двух раз-

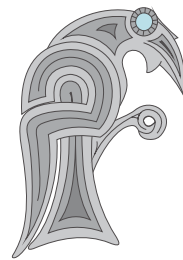
11 Almgren, 'Vikingatidens grafskick i vckrligheten och i den fornordiska litteraturen' (Nordiska Studier til. A. Noreen, Uppsala, 1904), p. 310 f.

12 Almgren, op. cit. p. 318 f.

13 Engelstad, Bergens Museums Aarbok, 1926, p. 40 f.

14 Statistics as follows: in Western Norway, 107 cremation graves to 73 inhumation; in Central Norway 110 cremation graves to 20 inhumation (Engelstad, p. 62).

10 Shetelig and Falk, Scandinavian, Archaeology (trans. Gordon, Oxford, 1937), p. 261 1.

личных культур. Хотя западный регион был обращён в христианство первым, многие его ингумационные могилы, несомненно, языческие, что видно из большого количества обращённых лицом на север, и так как здесь трупосожжение исчезло прежде, чем Исландия, в основном, была колонизирована, у нас есть разумное объяснение отсутствия в ней кремационных могил.

Однако в Норвегии кремация продолжалась до конца одиннадцатого века. Также есть доказательства её существования вплоть до десятого века в шведских поселениях в Северной Руси¹⁵, где по некоторым кладбищам хорошо виден переход от кремации к ингумации. Описание сложной церемонии трупосожжения осталось от арабского путешественника, который утверждал, что был её свидетелем на Волге в 921 году в поселении, которое можно предположительно считать скандинавским.¹⁶ Видимо, практика сжигания мёртвых продолжалась на севере, пока христианство не установилось столько прочно, что трупоположение наконец стало всеобщим обычаем. Примеры Норвегии и Исландии показывают, что в девятом веке оно больше не является неотъемлемой частью языческой религии, но ситуация, видимо, различалась в разных частях Скандинавии. Алмгрен¹⁷ поясняет, что в целом в более прогрессивных и богатых регионах Скандинавии широко использовалась ингумация; и он предполагает, что так могло быть вследствие влияния южных христианских стран, чувствовавшегося в скандинавских погребальных обычаях задолго до того, как туда пришло само христианство. Вопрос идентификации христианских могил в конце эпохи Викингов в любом случае является чрезвычайно трудным, так как представляется несомненным, что и после обращения в христианство с умершими по-прежнему хоронили сопроводительный инвентарь, что также обнаружено и в англо-саксонской Англии.¹⁸ Алмгрен предполагает, что плоские, выложенные камнем могилы, найденные в Бьёрке и в других местах, куда покойников укладывали в гробах, могут быть первыми явно христианскими погребениями.

Из этого краткого обзора похоронных обычаев наглядно выделяются определённые изменения в практике, предполагается, что у тех, кто их произвёл, должны были появиться новые идеи о захоронении и жизни

после смерти. Первое и самое поразительное — это переход от ингумации к сожжению в Бронзовом веке. Вдохновлялось ли это желанием освободить дух умершего от заточения в тюрьме тела, или тревогой, требующей защитить живых от вредного влияния трупа, пока тот ещё оставался не уничтоженным? Было ли это, кратко говоря, рождено из любви или из боязни мёртвых, или из комбинации того и другого? И не отражает ли новая практика новую концепцию иного мира, куда может беспрепятственно путешествовать дух? Это вопросы, которые уже давно и широко обсуждаются, и в поддержку различных теорий приводятся практики из многих частей мира; но последнего слова пока не сказано.¹⁹ Доказательство, связывающее кремацию с огненным жертвоприношением, с одной стороны, и с культом бога Солнца с другой, стало бы, пожалуй, самым впечатляющим. Очень вероятно, что единственного ответа не существует, и что вовлечено множество различных влияний; но мы можем быть уверены, что принятые с таким единодушием по всей Европе столь радикальные изменения должны были удовлетворять самым сокровенным чаяниям и представлениям о мёртвых, бытовавшим среди широко расселённых народов, и в то же время они предполагают тесную связь между практикой и верой в далёких друг от друга регионах. Археология сама по себе никогда не откроет нам смысла кремации для её практиковавших; в дальнейшем мы увидим, смогут ли литературные доказательства пойти дальше.

Считается, что в начале железного века происходит дальнейшее изменение в погребальном ритуале, когда стало обычным сохранение всех остатков костра и захоронение в могиле без попытки отделить кости от сопровождающего инвентаря.²⁰ Такой шаг мог подразумевать лишь небрежность, но, с другой стороны, также мог означать прямо противоположное — более скрупулезный уход, чтобы исключить утерю незамеченных мелких фрагментов, либо чтобы мёртвым не пришлось страдать, либо в целях предотвращения возможности причинения ими вреда живущим. Согласно путешественнику, посетившему короля Альфреда, такой тщательный надзор за сожжением тела характерен для эстонцев в гораздо более поздние времена²¹: «Среди эстонцев существует

¹⁹ For a summary of recent work on the subject see Almgren, *Nordische Felszeichnungen als religiöse Urkunden* (Frankfurt, 1934), p. 304 f.

²⁰ Ebert, II, p. 122 f.

²¹ Вставлено Альфредом в его перевод Оросьюса. Важные фрагменты, данные в A. J. Wyatt, *Anglo-Saxon Reader* (Cambridge, 1925), p. 15.

¹⁵ Arne, *La Suède et l'Orient* (Uppsala, 1914), p. 23 f.

¹⁶ Подробнее в следующих главах «Погребальные лады» и «Человеческие жертвоприношения».

¹⁷ Almgren, *op. cit.* p. 319.

¹⁸ Lethbridge, *Camb. Antiq. Soc. (N.S.)*, III, p. 82.

обычай,» — говорит он, — «что родственники должны сжигать умерших, и если одна кость тыщется несгоревшей, их настигнет тяжёлая расплата».

В рамках римского периода возвращение ингумации вследствие изменения убеждений выглядит весьма сомнительным; оно могло стать частью волны южной моды благодаря контакту со знаниями античного мира, воспринятой с лёгкостью, потому что за кремацией не стояло каких-либо определённых идей о загробной жизни. Так или иначе, бок о бок сосуществовали две практики с многообразными местными вариациями, как затем и в Норвегии.

Следует заметить, что время коренного изменения пришло позже, в конце языческого периода эпохи Викингов, когда простоту, отличавшую похоронные ритуалы в седьмом и восьмом веках, в Норвегии и Швеции внезапно сменило новое усовершенствование в выборе сопровождающих предметов для представителей всех сословий. Мёртвым стали предоставлять максимально полное обеспечение, личные вещи, оружие, инструменты и предметы домашнего инвентаря, тогда как чтобы сопроводить их, приносили в жертву животных, и при похоронах величайших людей, будь то мужчины или женщины, приносили с впечатляющим размахом множество сокровищ и жертв. Принесение в жертву людей наравне с животными представляется вероятным, хотя конкретных доказательств этого у нас нет. Такую внезапную и радикальную перемену, сопровождаемую великим множеством проблем и затрат, трудно объяснить чем-либо, кроме новой и сильной заинтересованности в загробной жизни и желания предоставить мёртвым всё необходимое для неё. Возможно, как предположил Шетелиг,²² детально разработанные похороны христианских королей Мервингов вызвали у языческих правителей Норвегии желание им подражать. Но мы не обнаруживаем таких богатых могил в Дании, и увеличение объёма сопровождающих предметов не ограничивается высшими классами, так что создаётся впечатление, что обеспечение мёртвых имуществом стало необходимым пунктом в мышлении язычников. Пожалуй, заслуживает рассмотрения вопрос, не могли ли какие-либо новые идеи прийти с юго-востока торговыми путями через Россию? Примечательно, что у нас имеется описание погребального корабля на Волге десятого века, чей изощрённый церемониал со-

здаёт картину, по внушительности подобную сокровищам Осебергского корабля.

В этом месте может быть полезен краткий обзор свидетельств о человеческих жертвоприношениях. Видимо, они были известны ещё в Бронзовом веке; содержимое двух раскопанных курганных захоронений позднего периода, как минимум, весьма двусмысленно. В «Могиле конунга Бьёрна» в Упсале²³ внутри кургана в деревянном гробу в рост человека лежали обгоревшие останки мужчины, а снаружи гроба находились несгоревшие кости, по крайней мере, трёх взрослых человек, один из них, несомненно, женского пола. Здесь, при возможном сатти²⁴, мы видим отвратительный пример каннибализма, потому что одна из человеческих костей продольно расколота, словно для извлечения костного мозга. Датировка сопровождающего инвентаря захоронения даёт IV период Бронзового века, хотя ростовой гроб, содержащий обожжённые останки, и богатство предметов отсылает к более раннему периоду. Во втором кургане, что в Седдине в Бранденбурге,²⁵ сопровождающие предметы предполагают аналогичную дату и согласующийся период IV-V. В данном случае в изящной бронзовой урне, помещённой в глиняную, у нас есть кремированные останки мужчины, в то время как в двух других глиняных урнах находятся останки двух женщин, возраст одной между двадцатью и тридцатью годами, вторая младше. Предположение о человеческих жертвах в этих могилах подкрепляется открытием в торфяном болоте в шведском Вемерлёве²⁶. Там найдены два некогда перекрытых заострёнными кольями искусственных пруда, заполненных костями множества животных, и как минимум четырёх человек. Факт, что были найдены только части от крупных животных, предполагает, что остальное было уничтожено на жертвенной трапезе, и если это верно, возможно, та же участь постигла и человеческие существа, так как скелеты были не полными и их кости были смешаны с остальными. Хотя такую находку вряд ли можно точно датировать, экспертиза почвы показывает возраст ранее Железного века, в то время как следы от металлического оружия на кольях свидетельствуют против неолита; обнаруженные поблизости наскальные рисунки Бронзового века дают дополнительное основание для отнесения её к тому же периоду.

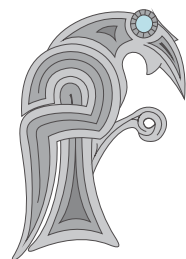
²³ Ebert, VII, p. 133 f.

²⁴ Самосожжение вдовы с трупом мужа (прим. перев.)

²⁵ Ibid. XI, p. 444 f.

²⁶ Ebert, XIV p. 112 f.

²² Osebergfundet (Brugger. Falk, Shetelig: Christiania, 1917), I, p. 249 f.

Также крупномасштабные жертвоприношения при похоронах обнаружены в Швеции времён Вендельских могил, где вождей сопровождало большое количество домашних животных, лошадей, собак, ястребов и других птиц. Опять же, как показывают Гокстадский и Осебергский погребальные корабли в эпоху Викингов вместе с усопшими хоронили многих животных, и особенно лошадей. У нас, однако, нет убедительных доказательств человеческих жертвоприношений. Несомненно, в Осебергский корабль были положены две женщины, и вполне возможно, что одна из них может быть служанкой, убитой, чтобы сопровождать хозяйку, но нарушенное состояние захоронения делает абсолютно невозможным доказательство этого. Там же есть ряд подходящих для рассмотрения могил, куда помещён сопровождающий инвентарь двойного погребения, так как в них оружие и инструменты, и предметы, характерные для мужских могил, встречаются в смешении с теми, что, как правило, ассоциируются с женскими захоронениями — ткацкие принадлежности, утварь, украшения и подобное. Это может означать, что в эпоху Викингов вдов иногда приносили в жертву на погребальном костре их мужей. Шетелиг составил список всех таких могил, известных на 1908 г.,²⁷ и его результаты, конечно, впечатляют; можно заметить, что все его примеры относятся к типу кремаций и датируются эпохой Викингов, и как было указано позже,²⁸ это в основном могилы десятого века. Но в Скандинавии нет удовлетворительных доказательств соответствия их галльскому захоронению эпохи раннего Железа в Тюизи,²⁹ где двадцать восемь из шестидесяти четырех могил содержат двойные погребения, куда помещены тесно обнявшиеся мужчина и женщина в. Однако имеющиеся данные стоит оценивать, принимая во внимание более позднюю литературу

Продолжение следует...

²⁷ Viking Club Saga Book, VI, 1909, p. 180 f.

²⁸ Engelstad, Bergens Museums Aarbok, III, r927, p. 60.

²⁹ Déchelette, Manuel d'Archéologie (Paris, 1908–1914), II, p. 1035 f.

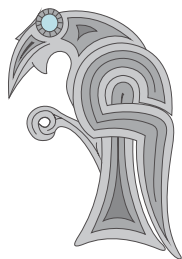

111...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

Волшебные норвежские сказки

Источник: «Образы мира» <http://s-skazka.org.ua/>

Битва йотунов

Высоко в горах все внизу кажется таким ничтожным. В торжественной тишине летит мысль, широко распахнув крылья.

Свет вечернего солнца окрашивает багрянцем одну вершину за другой, будто великое божество степенно обходит свои владения и освещает их огромным фонарём.

Испуганной птицей вздрагиваю я в тревожной тиши каменистой пустыни — малейший шорох отдаётся здесь гулким эхом, как в пропасти. Спокойно и равнодушно взирают на мой смятенный трепет горы. Я ощущаю, как земной шар парит в мировом пространстве, как облака щекочут мне затылок, все вокруг такое величественное, такое пустынное... Смотри, солнце садится! Кровь стынет в жилах, и в сердце рождается отчаянная молитва: «Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня!»

Над головой собираются тучи, предвещая непогоду, ледяной ветер проносится по нагорью, спрашивая на все лады: «Куда, куда?»

Что за чудовищный грохот прорезает тишину?

Тучи наливаются чернотой. И вокруг слышится шелест миллионов дождевых капель, как будто кто-то вдруг разразился слезами от нестерпимой боли.

Из тёмных туч сверкает молния... Горы гудят...

Нет, это не пастух гремит своей колотушкой!

Из тумана раздаётся вопль, такой громкий, что камни осыпаются с гор: «Я хозяин в Иотунхейме!»

И очертания двух йотунов, схватившихся в яростной битве, видны над остроконечными вершинами. Дрожит гора, грохочет лавина. Смотри, кровь плещется, словно горное озеро, тёмное и глубокое!

Во всю ширь открываются небесные шлюзы. Хлещет потоками дождь, грохочет гром, будто небесные тела сталкиваются друг с другом, раз за разом с треском сверкают молнии: это Тор кидает свой молот в Иотунхейм! Прячьтесь, прячьтесь! Смотри, олени кидаются врассыпную, только камни летят из-под копыт: «Клип-клап, клип-клап — прячьтесь!»

Становится темно как в могиле. В горе ворчат сердитые великаны. Огромный молот Тора загнал их туда, заставил спрятаться.

Мягко и тихо падает дождь. Из расщелин и трещин по нагорью далеко разносятся звонкие голоса, рассказывающие об ужасном происшествии. И в звенящей темноте сливаются они в монотонную песню — шелест жёлтой листвы, опадающей с древа жизни.

Но далеко-далеко за горами всё ещё слышится глухое ворчание: «Я хозяин в Иотунхейме. Я хочу быть один. Не смейте нарушать мой покой — покой смерти!»

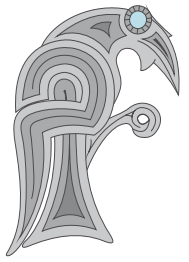

Иллюстрация:
Thor and the Giants M. E. Winge

Волшебные исландские сказки

Перевод первоначально опубликован
на сайте Северная Слава: norroen.info

Лейви и дочь бонда *Leifi og bóndadóttir*

Гисли Конраудссон рассказывает о делах Лейви с Эйриком Норвежцем; тот посватался к дочери бонда из Диньянди в Ёкюльсфирдире, но она отказала ему; тогда Эйрик стал угрожать ей и сказал, что пришлёт к ней сожителя¹. Когда «посланец» явился в Диньянди, Лейви был там гостем; говорят, будто Лейви при помощи травы, которая называется «пугало для врагов» (*Gnaphalium*)², сплетённой в защитные знаки, оградил девушку от друга, так что тот не мог до неё добраться. Затем он бодрствовал рядом с ней больше полумесяца; однажды он, сидя у её изголовья, ткнул длинным ножом над спинкой скамьи и поднял на острие ножа человеческий спинной позвонок; тут снизу кто-то произнёс:

— Воткни ещё!

Торлейв ответил:

— Хватит и одной ошибки за раз³.

Затем драуг исчез, и дочери бонда стало лучше.

Перевод с исландского: Тимофей ЕРМОЛАЕВ
Редакция перевода и примечания: *Speculatorius*

¹ *legunautur* — букв. 'тот, с кем лежат рядом'. Однако слово обладает нейтральным смыслом и не подразумевает тех же известных смысловых коннотаций, которые присущи понятию «сожитель».

² Сушеница норвежская (*Gnaphalium norvegicum*), тж. Сухоцветка норвежская (*Omalotheca norvegica*).

³ *ein bót nægir í senn* — здесь Торлейв отвечает первой половиной рифмованной пословицы, которая цитируется у Йоуна Оулавссона из Грюннавика: *ein bót nægir í senn, segja allir skákmenn* «одного исправления (ошибки) достаточно за раз, как говорят все шахматисты». Смысл, увы, непонятен.

Никита СЕМЕРИКОВ

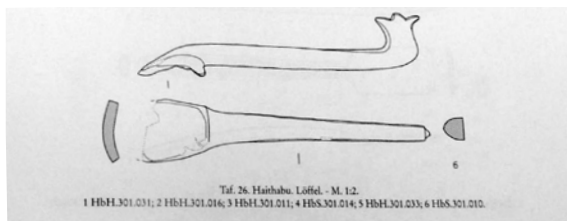
Ложка из Хедебю

Мастерская Свартальфхейм

Приветствую читателей журнала «Северный ветер»! Как вы наверняка догадались, сегодня снова про резьбу по дереву, продолжим наш разговор о предметах быта эпохи викингов.

Прогресс идет семимильными шагами, и подчас мы не осознаем, насколько далеко ушли от наших предков за совсем короткий по меркам истории период времени. Сейчас никто даже не подумает о том, чтобы пользоваться дома деревянной ложкой, а тем не менее еще 150 лет назад артели ложкарей (фото справа) производили тысячи деревянных ложек почти тем же способом, что и их предки за 1000 лет до того.

Конечно, такой объем и специализация не были нужны в раннем средневековье, а простую ложку можно легко сделать и самому. Но сегодня посмотрим на более интересный вариант — находку ложки из Хедебю с крючком на держале для подвешивания.

Это уникальный предмет для эпохи викингов, мне неизвестно о подобных ложках в других поселениях. Конечно, можно сравнить ее с уполовниками из древнего Новгорода, где также на рукоятках был сделан крючок, но все-таки назначение, форма и объем разные.

Уполовник больше и нужен для розлива жидкостей, а ложка — это ложка, нужна для еды, хотя нельзя утверждать, что это не

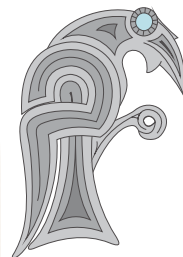

Ложкари. Деревня Чернуха Семеновского уезда. 1897 г.

были специальные ложки для, опять же, раскладывания/розлива чего-либо с возможностью подвесить их на сосуд.

Я резчик, а не археолог, поэтому не знаю всего комплекса находок для этого региона и времени, так что, если кто-то видел подобное, пишите, но уж точно наши ложки — явление не распространенное.

Ну что ж, ближе к делу, начнем работу. Вначале я дал такое пространное и пафосное вступление про предков и традиции работы с деревом, но на самом деле демонстрировать традиционное ремесло не буду, потому как теперь даже самый простой человек имеет доступ к сложному (по меркам людей, живших раньше середины XX века) электрическому инструменту и я в основном работаю в смешанной технике, совмещая современный и ручной инструмент.

Начинается все, как и обычно, с источника и материала. Хорошая прорисовка есть в нашей настольной книге Флориана Вестфала «Die Holzfunde von Haithabu», а материал выберем на основе статистики. Наиболее часто используемая древесина для ложек в европейском регионе — клен. Его и возьмем.

Ложка хоть и имеет достаточно крупный крючок на конце, но все равно помещается в стандартную доску толщиной 5 см, поэтому особых проблем с материалом не имеем.

А дальше идет вполне традиционная работа, знакомая человеку с незапамятных времен.

Размечаем и выпиливаем чем-нибудь. Раньше такую работу, скорее всего, выполнили бы топором, но, имея хорошие современные пилы, не будем мучиться и расходовать материал.

Постепенно приближаемся к желаемой форме.

Тут стоит быть аккуратнее, потому как крючок будет удлиннен не вдоль волокон древесины, а поперек, поэтому я предпочитаю делать его достаточно толстым. Древний мастер считал так же, поэтому толщина крючка около 1 см с небольшим утоньшением к концу.

Еще пилим, чтобы поменьше убирать рубками.

Крючок у нас незамысловато украшен, повторяем его форму по находке.

115...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

На этом этапе можно было бы остановиться, немного подправив форму ножом и ложкорезом, но я предпочитаю снять последний миллиметр шлифовкой.

Почти готово. Обрабатываем ложку маслом с воском.

Вот и все! Ложка — не блюдо, работы поменьше, но есть пара своих тонкостей. Если хотим сделать вещь похожей на археологическую находку, то надо постоянно сверяться с источником, а в нашем случае еще и немного восстановить его, потому что черпало сохранилось не полностью.

В этот раз получилось вполне прилично и похоже. Ложка удобная, хоть и чуть побольше, чем обычно, к тому же ее можно повесить на котелок, крючок, шнур или еще куда.

Благодарю всех за внимание и интерес к моему делу! До встречи!

VK — vk.com/svarthalfheim
Instagram — www.instagram.com/svartalfheim_woodcarving
Facebook — www.facebook.com/svartalfheim.woodcarving

SVARTALFHEIM

SVARTALFHEIM

SVARTALFHEIM

SVARTALFHEIM

SVARTALFHEIM

Скандинавская кухня

Василий БАРИНЦЕВ

Часть 1

СКАНДИНАВСКАЯ кухня (*norroen matargerð*) — традиционная кухня Скандинавии — имеет долгую историю и отличается простотой. Скандинавские страны обладают своеобразной кухней. Скандинавские блюда достаточно простые, но в то же время очень сытные, порой даже тяжёлые, так как основные их ингредиенты — дары моря и продукты сельского хозяйства. Высокая калорийность большинства скандинавских блюд объясняется, в первую очередь, суровым местным климатом. Из-за исторического проживания в суровом климате в скандинавской кухне доминируют продукты животного происхождения. Важными составляющими скандинавской кухни являются мясо (баранина), молочные продукты и рыба, последнее связано с тем, что скандинавы традиционно селились только вблизи побережья. Скандинавская кухня произошла в основном из блюд крестьян и рыбаков и во многом обусловлена скандинавским климатом с коротким летом и длинной зимой. Специфика традиционной скандинавской кухни определяется

ограниченностью ресурсов, высокой доступностью рыбы и необходимостью длительного зимнего хранения продуктов.

Исконная скандинавская культура представляет собой культуру с традиционной экономикой, основанной на натуральном хозяйстве. Исследования показывают, что климат Скандинавии в средние века был намного мягче, чем сейчас, и источники сообщают о выращивании ячменя и овса. Большую часть этих культур потребляли в виде каши или использовали для приготовления пива. Хотя среди сельскохозяйственных животных преобладал крупный рогатый скот, в хозяйствах также выращивали домашнюю птицу, свиней, коз, лошадей и овец. поголовье домашней птицы, лошадей, овец и коз развивалось изолированно, без влияния современной селекции. Поэтому их иногда называют «породой викингов».

В центре длинных домов древних скандинавов обычно горел длинный костёр для обогрева помещения. Вокруг него в полу были вырыты ямы, которые использовались в качестве земляных печей для выпечки хлеба и приготовления мяса. Женщины клали в яму

Интерьер воссозданного средневекового длинного дома в Л'Анс-о-Медоуз в Ньюфаундленде

117...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№40
2023

тесто или мясо вместе с горячими углями от костра и плотно закрывали её на необходимое время. Жидкости кипятили в деревянных чанах, помещая горячие камни из огня прямо в жидкость (практика, которая продолжалась до наших дней). Огонь окружали низкие каменные очаги, но в основном готовка велась на полу.

В средневековой Скандинавии люди питались два раза в день: обед, или *dagverðr*, в полдень и ужин, или *náttverðr*, в конце дня. Еду ели из мисок. Для питья использовались деревянные кружки с откидной крышкой. Позже они превратились в выпуклые бочки, называемые *askar*, используемые для подачи пищи. Высший класс использовал искусно вырезанные рога для питья в особых случаях. Самым распространённым прибором для еды были ложки, сделанные из рога или кости и часто украшенные резьбой. За исключением праздников, когда накрывались столы, люди ели еду с колен, сидя на кроватях, которые стояли вдоль внешней стены дома. Жена крестьянина не только разделявала плоды урожая, мясо и готовила пищу, но и раздавала еду семье и друзьям. В более богатых семьях эту роль поручали специальному дворецкому, которого называли *bryti*.

Для восполнения запасов на зиму особо важным было консервирование продуктов, поэтому многие продукты сушили, маринвали, солили и коптили. С давних пор основным продуктом для жителей Скандинавии являлась сельдь, бедняки ели её четыре раза в день, в каждый приём пищи. При этом сельдь солили, маринвали, вялили и квасили. Благодаря длительному сроку хранения популярной была сушёная рыба клиппфиск. В Средние века возникло традиционное и по сей день блюдо лutfиск, представляющее собой замоченную в щелочном растворе и затем вымоченную в воде сушёную рыбу.

Несколько событий в истории Скандинавии имели особое значение для её кухни. С обращением в христианство в XI-XII веках появились традиция поста и запрет на употребление конины. После принятия христианства лошадей в Скандинавии ели только в крайнем случае.

В древности в каждом хозяйстве была хотя бы одна корова, но наиболее популярной была всё же баранина. Традиционно основным источником мяса были домашние овцы — самые распространённые сельскохозяйственные животные в Скандинавии. Овцы также использовались для производства молока и шерсти. Когда забивали овец (обычно молодых баранов и бесплодных овец), большую часть или всю тушу использовали для приготовления пищи, которую усердно консервировали и употребляли. Традиционно ягнят забивают осенью, когда им больше трех месяцев и они достигают веса почти 20 кг.

Охота на тюленей, особенно на более распространённых морских котиков, была распространена везде, где крестьяне имели доступ к местам размножения тюленей. Тюлень считался ценным продуктом. В то время как баранину почти никогда не ели свежей, мясо тюленя обычно ели сразу, промывая в морской воде, или консервировали в течение короткого времени в рассоле.

Сыр изготавливался из козьего, овечьего, а также коровьего молока. Сыроварение было частью производства для крестьян, что оставляли свои хозяйства (*seljabúskapr*) и с поздней весны жили в хижинах в высокогорье. Там фермеры могли отделить козлят/ягнят от их матерей, чтобы подоить взрослых. Часто они варили сыр, ещё находясь в высокогорье. Это был скур — мягкий сыр, похожий на йогурт, который едят ложками. Вполне вероятно, что преобладание скура в скандинавской кухне привело к отсутствию других традиций сыроварения до современной эпохи, пока в первой половине XX века не началось промышленное производство сыра.

Ранее традиционным напитком была *blanda* — молочная сыворотка, разбавлен-

ная водой. Сыворотка, оставшаяся при приготовлении скюра, скисала и использовалась для хранения мяса. Археологические раскопки на средневековых фермах обнаружили большие круглые ямы в складских помещениях, где хранились бочки с кислым молоком. Две средневековые истории рассказывают о людях, которые спасли свои жизни в горящем доме, сидя погружёнными в бочку с кислым молоком.

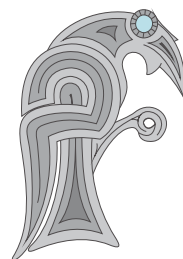
Древние скандинавы хранили рыбу в соли. Однако в Исландии соли было меньше, чем в Скандинавии. Когда в XIV веке чрезмерный выпас скота вызвал нехватку дров в большинстве районов страны, производство соли, которое в основном осуществлялось путём кипячения морской воды или сжигания морских водорослей, постепенно прекратилось. Из-за нехватки дров люди стали использовать в качестве топлива торф, навоз и сушёный вереск. Вместо того чтобы засаливать, жители Исландии начали консервировать мясо в ферментированной сыворотке. Этот метод также был известен из Скандинавии. Средневековые скандинавы использовали ферментацию для консервирования как рыбы, так и мяса, этот метод значительно изменяет вкус пищи, делая её похожей на очень крепкий сыр. Данный метод ферментации до сих пор используется для приготовления мяса акул (хакарль), скатов и сельди. Ферментированные яйца — региональный деликатес, редко встречающийся в наши дни. Также практиковалось копчение и сушка мяса и рыбы, хотя сушка мяса рассматривалась чем-то вроде крайнего средства.

Крайне важным с точки зрения сельского хозяйства и продовольствия стало начало Малого ледникового периода в XIV веке. Похолодание во время Малого ледникового периода сделало невозможным выращивание ячменя. Фермеры больше не могли выращивать ячмень и были вынуждены полагаться на импорт каких-либо зерновых культур. Скандинавия стала зависеть от импорта всех зерновых культур. Вместо более дорогого крупного рогатого скота основным домашним скотом стали овцы. Похолодание также привело к важным изменениям в жилищном строительстве и отоплении: в XIV веке начали развиваться скандинавские дерновые

дома, которые постепенно вытесняли длинные дома. Длинный дом с его просторным залом был заменён скандинавским дерновым домом со множеством небольших комнат, включая кухню. В кухне был приподнятый каменный очаг для приготовления пищи под названием hlóðir.

С XIV века пищу готовили на кухне на каменной плите hlóðir или очаге. Над ним размещали крюки, чтобы удерживать горшки на нужной высоте над огнём. Печи были редкостью, так как для их обогрева требовалось много дров. Выпечка, обжарка и варка производились в чугунных котлах, как правило, импортных. Этот тип жилища использовался и в XX веке.

Историки часто считают Реформацию, начавшуюся в 1517 году, переходным периодом между средневековьем и ранним современным периодом в истории Скандинавии. Сельское хозяйство в Скандинавии продолжало придерживаться традиционных практик с XIV века до конца XVIII века, когда под влиянием эпохи Просвещения были проведены реформы. Скандинавское натуральное сельское хозяйство от средневековья до XX века было ограничено коротким периодом производства (летом) по сравнению с длительным холодным периодом. Помимо случайной дичи, продуктов питания, произведённых в течение трёх месяцев лета (включая консервирование мяса и сыров), должно было хватить на девять месяцев зимы. На протяжении веков методы ведения сельского хозяйства менялись очень мало, а рыболовством занимались мужчины, используя крючки и лески с гребных лодок, построенных из плавника. Крестьяне также владели лодками, поэтому рыбалка ограничивалась периодами, когда рабочие не были нужны для сельскохозяйственных работ. Рыба была не просто пищей, но и торговым това-

ром, и её обменивали на продукты, привозимые иностранными торговыми судами. Люди зависели от торговли зерновыми культурами, такими как рожь и овёс, которые доставляли в Скандинавию датские торговцы. До XIX века подавляющее большинство скандинавских фермеров были арендаторами земли, принадлежавшей скандинавской землевладельческой элите, католической церкви или (особенно после конфискации церковных земель во время Реформации) королю. Фермеры-арендаторы использовали излишки рыбы, жира и масла, чтобы платить землевладельцу взносы за землю.

Значительные региональные различия в натуральном хозяйстве развивались в зависимости от того, жили ли люди близко к океану или в глубине страны. Кроме того, на севере Скандинавии основной период промысла совпадал с осенним периодом сенокоса. Это привело к неразвитости рыболовства, поскольку труд был посвящён сенокосу. На юге, напротив, основной период промысла приходился на период с февраля по июль. Некоторые историки описывают скандинавское общество как крайне консервативное фермерское общество. Из-за спроса на батраков в короткие летние месяцы фермеры-арендаторы и землевладельцы выступали против создания рыбацких деревень. Рыболовство считалось рискованным по сравнению с сельским хозяйством, и альтинги приняли множество постановлений, ограничивавших или запрещавших безземельным крестьянам жить в прибрежных деревнях и заниматься рыбной ловлей.

По причине преобладания натурального хозяйства в Скандинавии у ферм отсутствовала специализация и торговля. Как свидетельствуют некоторые скандинавские саги, внутренняя торговля полагалась ростовщи-

чеством. Однако торговля с иностранными торговыми судами, особенно зерновыми и мёдом, алкоголем и (позже) табаком, была оживлённой и жизненно важной для экономики. Рыболовные суда из прибрежных районов Европы заходили за провизией в скандинавские гавани и торговали тем, что у них было, с местными жителями. Товары включали несвежее пиво, солёную свинину, печеньё и жевательный табак, продаваемые за вязаные шерстяные варежки, одеяла и т. д. Время от времени заходили торговые суда из Голландии, Германии, Англии, Шотландии, Ирландии, Франции и Испании, чтобы продать свою продукцию, в основном вяленую рыбу.

У простых людей различные виды хлеба считались роскошью, хотя и не были редкостью. Кукуруза, купленная у торговца, измельчалась в муку с использованием камня *quern-stone* (называемого *kvarnarsteinn*) и разбавлялась сушёными морскими водорослями и лишайниками. Иногда муку варили в молоке и подавали в виде жидкой каши. Кашу можно было смешать со скурором, чтобы получился *skyrthroeingr*. Наиболее распространённым видом хлеба был хлеб в горшочке под названием *rúgbrauð* — тёмный и плотный ржаной хлеб, напоминающий немецкий пumperнискель, только более влажный. Его также можно испечь, закопав тесто в специальных деревянных бочках в земле рядом с горячим источником и забрав на следующий день. Хлеб, выпеченный таким способом, имеет слегка сернистый привкус. Сушёная рыба с маслом подавалась ко всем блюдам в течение дня, служа той же цели, что и «хлеб насущный» в Европе.

Двухразовое питание в средневековый период было заменено трёхразовым приёмом пищи в раннее новое время; завтрак (*morgunskattr*) около десяти часов, обед

(*nónmatr*) около трёх или четырёх часов дня и ужин (*kveldskattr*) в конце дня. В скандинавских деревенских домах люди ели, сидя на своих кроватях, которые стояли вдоль всей комнаты. Еду подавали в аскарах, низких и выпуклых деревянных бочках с откидной крышкой и двумя ручками, часто украшенными. Еду доставали ложкой из бочонка, а сухую пищу клали

на открытую крышку. У каждого члена семьи был личный аскар для еды, и он отвечал за поддержание его в чистоте.

В 1602 году датский король, обеспокоенный деятельностью английских и немецких судов в своих, как он считал, территориальных водах, установил торговую монополию, ограничив торговлю датским купцам. От них требовалось регулярно отправлять торговые суда с товарами, необходимыми стране. Торговая монополия, установленная датским королём в 1602 году, оказала определённое влияние на кулинарные традиции. В то время как незаконная торговля процветала в XVII веке, с 1685 года правительство ввело более строгие меры для обеспечения соблюдения монополии. Они держались до 1787 года. В результате скандинавские фермеры стали выращивать тип ржи, преобладающий в Дании, и были изобретены бренивин и ак-авит, производимые из ржи. Эти продукты вытеснили другие злаки и пиво. Производство сыра (кроме скюра) в Скандинавии почти исчезло с XVIII века.

В 1783 году случился *Móðuharðindin*¹ — возможно, величайшее стихийное бедствие, обрушившееся на Скандинавию. Десятью годами ранее был снят запрет на проживание датских торговцев за пределами Дании, а пять лет спустя торговая монополия была отменена. Некоторые датские торговцы стали резидентами других скандинавских стран, а некоторые исландцы и норвежцы сами стали торговцами.

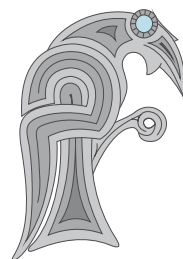
Первыми письменными кулинарными книгами на скандинавских языках были сборники датских рецептов, опубликованные в XVIII веке. Их целью было познакомить современников в Скандинавии с кухней высшего класса из Дании. Рецепты иногда имели «простую версию», в которой использовались менее дорогие ингредиенты (например, для рабочих и горничных). Но задолго до этого датская кухня уже повлияла на Скандинавию через торговлю.

В конце XVII века некоторые фермеры начали возделывать первые огороды, но выращивание овощей не стало обычным делом до начала XIX века, когда Наполеоновские войны привели к тому, что торговые суда стали держаться подальше от Скандинавии. Во время Наполеоновских войн (1803—1815)

наблюдалась нехватка торговых товаров, поскольку торговые суда были отвлечены на войну. Вынужденные полагаться на собственные силы скандинавы начали уделять особое внимание производству и потреблению местных овощей, выращиваемых в течение короткого вегетационного периода. Выходцы из других скандинавских стран, которые принесли традицию огородничества в Исландию, обычно первыми начинали выращивать овощи. Популярными ранними огородными овощами включали выносливые сорта капусты, репы, брюквы и картофеля. Обычно их готовили в Скандинавии в качестве гарнира к мясу и рыбе в варёном виде, а иногда и к пюре с маслом. Большое значение для скандинавской кухни имел завоз картофеля в регион в середине XVIII века. Его подают как в качестве гарнира к мясу, так и отдельных картофельных блюд. Также популярны каши и другие блюда из круп.

После середины XVIII века отношение к конине изменилось. Конина, обычно солёная и подаваемая варёной или в виде *bjúga*, разновидности копчёной колбасы, была распространена в Скандинавии с XIX века. В XIX веке национализм и школы для женщин сыграли важную роль в формализации традиционных методов и формировании современной скандинавской кухни.

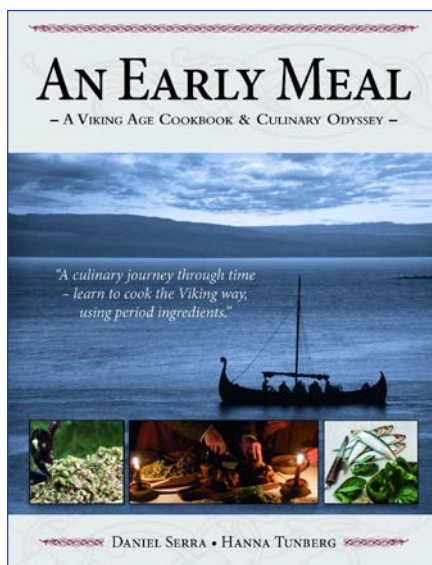

¹ Период в истории Исландии с 1783 по 1785 год, последовавший за извержением вулкана Лаки (прим. ред.).

Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов

Даниел СЕРРА,
Ханна ТУНБЕРГ.
Перевод:
Дмитрий ДАММЕР

Продолжение.
Начало — «Северный ветер»,
30-39 номера.

122

Лофотены

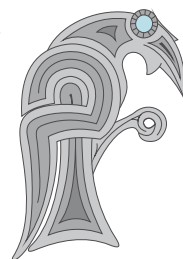
Почти за пределами Норвегии, на краю известного и обжитого мира лежит вереница островов, которые мы называем Лофотенскими. На торговца или приезжего они определенно производят сильное впечатление. Осмелившись на долгое путешествие и преодолев Мальстрем, он прибывает на один из островов с редкими прибрежными поселениями, издалека напоминающий упавшую в море гору.

нить его разве что с большими европейскими церквями.

Пришвартовавшись в одном из фьордов Вествогёй, мы видим еще более впечатляющий пейзаж. На холме в центральной долине, окруженной высокими горами, стоит один из крупнейших длинных домов из когда-либо найденных. Его длина — 83 метра — почти втрое превышает длину обычного длинного дома. Большинство приезжих может срав-

На первый взгляд кажется, что окружающий дом суровый ландшафт вряд ли мог поддерживать жизнь в такой колоссальной постройке, ведь урожаи ячменя явно были скудными. Однако опытному предпринимателю эпохи викингов земля вместе с морем могли предложить хорошие возможности.

Уже в это время одним из важнейших продуктов на Лофотенах была сушеная треска. Судя по всему, ее в том числе экспортировали, поскольку археологический анализ костей трески из Йорка эпохи викингов (Йорвика) показывает, что она была выловлена в Атлантическом океане у берегов Норвегии. Хотя кости могли оказаться в Йорке каким-то иным способом, это свидетельство совпадает с эпизодом из Саги об Эгиле Скаллаgrimссоне. В этой саге мы узнаем, что дядя Эгиля Торольф отправляется в тор-

говое путешествие в Англию, где он продает вяленую рыбу, мех и другие вещи в обмен на мед, пшеницу и вино.

Другие морские ценности, которые могли продавать дальше к югу, включали тюленей, моржей, китов и даже камбалу. Как попавшие на мель, так и пойманные киты служили прекрасным дополнением к повседневному хозяйству. Особенно ценилась ворвань от китов и тюленей. Моржи, кроме прочего, обеспечивали клыки, за которыми активно охотились в Европе того времени.

Пища

Особенные условия на Лофотенах определенно влияли на местную кухню. Что касается злаков, более-менее приличный урожай давал только ячмень, но даже его периодически не хватало, и местный лорд должен был ввозить ячменный солод для варки пива. Другими злаками тоже, скорее всего, торговали, но они считались привилегией наиболее важных персон. В отличие от остальной Скандинавии каши из злаков на Лофотенах были распространены довольно слабо.

Куда важнее были молочные продукты благодаря содержащемуся в них протеину и энергетической ценности. Лишенные деревьев горные склоны и обширные пустоши служили пастбищами крупному рогатому скоту, а также овцам и козам — их пасут там и по сей день — и люди получали хорошие надои жирного молока. Как и в остальной Скандинавии, из него в основном делали продукты долгого хранения — сыр, масло и кислое молоко, а не пили свежим.

Еще одним источником протеина были рыба и морские млекопитающие — треска, камбала, киты и тюлени. Отере, торговец девятого века, утверждал, что во время охоты на кита в Северной Норвегии поймали несколько поистине гигантских животных: *«в длину они доходили до сорока восьми элей (эль — мера*

длины, около 114 сантиметров — прим. перев.), а самый крупный был не меньше пятидесяти [примерно 20 метров]; о них он сказал, что он, один из шести, убил за два дня шестьдесят человек».

Потребляли также и наземных животных, хотя чаще по особым случаям, нежели каждый день. В археологических раскопках на Лофотенах преобладают останки крупного рогатого скота, овец и коз. Кроме них находят и останки дичи, но их очень мало, и похоже, что в местной кухне дикие животные играли весьма незначительную роль. Кроме мяса, ели яйца, их собирали и от домашних кур, и от диких чаек. Хотя о сборе яиц чаек археологических свидетельств не сохранилось, на основе саг и более поздних традиций можно предположить, что такая практика имела место.

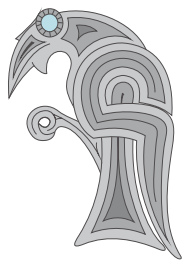
Незвизрая на суровые условия и скудость местной земли, около дома росли даже травы и ягоды, в том числе тысячелистник, марь белая, брусника, морошка и ирга. В длинном доме высушенные ягоды в основном хранили подальше от жилых помещений, в конце того, что, скорее всего, было хлевом. Это говорит о том, что ягоды в основном шли на варку пива и винокурение, а не напрямую в пищу, и помещение, где их хранили, было заготовительным. Есть вероятность, что рабы-трэллы добавляли их в пищу. Поскольку скот в основном пасли именно трэллы, сбор диких трав и ягод был вполне логичным способом разнообразить скромную диету. Из англосаксонских врачебных манускриптов нам известно, что в целом к такого рода собирательству относились с некоторым пренебрежением. Эта дихотомия дикого и возделанного, скорее всего, была характерна и для фермера эпохи викингов. Однако ферма не считалась абсолютной границей. Травы собирали на лугах и рядом

123...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

с фермой, а лесные орехи — в редколесье дальше к югу. Несмотря на это, собирательство все равно считалось занятием в основном пожилых, подростков и трэллей, которые пасли скот на отдаленных участках.

В Норвегии в целом и в Северной Норвегии в частности печей и керамики было довольно мало. Вместо этого здесь применяли сосуды из аргиллита. Вероятно, более богатые семьи для приготовления пиршественных блюд пользовались металлическими приспособлениями — сковородками, вертелами и котелками. В длинном доме на Лофотенах рядом с очагом нашли каменную плиту, на которой, скорее всего, пекли хлеб.

С большой вероятностью можно утверждать, что земляную печь, о которой мы подробнее поговорим далее, в основном ис-

пользовали во время праздничных пиршеств. Судя по большим размерам большинства печей, животных в них готовили целиком, а это снова говорит о том, что нужно было накормить много людей сразу. Хотя в целом земляные печи встречались довольно часто, на Лофотенах у них есть интересная особенность. В то время как в поселениях по всей Скандинавии мы видим много одиночных земляных печей, область, прилегающая к длинному дому на Лофотенах, буквально усеяна ими. Печи на этом поле датируются периодом с шестого века, предшествуя появлению самого длинного дома, вплоть до десятого, когда жители оставили эти земли, отправившись в Исландию. При всем изобилии земляных печей на Лофотенах использовались они, скорее всего, так же, как и в остальной Скандинавии: на пирах, собрания и ритуалах.

Вяленая рыба

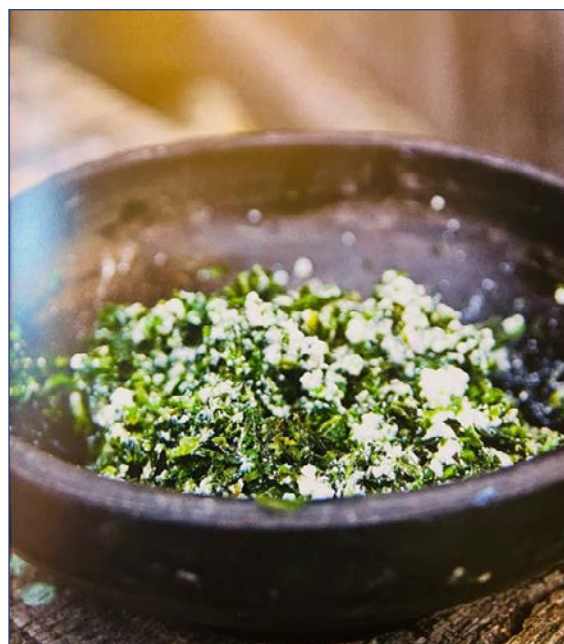
Сушеная треска до сих пор является одним из главных предметов экспорта Лофотенов, и ее по-прежнему готовят традиционным образом. В январе вылавливают треску, которую собираются засушить, отделяют головы и вынимают внутренности. Тушки вместе с головами развешивают на открытом воздухе. Если все идет по плану, то прохладная и жаркая погода высушит внутренности рыбы раньше, чем та начнет привлекать мух или птиц. На улице рыбу оставляют до начала июня, после чего ее можно хранить. К этому моменту треска почти полностью высохнет, соответственно потеряв в весе. Такую сушеную треску Норвегия активно экспортировала уже в Средние века.

Похлебка с сыром и дикими травами

Листья мари белой, 2 столовые ложки подсолненного сливочного масла, мелко порубленный мягкий сыр, молочная сыворотка.

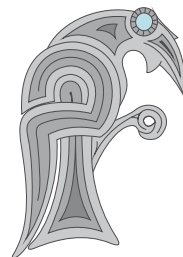
- *Листья варить около пяти минут.*
- *Слить воду.*
- *Листья мелко нарубить.*
- *Растопить в котелке масло.*
- *Добавить в масло сыр, сыворотку и листья, слегка прокипятить, перемешать и подавать к столу*

Кроме ячменя, одним из самых распространенных растений от юга Дании до севера Лофотенов считается марь белая (*Chenopodium album*). При раскопках она часто выглядит как обычный сорняк, но учитывая

ее доступность и тот факт, что листья и семена мари белой в Скандинавии шли в пищу, вполне вероятно, что с той же целью ей пользовались в эпоху викингов.

Рецепт выше — возможный вариант блюда с этим растением, которое могли готовить на Лофотенах. Составляя его, мы вдохновлялись несколькими средневековыми рецептами. Предварительная варка овощей, похоже, была стандартной процедурой в средневековой кухне, поэтому мы тоже включили ее в рецепт. Добавление сыра и молочной сыворотки отражает условия жизни на Лофотенах, где молочные продукты составляли важнейшую часть рациона.

Рецепция древнеисландской словесности в современной исландской графической литературе

Ольга МАРКЕЛОВА

Объектом исследования является несколько образцов исландской графической литературы 2000-2010-х гг., содержание которых основано на произведениях древнеисландской словесности. (В рассмотренных примерах это «Сага о Ньяле», эддические песни «Речи Вафтруднира» и «Прорицание Вёльвы»). Целью исследования является выявить, как именно трансформируется древнеисландский текст при создании графического произведения на его основе. Как показывает анализ примеров, даже при ориентации на молодёжную аудиторию, графическая литература по мотивам древнеисландской словесности, как правило, оказывается не адаптацией, но интерпретацией соответствующих древних произведений, и имеет двойного адресата: «наивные» читатели, впервые знакомящиеся с древней литературой, и «эксперты», способные оценить нюансы авторского толкования.

Ключевые слова: современная исландская литература, рецепция древнеисландской литературы, графическая литература, саги об исландцах, древнескандинавская мифология, «Старшая Эдда».

Важность древнеисландского литературного и культурного наследия для исландской литературы 1990–2020-х гг. очевидна¹. Исландское общество по сей день остаётся литературоцентричным, а древнее литературное наследие имеет в нём статус важного национального символа. Один из способов приблизить это древнее литературное наследие к читателю — создать на его основе современное художественное произведение (например, исторический роман или стихотворение по мотивам известных родовых саг; прозу для детей, основанную на сюжетах из «Старшей Эдды»). Как показывают наблюдения над современным литературным процессом в Исландии, число произведений, вдохновлённых древнеисландской литературой, весьма невелико, но это компенсируется их высокими художественными достоинствами, а также тем, что они широко освещаются в прессе, т.е. быстро попадают в сферу читательского внимания.

При всём жанровом богатстве древнеисландской литературы, в поле зрения её позднейших интерпретаторов обычно находятся только два вида текстов: родовые саги и песни о богах из «Старшей Эдды» (которые могут контаминироваться с сюжетами из прозаической «Эдды» Снорри Стурлусона: авторов интересует прежде всего сам сюжет, а не его интерпретации в разных источниках).

¹ В силу медленной эволюции грамматики исландского языка современные исландские читатели, желающие познакомиться с литературным текстом XIII века, будут нуждаться, в строгом смысле, не в переводе на современный язык, а лишь в лексическом и реальном комментарии. С 2000-х гг. появляются детские переложения значимых образцов древнеисландской литературы, до того они публиковались даже в изданиях, адресованных детям, без каких-либо изменений: предполагалось, что «великое литературное наследие» должно быть понятно каждому исландцу.

125...

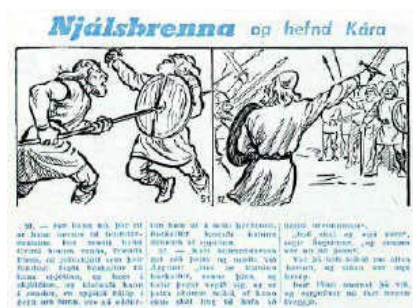
С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р№ 40
2023

Произведения древнеисландской литературы в современной Исландии могут также становиться источниками вдохновения для кинофильмов, и не в последнюю очередь — для графической литературы.

При создании графического произведения на основе древнеисландской словесности древний текст подвергается переводу или адаптации сразу трёх видов:

- «перевод» письменного текста на язык другого вида искусства (в данном случае — изобразительного);
- перевод с древнеисландского языка на современный исландский;
- адаптация к молодёжной аудитории (т.к. именно она прежде всего мыслится в качестве реципиента графической литературы).

Комиксы (как связный графический нарратив) — относительно молодое явление в Исландии по сравнению с другими странами Европы. Собственно исландские комиксы начинают издаваться с конца 1950-х гг. Для нас важно, что в 1959 г. в крупнейшей исландской консервативной газете «Morgunblaðið» публикуется комикс «Njálsbrenna» (Сожжение Ньяля) по известнейшей родовой саге. Автор рисунков — знаменитый исландский художник Халльдоур Пьетюрссон, а в качестве текста используются отрывки из самой саги. (Другими

словами, текст XIII века, к тому же обладающий высоким статусом в культуре, встраивается в пространство комикса, однако это не считается нарушением культурных кодов. Сам текст саги при этом никак не адаптируется: его статус предполагает неприкосновенность).

Расцвет исландской графической литературы начинается с 2000-х гг. Исследовательница Ульвхильд Дахсдоттир называет в качестве основных черт исландских комиксов тяготение к экспериментальности и авангардности в графике, а порой и в содержании, а также непереносимое наличие юмористического или иронического начала. «Героические» комиксы американского или европейского образца в современной исландской графической литературе — редкость. [2, 194].

Объектом данного исследования является несколько образцов исландской графической литературы² 2000-2010-х гг., содержание которых основано на произведениях древнеисландской словесности или тем или иным образом отсылает к ним. Судя по всему, рецепция древнеисландской литературы в современных исландских комиксах исчерпывается изданиями, которые будут рассмотрены далее. Однако эти издания хорошо заметны в современном исландском литературном пространстве, освещены в прессе и востребованы у читателей.

Комиксы на основе «Саги о Ньяле», авторами которых являются Эмбла Ир Баурюдоттир и Ингоульв Эртн Бьёргвинссон — наиболее известные и популярные образцы современной исландской графической литературы на основе древнеисландской словесности. Всего вышло четыре книжки: «Кровавый дождь» (Blóðregn, 2003), «Пожар» (Brennan, 2004), «Убийство зимой» (Vetrarvíg, 2005) и «Герой» (Hetjan, 2007). Событийный ряд саги в них даётся в обратном хронологическом порядке; так, в основу самой первой книги, «Кровавого дождя», легли последние главы саги. Читатель может сам выбирать, читать ли эти книжки в порядке выхода в свет или придерживаться порядка событий «Саги о Ньяле» — в этом отношении его роль активна. Однако воспринимать все эти книжки можно и независимо друг от друга, т.к. в каждой из них сюжет самодостаточен (то есть они организованы по принципу серии, объединённой общим универсумом и персонажами). В качестве сюжетного ядра в каждом случае выбраны наиболее знаменитые и драматичные эпизоды «Саги о Ньяле».

Сами авторы характеризуют свою работу так: «На самом деле наши рассуждения касались того, возможно ли сделать именно исландский комикс, способен ли он вообще существовать... Теперь нужно было проверить, выдержит ли сага испытание современной формой передачи и обращения с материалом в форме комикса». [3, 26].

Эти комиксы были изданы в отделе детской литературы, хотя, по признанию авторов, были задуманы как адресованные всем возрастным группам, возможно, даже в международном масштабе (так как язык изобразительного искусства понятен всем). [3, 27].

² Понятия «графическая литература» и «комикс» в этой статье применяются в качестве синонимов.

Ко всем четырём книжкам предпосланы эпиграфы, как правило, из исландской поэзии XX века (в т. ч. из стихотворений крупного поэта-модерниста Стейна Стейнарра (1908–1958). Образцы современной графической литературы встраиваются за счёт этого в непрерывную традицию исландской словесности всех эпох.

Манера изображения в комиксах по мотивам «Саги о Ньяле» реалистическая. Ульвхильд Дахсдоттир в своей истории графической литературы аттестует их как «стоящие ближе всего к мейнстриму» (т.е. не исландской, а континентальной европейской и американской традиции), «весомые издания в европейском духе с акцентом на реализм в стилистике и подаче материала». [2, 191]. Выбор стиля изображения формирует горизонт читательских ожиданий и с самого начала задаёт направление читательской интерпретации в «героическом» ключе.

Характеристика персонажей нередко передаётся исключительно их графическим обликом. Так, Мёрд, главный инициатор конфликта, приведшего к сожжению Ньяля и его супруги в их собственном доме, изображается как типичный комиковый злодей: всегда в чёрном плаще и со зловещей ухмылкой. [4, 68].

Скарпхединн, сын Ньяля, несдержанность которого лишь усугубляет конфликт, изображён с неизменно саркастическим выражением лица и часто — с оружием. [4, 24–26].

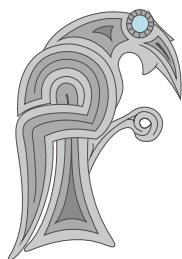
Узнаваемые клише из (зарубежной) культуры комиксов, таким образом, применяются к универсуму родовых саг, — однако в данном случае они идут на пользу, так как позволяют быстрее сориентировать читателя в расстановке сил в конфликте саги, который имеет несколько фаз развития, множество участников и характеризуется сложностью и нюансированностью.

Часть развития конфликта передана только изображениями, без реплик.

Язык реплик отличается простотой, эмоциональностью и современностью (наиболее яркий пример — использование междометия «Vá!» («Wow!») [5, 39]. Хотя «Сага о Ньяле» и дала исландскому языковому узусу множество крылатых цитат (известных даже читателям, слабо знакомым с древнеисландской прозой), в комиксах они почти не представлены.

Авторами было сознательно выбрано свободное обращение с сюжетом первоисточника, т.к. «пересказ в чистом виде — это, с нашей точки зрения, рецепт плохого комикса» [3, 27]. Сюжетные линии во всех четырёх книжках выстроены так, что их с одинаковым успехом могут читать как те, кто хорошо знает содержание саги, так и те, кто сталкивается с её героями впервые. Туда входят далеко не все мотивировки поступков героев, содержащиеся в саге, но для понимания сюжета достаточно и тех, что показаны в самом комиксе.

В комиксах присутствует расхождение с сагой в характеристике некоторых персонажей. Наиболее яркий пример здесь — Храпп, который в книжке «Убийство зимой» однозначно комический персонаж, как правило, попадающий в сомнительные истории и изображающийся

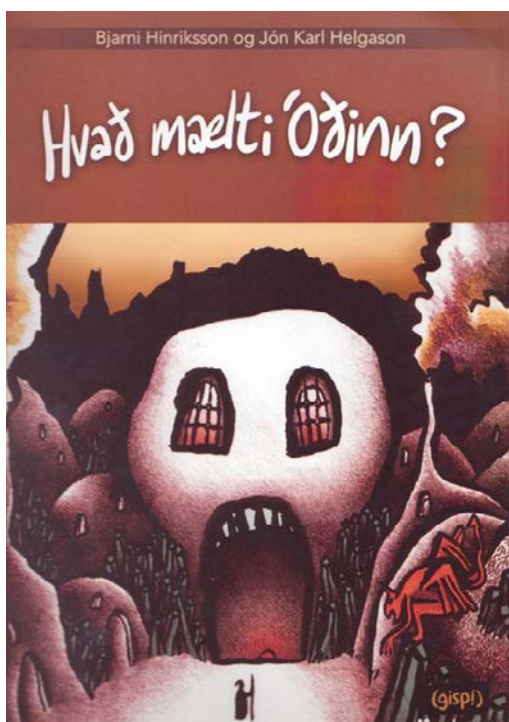

исключительно в нелепом виде, однако в саге он характеризуется как «ógaefumaðr», т. е., тот, кто приносит другим несчастье, и там его роль отнюдь не комическая.

Комиксы Эмблы Ир и Ингоульва Эртна обращены одновременно к двум категориям читателей: «наивным» и «экспертам» [6, 358]. Первые выстраивают своё представление о событиях саги и взаимоотношениях персонажей только на основе того, что сообщает им комикс, вторые — на основе предыдущих знаний о древнеисландской литературе.

Впрочем, здесь уместно задаться вопросом, насколько наивен исландский «наивный читатель». Исландские подростки — потенциальная аудитория этих комиксов — всё же должны до их прочтения иметь то или иное представление о «Саге о Ньяле», так как этот текст хорошо известен в исландском культурном пространстве, к тому же существуют изложения саги для младшего школьного возраста.

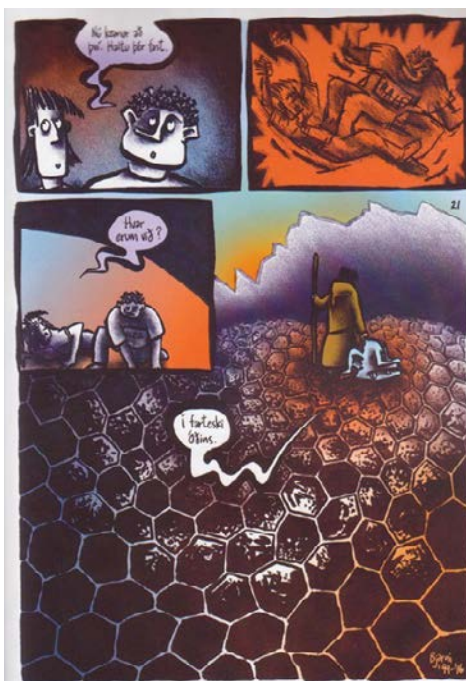
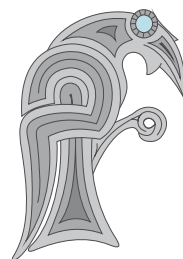
Комикс «Что сказал Один?» (авторы — Йоун Картль Хельгасон, Йоун Хатлюр Стефаунссон и Бьяртни Хинрикссон, 2016) имеет подзаголовок: «Aðlögun á eddukvæðinu Vafþrúðnismálum»: «Адаптация эддической песни «Речи Вафтруднира». Сюжет этой песни таков: Один приходит в чертог великана Вафтруднира и состязается с ним в загадках, посвящённых вопросам космогонического характера. Вафтруднир проигрывает, так как не может ответить на вопрос «Что сказал Один на ухо Бальдру, когда тот лежал на погребальном костре?» (т. е. вопрос, ответ на который заведомо не знает никто, кроме самого Одина) и платит за это жизнью.

Манера изображения здесь тяготеет к той самой экспериментальности, которую Ульвхильд Дахсдоттир назвала характерной для исландской графической литературы. Визуальный ряд напоминает атмосферу страшной сказки или психоделического сна. Изображения чаще всего выдержаны в однотонной цветовой гамме (коричневой или синей), что подчёркивает, что место действия — особый универсум, лежащий по ту сторону мира людей. Жилище Вафтруднира имеет ярко выраженные инфернальные черты: оно подземное, дом напоминает череп с открытыми челюстями; вокруг трона великана сидят существа, напоминающие крылатых чертей; в изображениях преобладают тёмные тона.

Реплики Одина и Вафтруднира в этом комиксе — в стихотворной форме. Если эддическая песнь сложена в одном из древнеисландских аллитерационных размеров шестиштишиями, то в комиксе — двуштишия: разностопные, на основе дактиля, с параллельной рифмовкой и спорадической аллитерацией. В авторском послесловии стиль этих стихов охарактеризован как рэп [7, 34], однако это рэп, лишённый вульгаризации.

Сюжет эддической песни в комиксе перемежается другой сюжетной линией: двое современных юношей, одетые в футболки с надписями «Thor» и «Tales of Asgard», ищут выход

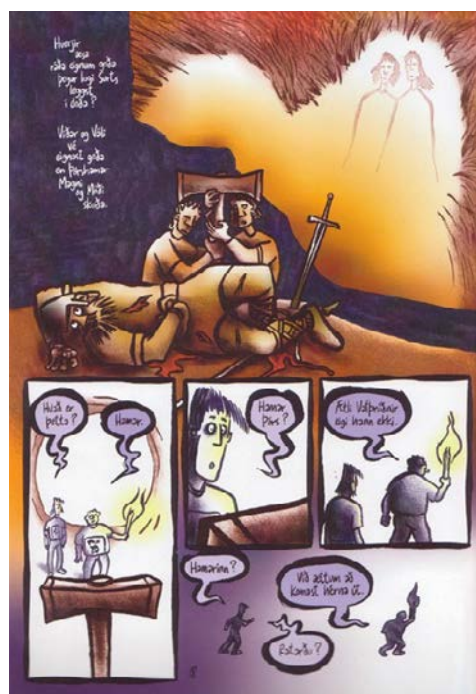
из тёмного лабиринта. При этом они слышат разговор Одина с Вафтрудниром и комментируют его; их реплики даны в прозе. В финале оказывается, что они блуждали внутри головы Вафтруднира, а когда та оказывается срублена, они попадают вместе с ней в котомку Одина.

Этих добавочных персонажей можно интерпретировать как современных читателей, для которых древний поэтический текст — действительно нечто вроде лабиринта, а их восприятие скандинавской мифологии носит отпечаток знакомства с её изображением в современной масскультуре (о чём свидетельствуют надписи на их футболках).

Сама эддическая песнь, лёгшая в основу комикса, заканчивается репликой Вафтруднира о том, что он проиграл состязание в загадках и теперь обречён. В комиксе за этим следует эпизод без реплик, в котором Один отрубает голову Вафтрудниру и стоит с ней посреди подземного зала. Его выход наружу и возвращение домой (а также выход добавочных персонажей вон из головы Вафтруднира) не показаны.

Словесный поединок Одина и Вафтруднира и блуждание добавочных персонажей внутри головы великана можно рассматривать как параллели друг другу.

У этого комикса есть авторское послесловие. Перед ним помещён текст самой эддической песни (в современной орфографии), так что читатель имеет возможность сравнить древний оригинал и современную интерпретацию.

В этом послесловии внимание акцентируется на значении символа головы в «Речах Вафтруднира» [7, 33]. (Надо заметить, что в комиксе этот символ присутствует в гораздо большей степени, чем в эддической песне). Текст послесловия явно принадлежит Йоуну Картлю Хельгасону (который является профессиональным литературоведом, исследователем рецепции древнеисландской литературы в последующие века), содержит ссылки на его научные публикации, однако подписан име-

129...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

нем Gangráður, — т.е. тем именем, которым Один представился Вафтрудниру: игра в загадки в какой-то мере продолжается и за пределами комикса.

Несмотря на то, что на титульном листе «Что сказал Один?» назван «адаптацией», его было бы правильнее охарактеризовать как интерпретацию, рассчитанную на аудиторию, способную оценить нестандартность подхода авторов к материалу «Старшей Эдды». Этот подход к древнему поэтическому тексту уместно назвать постмодернистским, особенно, если учесть, что граница между текстом и миром в комиксе размыта: поиск ответов на космогонические вопросы и поиск выхода из головы великана оказываются одним и тем же. (Возможно, здесь читателю стоит задать себе вопрос, не находится ли он сам в голове Вафтруднира).

Как и в предыдущем случае, потенциальная аудитория этого комикса двоятся: с одной стороны, это подростки, впервые приобщающиеся к древнему культурному наследию (персонажизированные в добавочных персонажах), с другой — искушённые ценители.

В комиксе «Vargöld» (Век волков) (авторы — Торурхалтлюр Артноурссон, Йоун Пауль Халльдоурссон и Андри Свейнссон, 2016) присутствует обобщённый «древнесеверный» универсум, а сюжет нельзя возвести к определённому источнику в древнеисландской литературе, хотя в нём наличествуют мотивы, явно почерпнутые из родовых саг и их позднейших интерпретаций. Универсум этого комикса жесток и трагичен. Основная сюжетная линия посвящена герою, который столкнулся с гибелью своей семьи, в т. ч. беременной жены, от рук своего заклятого врага и теперь мстит ему. Манера изображения — реалистическая, страшное, безобразное и трагическое в ней подчёркнуты.

На первый взгляд «Vargöld» производит впечатление графической литературы в духе общеевропейского мейнстрима, возможно, рассчитанной на международную аудиторию. (Во всяком случае, стиль изображения и развитие сюжета показывают, что авторы явно находились под влиянием зарубежной графической литературы в стиле action). Однако в нём оказывается силён интертекстуальный пласт, связанный с «Прорицанием Вёльвы». Отсылки к этой эддической песни есть уже в названии: «Vargöld» — «Век волков» в «Прорицании Вёльвы» — характеристика последнего века человечества, века катастроф и братоубийства.

Вторая сюжетная линия комикса интерпретирует эддический миф о Рагнарёке; в ней действуют боги: Одину нужно больше эйнхериев, чтоб оборонять Асгард от грядущих опасностей, поэтому он подговаривает Фрейю ссорить людей, чтоб они погибали в боях и отправлялись к нему в чертоги. [8]. Реплики богов даны в стихотворной форме, частично стилизуя эддическую поэзию. В одном из эпизодов содержится стихотворный пересказ той части «Прорицания Вёльвы», где повествуется о сотворении мира. (В гости к герою приходит ведьма, которая рассказывает об этом; её реплики также стилизованы под эддическую поэзию. Чтб оценить эту стилизацию по достоинству, читатель должен быть знакомым с древней аллитерационной поэзией и владеть исландской поэтической лексикой).

Переложение «Прорицания Вёльвы» сочетается с изобразительным рядом, выдержанным в «эстетике ужасного»: мир, о сотворении которого рассказывается в «Прорицании», издается на смерти и крови и в перспективе обречён гибели.

«Прорицание Вёльвы» — несомненно, один из знаменитейших древнеисландских текстов, лучше всего известных международной аудитории. Однако мастерство переложения древней песни на современный исландский язык с соблюдением формы и стилистики могут оценить лишь те, кто хорошо знаком с «Эддой» в оригинале. Таким образом, у этого комикса также оказывается двойной адресат.

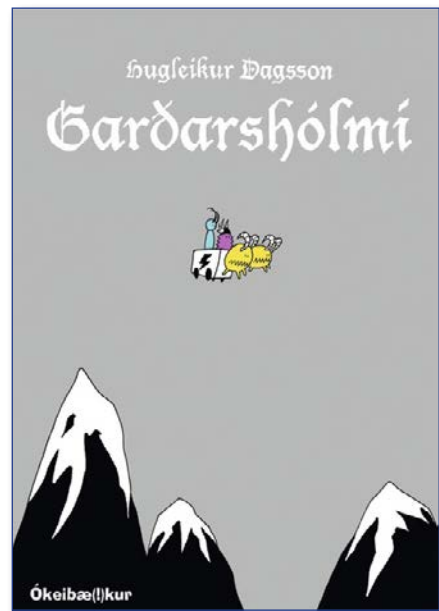
В заключение хотелось бы рассмотреть ещё один образец исландской графической литературы, где задействованы отсылки к древнеисландской словесности — «**Островку Гардара**» (**Garðarshólmí**, 2010) **Хюглейка Дахссона**. Хюглейк — художник, известный далеко за пределами Исландии своими комиксами с легко узнаваемой стилистикой: изобразительный ряд в манере примитивных детских рисунков и провокационная тематика, часто с преобладанием чёрного юмора. «Островок Гардара» первоначально публиковался в телефонном справочнике за 2008 и 2009 годы, затем был издан отдельной книжкой.

В этом комиксе несколько сюжетных линий, его персонажи — сверхъестественные существа из трёх разных эпох: древности (древнескандинавские боги — они подчёркнуто комичны), периода от Средних веков до современности (разнообразная фольклорная нечисть, тролли, колдун-пастор и т. п., сугубо положительные персонажи) и индустриальной современности (инопланетяне и др. существа из научно-фантастического дискурса), а также жители современного Рейкьявика. Название книги отсылает к одному из первых наименований, данных острову Исландии первопоселенцами.

В сюжете есть лежащие на поверхности отсылки к известным древнескандинавским мифам о мёде поэзии и о молоте Тора. Первый в этом комиксе достаётся солистке металл-группы, а второй — мальчику Кнуту, одному из главных персонажей. [9]. Для адекватного восприятия этих отсылок достаточно знакомства с древнескандинавской мифологией в изводе современной поп-культуры (которая также отчасти пародируется в «Островке Гардара»). Так, источником эпизодов, связанных с молотом Тора, здесь явно послужили не непосредственно эддические песни, а американские комиксы «Mighty Thor» (авторства Стена Ли). Эти мифологические отсылки в комиксе помещены в иронический контекст — впрочем, при нарочито примитивизированной манере изображения в принципе невозможно говорить о неироническом отношении к сюжету, персонажам и даже к читателю. (Ульвхильд Дахсдоттир охарактеризовала манеру Хюглейка как «карнавальную». [2, 191])

Подводя итоги, можно сказать следующее. Хотя графическая литература, вдохновлённая древнеисландским литературным наследием, в современной Исландии явно не носит массового характера, даже при малочисленности примеров можно выявить определённые закономерности.

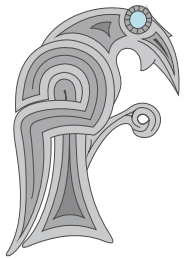
Как правило, за отправную точку при создании графического произведения берётся какой-либо определённый древнеисландский текст (конкретная сага или эддическая песнь). В большинстве своём подобные графические произведения не претендуют на то, чтоб заменить собой древний оригинал. (Из рассмотренных мною примеров на роль «адаптации» претендуют только комиксы Эмблы Ир Баурюдоттир и Ингоульва Эртна Бьёргвинссона по «Саге о Ньяле», с некоторыми оговорками). Они являются не адаптацией соответствующего древнего текста, но интерпретацией. И эта интерпретация может быть весьма нетривиальной. (ср. «Что сказал Один?»). Как правило, у таких комиксов двойной адресат: как «наивные» читатели, так и «эксперты», способные оценить нюансы авторского толкования древнего текста.

Список литературы

1. Íslenskar myndasögur. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://is.wikipedia.org/wiki/Íslenskar_myndasögur
2. Úlfhildur Dagsdóttir. «Myndasögur á Íslandi» // Úlfhildur Dagsdóttir. Myndasagan. Hetjur, skrímsli og skattborgarar. Froskur útgáfa, Reykjavík 2014, bls. 178-197.
3. Embla Ýr Bárudóttir og Ingólfur Örn Björgvinsson «Blóðregn» //Börn og menning. 2. Tbl. 2013, 28. Árgangur, bls. 26-27
4. Embla Ýr Bárudóttir, Ingólfur Örn Björgvinsson. Brennan. Sögur úr Njálu. Mál og menning, Reykjavík 2004.
5. Embla Ýr Bárudóttir, Ingólfur Örn Björgvinsson. Vetrarvíg. Sögur úr Njálu. Mál og menning, Reykjavík
6. Ferrari, Fulvio. «From Saga to Comics: Njáls saga and the Graphic Novels of Embla Ýr Bárudóttir and Ingólfur Örn Björgvinsson» // The Medieval Translator. Volume 12: Lost in Translation? Ed: Denis Renevey and Christiania Whitehead. Brepols, 2009. Pp. 351-361.
7. Jón Karl Helgason, Jón Hallur Stefánsson og Bjarni Hinriksson. Hvað mælti Óðinn? Myndasaga. (gisp!)forlag. Reykjavík 2016. — 36 bls.
8. Þórhallur Árnórsson, Jón Páll Halldórsson, Andri Sveinsson. Vargöld. Fyrsta bók. Iðunn, Reykjavík 2016 (нумерация страниц отсутствует)
9. Hugleikur Dagsson. Garðarshólmi. Ókeibæ. Reykjavík 2010.

Краткий обзор древнескандинавской литературы

Вадим ПЕРМИН

ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКАЯ литература — явление уникальное, ни одна средневековая литература Европы не была так богата и самобытна. Большая часть этого наследия — саги. Слово «saga» происходит от древнеисландского глагола *segja* — говорить, рассказывать¹. В Исландии сагой называлось любое прозаическое повествование как устное, так и письменное². Записывать их начали не ранее середины XII в., после адаптации латинского алфавита к требованиям древнеисландского языка³. Таким образом, термин «сага» в узком смысле относится к нарративным произведениям в прозе, которые сложились в Исландии и материковой Скандинавии в XII-XV вв. Своего расцвета саги как жанр достигают в Исландии в XII-XIV вв.⁴.

Весь корпус древнеисландских саг объединяет то, что в них всегда рассказывается о прошлом. На различиях же основывались попытки их классификации, которые неоднократно предпринимались с середины XVIII в.⁵ Одна из первых, основанная на степени достоверности информации, была разработана П.Э. Мюллером — все саги делятся на исторические и неисторические. Разрабатывались многочисленные классификации по «содер-

жательному» принципу. Сигурд Нордаль предложил хронологический принцип⁶. Принимая во внимание временной разрыв между событием и записью саги, он выделил три группы:

- 1) *samtidssagaer* — саги о современности (о событиях после 1100 г.);
- 2) *fortidssagaer* — саги о прошлом (850–1100 гг.);
- 3) *oldtidssagaer* — саги о древности (до 850г.).

По Нордалю, королевские, рыцарские, епископские саги рассредоточены по разным группам, а сказочные саги отчасти остаются неохваченными. Более актуальной представляется хронологическая шкала, которую использует М.И. Стеблин-Каменский⁷: *fornaldarsögur*⁸ — саги о древних временах (рассказывают о событиях до заселения Исландии), *íslendingasögur* — саги об исландцах или родовые саги (повествуют о событиях

133...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 40
2023

1 М.И. Стеблин-Каменский — Мир саги. Становление литературы. М. 2013, стр. 25.
 2 Г.В. Глазырина — Исландские викингские саги о Северной Руси. М. 1996, стр. 7.
 3 «Латинский алфавит был впервые применён в Исландии для письма на родном языке ещё в начале XII или даже в конце XI века» — цит. по М.И. Стеблин-Каменский — Древнеисландский язык. М. 2014, стр.10.
 4 А.В. Циммерлинг — Мир исландской саги. // Исландские саги. М. 2000, стр. 7-8.
 5 Более подробно история классификации саг освещена в труде Г.В. Глазыриной — Исландские викингские саги о Северной Руси. М. 1996, стр.8-9.

6 Sigurður Nordal — Sagalitteraturen // Nordisk kultur. Stockholm, 1953. Стр.180-273
 7 М.И. Стеблин-Каменский — Древнескандинавская литература. М. 1979, стр. 95-135.
 8 Fornaldarsögur, от forn-öld — древнее, мифическое время. Cleasby Richard, Gudbrand Vigfusson — An Icelandic-English Dictionary. 2nd edition. Oxford, 1957.

«века саг» — первого века заселения Исландии, X-XI вв.), *samtíðarsögur* — *саги о современности* (описывают события в Исландии XII-XIII вв.); кроме того он выделяет *konungasögur* — *королевские саги*, *biskupasögur* — *саги о епископах*, *riddarasögur* — *рыцарские саги* и пр. В современном саговедении принято выделять следующие группы: саги об исландцах (родовые саги), королевские саги, саги о древних временах, епископские саги, Сага о Стурлунгах, рыцарские саги и сказочные саги. К сагам также обычно причисляют ещё две группы прозаических произведений — жизнеописания святых и переводные произведения. В основе такой классификации лежит «содержательный» принцип, и она считается общепринятой⁹. Очевидно, что универсальная классификация саг до настоящего времени не разработана.

В 1828-1830 гг. Карл Кристиан Равн издал сборник саг и прядей (*þættir*)¹⁰, который он озаглавил *Fornaldarsögur Norðrlanda* — Саги о древних временах Северных стран. На основании особенностей сюжета он распределил материал по томам, выделив три группы саг: 1) основанные на древних северных сказаниях; 2) построенные на рассказах исландцев о заморских приключениях; 3) «приукрашенные сказания».

В трёхтомник вошло более тридцати произведений, по определению издателя — «саги, рассказывающие о тех событиях, которые произошли в северных странах, прежде чем в IX в. была заселена Исландия, или, другими словами, ранее того времени, когда появляются достоверные рассказы»¹¹.

9 Г.В. Глазырина — Исландские викингские саги о Северной Руси. М. 1996, стр. 8.

10 Пряди — прозаические произведения малой формы, использованные в качестве вставных рассказов в более крупных произведениях — королевских и, реже, сагах об исландцах и о епископах (А.В. Циммерлинг — Мир исландской саги. // Исландские саги. М. 2000, стр.10; Е.А. Гуревич Древнеисландский рассказ. // Исландские пряди. М. 2016, стр.605; Е.А. Гуревич — Древнескандинавская новелла. Поэтика «прядей об исландцах». М. 2004, стр.6-45; Сага о Финнбоги Сильном. М. 2002, стр. 99).

11 Цит. по Г.В.Глазырина — Часть X. Саги о древних временах. // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия т. V: Древнескандинавские источники. М. 2009, стр. 241.

Таким образом, К. Равн не только ввёл термин «*fornaldarsögur*», но и предложил их классификацию. В настоящее время в саговедении наиболее распространена классификация саг о древних временах, предложенная К. Широм в 1970 г.¹²:

- 1) *героические саги* (основаны на германском героическом эпосе);
- 2) *викингские саги* (рассказы о странствиях героев в других странах);
- 3) *приключенческие саги* (рассказы о путешествиях в далёкие, зачастую вымышленные страны).

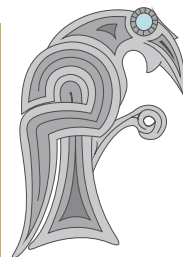
Надо отметить, что границы между этими тремя группами саг, особенно между второй и третьей, недостаточно чёткие. Например, «Сага о Хервёр и Хейдрике» может быть отнесена и к первой, и ко второй группе, а «Сага о Гриме Мохнатые Щёки» занимает промежуточное положение между второй и третьей группами. Некоторые саги («Сага о Рагнаре Меховые Штаны и его сыновьях» или «Сага о Хальве и дружинниках Хальва») обладают чертами всех трёх групп, что не позволяет их однозначно классифицировать. А. Леруа Эндрюс¹³ предложил упростить классификацию *саг о древних временах*, разделив их только на две группы:

- 1) *fornaldarsögur* — исландские переработки германского героического эпоса;
- 2) *lygisögur* — «лживые саги»¹⁴, сюжет которых — сознательный вымысел.

12 Schier K. — Sagaliteratur. Stuttgart, 1970.

13 Abdrews, LeRoy A. — The Lygisögur // Vol. 2. SS. N.Y., 1963.

14 Впервые «лживые саги» упоминаются в древнеисландской литературе в первой части «Саги о Стурлунгах», в «Саге о Торгильсе и Хавлиди», где в рассказе о свадебном пире в Рейкьяхolare (1119г.) говорится: «эту сагу [«Сагу о Хромунде сыне Грипа»] рассказывали королю Сверриру, и он говорил, что такие лживые саги всего забавнее. Однако есть люди, которые могут возвести свой род к Хромунду сыну Грипа». «Сага о Хромунде сыне Грипа» — типичная сага о древних временах. М.И. Стеблин-Каменский — Древнескандинавская литература. М. 1979, стр.127-128; Г.В. Глазырина — Исландские викингские саги о Северной Руси. М. 1996, стр.12-13.

Такое деление саг о древних временах представляется наиболее убедительным, однако нельзя не согласиться с Г.В. Глазыриной¹⁵ в том, что терминология Леруа Эндрюс неудачна. Так, термин «fornaldasögur» в современном саговедении прочно закрепился за группой саг в целом, а термин «lygisögur» неточен по своей сути. Она предложила для первой группы произведений использовать термин *героические саги* (основанные на германском героическом эпосе), а для второй — *викингские саги* (описание викингского похода или путешествия героя в дальние страны).

По классификации Г.В. Глазыриной весь корпус саг о древних временах (fornaldasögur) распределяется следующим образом: *Героические саги*: Сага о Вёльсунгах (Völsunga saga), Сага о Хервёре и Хейдрекке (Hervarar saga ok Heiðreks), Отрывок из саги о нескольких древних конунгах в Дании и Швеции (Sögubrot af nokkurum fornkonungum í Dana- ok Svíaveldi), Сага о Хальве и воинах Хальва (Hálfs saga ok Hálfsrekka), Сага об Асмунде Убийце Витязей (Ásmundar saga karrabana), Прядь о Норна-Гесте (Norna-Gests þáttur), Сага о Хрольве Пешеходе (Göngu-Hrólfs saga), Сага о Гриме Мохнатые Щёки (Gríms saga loðinkinna), Сага о Кетиле Лососе (Ketils saga hængs), Прядь о Сёрли, или Сага о Хедине и Хёгни (Sörla þáttur eða Heðins saga ok Höpna), Сага о Хрольве Жердинке и его витязях (Hrólfs saga kraka ok karra hans), Сага об Ане Сгибателе Лука (Áns saga bogsveigis). *Викингские саги*: Сага о Гаутреке (Gautreks saga), Сага о Рагнаре Меховые Штаны и его сыновьях (Ragnars saga loðbrókar ok sona hans), Сага об Одде Стреле (Örvar-Odds saga), Сага о Хрольве сыне Гаутрека (Hrólfs saga Gautrekssonar), Сага о Хальвдане Воспитанике Браны (Hálfðanar saga Brúnufóstra), Сага о Стурлауге Трудолюбивом (Sturlaugs saga starfsama), Сага о Торстейне сыне Викинга (Þorsteins saga Víkingssonar), Сага о Фридрьове Смелом (Friðrjöfs saga ins frækna), Сага о Хальвдане сыне Эйстейна (Hálfðanar saga Eysteinsonar), Сага об Ингваре Путешественнике (Yngvars saga víðförla), Сага о Финнбоги Сильном (Finnboga saga ramma), Сага о Боси и Херрауде (Bósa saga ok Herrauðs), Сага об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков (Egils saga einhenda ok Ásmundar berserkjabana), Сага о Хьяльмтере и Эльвире (Hjálmþés saga ok Ölvis), Сага о Сёрли Сильном (Sörla saga sterka), Сага об Иллуги Приёмше Грид (Illuga saga Gríðarfóstra), Сага о Хромунде сыне Грипа (Hrómundar saga Gripssonar) и др.¹⁶

Саги о древних временах появляются в конце XII — начале XIII вв., а их расцвет приходится на XIII-XIV вв., хотя отдельные произведения создавались вплоть до XVII в. Несомненно, что сказания и отдельные сюжеты, послужившие основой этих саг, существовали в устной традиции и раньше¹⁷. Сложности классификации саг о древних временах связаны с их чрезвычайной неоднородностью, в то время как объединены они, прежде всего, по хронологическому признаку (времена до заселения Исландии). Однако анализ их структурных¹⁸, художественных и лексико-стилистических¹⁹ особенностей показал, что они имеют ряд общих черт, в первую очередь, — чёткую композицию, которая отличает их от других видов саг²⁰. Большинство саг о древних временах построены по единой схеме: «вводная часть», где сообщается родословная героев и их взаимоотношения; «повествование о юности главного героя»; «мотивация его отъезда из страны»; «приключения в чужой стране»; «заключительная часть», чаще всего описывающая возвращение героя домой. При этом набор сюжетных мотивов весьма ограничен: военный поход, путешествие в дальние

17 Г.В.Глазырина — Часть X. Саги о древних временах. // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия т. V: Древнескандинавские источники. М. 2009, стр. 241
Г.В. Глазырина — Исландские викингские саги о Северной Руси. М. 1996, стр.9, 15-16.

18 Richter-Gould R. — The Fornaldar Sögur Norðurlanda: A Structural Analysis // SS. 1980. Vol. 52, p. 423-441.

19 Hallberg P. — Some Aspects of the Fornaldarsögur as a Corpus // ANF. Lund. 1982. В. 97, p. 1-35.

20 Г.В.Глазырина — Часть X. Саги о древних временах. // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия т. V: Древнескандинавские источники. М. 2009, стр. 241.

15 Г.В.Глазырина — Исландские викингские саги о Северной Руси. М. 1996, стр.13-14.

16 Г.В.Глазырина — Исландские викингские саги о Северной Руси. М. 1996, стр.15-16.

страны, встречи и сражения со сверхъестественными существами. Герой большинства таких саг — конунг или хёвдинг²¹, прославленный викинг и часто имеет исторический прототип. География саг о древних временах охватывает как реальные, достоверно идентифицируемые земли, так и вымышленные страны. Герой встречается с финнами, славянами, бьярмами²², сарацинами, амазонками, кинокефалами, циклопами, драконами, великанами, троллями, ведьмами и др. С одной стороны — это представители реального мира, с другой — персонажи как «родной» скандинавской фольклорной традиции, так и античной или западноевропейской литературы²³. Сверхъестественное настолько органично вплетено в повествование, что воспринимается как само-собой разумеющееся, эквивалентное реалистичному. Характерно также употребление большого количества имён, достоверность которых может быть подтверждена различными источниками; упоминание множества топонимов, которые достаточно точно локализируются; насыщенность правдоподобными деталями (описание вооружения, сражений и т.п.)²⁴. Сюжеты героических саг основаны на общегерманских героических сказаниях и имеют параллели в скандинавских, верхненемецких или англосаксонских эпических циклах.²⁵ Их герои в большинстве своём — легендарные персонажи, а потому легко узнаваемы. Всё это создаёт историко-хронологическую и географическую «системы координат», позволяющие привязаться к действительности. Да и сам язык саги, по выражению А.Я. Гуревича, «подкупающе простой, обыденный... лишённый каких бы то ни было возвышенных красот», способствует стиранию грани между мифом и былью²⁶. Подобное переплетение реалистичных и фантастических элементов повествования характерно для саг о древних временах. ◆◆◆

... 136

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№40

2023

21 Хёвдинг (höfðingi) — букв. «главарь», знатный человек, начальник, глава большого рода, предводитель собственного вооружённого отряда или бондов своей округи. Cleasby Richard, Gudbrand Vigfusson — An Icelandic-English Dictionary. 2nd edition. Oxford, 1957; Сага о Финнбоги Сильном. М. 2002, стр. 117.

22 Бьярмы (Bjarmar) — угро-финское племя (др.рус. — пермь?), населявшее Бьярмаланд (Bjarmaland) — страну на побережье Белого моря. Т.Н. Джаксон — Austr í Gördum. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М. 2001, стр. 37, 144-148.

23 Г.В.Глазырина — Часть X. Саги о древних временах. // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия т. V: Древнескандинавские источники. М. 2009, стр. 242

24 Г.В.Глазырина — Исландские викингские саги о Северной Руси. М. 1996, стр. 21.

25 Сага о Финнбоги Сильном. М. 2002, стр. 101.

26 А.Я. Гуревич — «Эдда» и сага. М. 1979, стр. 116.

ПЕСНЬ О СКАЛЬДЕ

Когда я умру, слез не лейте!
Прощальное слово сказав,
Вы прах мой над морем развейте,
Огню моё тело предав.

Пусть песнь погребальную ветер
Споет напоследок по мне.
О том, что покой я свой встретил
В бурлящей прибрежной волне.

Пускай он поведает скалам,

Что многие годы подряд
Он гнал в этих водах драккары
За славой. Ни шагу назад!

Всех вёл за собой хёвдинг юный,
Отважен был не по годам.
Любимчик Богов и фортуны.
Нес муки и гибель врагам.

Всегда с ним скальд, верный товарищ,
В походах, пирах, на войне.
Средь сечи кровавой не раз уж
Сражались спиною к спине.

А после слагал свои песни
Про доблесть, отвагу и честь.
Дев юных сердец, если честно,
Разбитых оставил — не счесть.

Однажды в засаду попали,
Домой возвращаясь, они.
Отряд окружив их, напали
Как стая шакалов враги.

Сражались, не ведая страха.
Но недруг, подкравшись тайком,
Как трус, в спину скальду с размаху
Ударил калёным клинком.

Но нет, не судьба ему скрыться —
Занес над ним хёвдинг топор...
Как будто в своей колеснице
Явился среди битвы сам Тор.

Закончена битва. Немало
Достойных и славных мужей
Отправилось нынче в Вальхаллу...
И скальд Всеотца зрит уже.

Увидел скальд хёвдинга рядом
И имя его прошептал.
Когда обернулся тот, взглядом
К себе он его подозвал.

«Прощай, друг! До встречи в Вальхалле!» —
Шепнул хрипло, силясь вздохнуть...
И вдаль на горящем драккаре
В последний отправился путь.

* * *

Когда я умру, слез не лейте!
Прощальное слово сказав,
Вы прах мой над морем развейте,
Огню моё тело предав.

Пусть ветер, что волны ласкает,
Нашепчет им песнь про меня,
О скальде споет, ведь, кто знает,
Быть может, тем скальдом был я.

137...

Grimmahugr ORMSTUNGA

A.S.

ГИМН ХЕЛЬ

* * *

Лес уснул под покрывалом белым,
Воды рек сковала толща льда.
Тишина... Всё будто онемело...
Только Хель не дремлет никогда!

Не видать в тумане ни зги.
Предают друзья и враги.
Человек добрее не стал,
Чем в начале мирских начал.

Из глубин веков Хельхеймом правит,
Днём и ночью всё за ним следит,
Щедро всех, кто верен Ей, одарит
И в свой срок как дома приютит.

Проступает в ветрах зимы
Древний старец из сизой тьмы.
Цену знаниям он даёт,
Жребий каждому в свой черёд.

Там, за Гьёлль, в обители туманной
Есть очаг и для души моей.
Гарм и Модгуд всех гостей незваных
Не подпустят к Госпоже своей.

Удивишься, наверно, ты,
Но иллюзии и мечты,
Но надежды тому цена.
Не любовь — закон. А война.

Пусть же помнит Хель о бедном скальде,
Пусть услышит, как он Ей поёт,
Навестит детей своих в Мидгарде,
От врагов, от бед их сбережет.

* * *

Третий год зима, нужда и войны.
Нагльфар к отплытию готов.
Не спастись ни знатным, ни достойным...
Знать уж близко Сумерки Богов.

Автор **Iren Horrors**

▼ Локи

Хульдра ▲

Страничка художника:
<https://vk.com/irenhorrors>

Комикс «Исландская мечта», Глава 5, финальная

Глава 5 СКАЛЬД

ИСЛАНДИЯ.
ГОД 998 -Й.
УСАДЬБА ТРОНДА ИЗ ЯСТРЕБИНОЙ РОЩИ.

СТАЛЮ ЗА ОТКАЗ
КАК ПОЗИТИВНО. НО НЕ ИНТЕРЕСНО.
ИНТЕРЕСНО ТО, ЧЕМ ТЫ ЗАПЛАТИШЬ
ЗА СОГЛАСИЕ.

НЕ МНИ О СЕБЕ
СЛИШКОМ МНОГО, ТРОМ.
СТАТЬ У МЕНЯ ВСЕГДА
С СОБОЙ.

И ЧТО ЖЕ?
ТЫ УБЕДИШЬ МЕНЯ СЕЙЧАС?
НА ГЛАЗАХ У ВСЕХ МОИХ ЛЮДЕЙ?
ПОПРОБУЙ. НЕ СОВЕТУЮ МЕНЯ ЗЛИТЬ.
ТЫ НЕ ВЫЙДЕШЬ
ОТКУДА.

НЕ ДАЛЕЕ ЧЕМ ГОД НАЗАД ТЫ
УБИЛ БЬОРНА О ВЕТРЯНОГО МНСА.
ЕГО ОТЕЦ БЫЛ БРАТОМ МОЕГО ОТЦА.
МОЖЕТ БЫТЬ, МНЕ СЛОЖИТЬ ЛЕШЬ О ТОМ,
КАК В ДОМЕ У ТРОИМ ОКАРА АСАКАОМА
НАСТИГЛО ВОЗМЕЗДИЕ ЗА БЕЗЗАКОНИЕ,
КОТОРЫЕ ОН УЧИНИЛ В ДОМЕ
У ВЕТРЯНОГО МНСА?

ЧЕСТНО ГОВОРЯ,
Я И САМ БЫ УБИЛ БЬОРНА,
НО ТУТ ПОЯВИЛСЯ ТЫ И СДЕЛАЛ ВСЕ САМ. ТЫ
ИСТИННЫЙ ПОСЛАНЦЕЦ ГОСПОДА. ТЕПЕРЬ Я ХОЗЯИН
ВСЕЙ ДОЛИНЫ. БУДЕМ СЧИТАТЬ ЭТО УСЛУГОЙ.
И ТОЛЬКО ПОЭТОМУ Я ПРЕДЛАГАЮ
ТЕБЕ СДЕЛКУ.

Я СДЕЛАЮ ТО,
О ЧЕМ ТЫ ПРОСИШЬ.
ПРОСЛАВИМ КОРОЛЯ И
ЦЕРКОВЬ В ПЕСНЯХ,
КОТОРЫЕ БУДУТ ПЕТЬ ВЕЗДЕ
НО, В ОБМЕН, МНЕ НУЖНО,
ЧТОБЫ ТЫ ПОДДЕРЖИЛ
МЕНЯ НА АЛЬТИНГЕ.
Я ГОТОВЯСЬ СТАТЬ
ЗАКОННОС ОБЪЕДИТЕЛЕМ
И ТЫ МНЕ В ЭТОМ
ПОМОЖЕШЬ.

НАДАВИ НА КОГО
НУЖНО, ЗАПУГАЙ.
У ТЕБЯ ЭТО ХОРОШО
ВЫХОДИТ.

ЕСЛИ
ОТКАЖЕШЬСЯ, ТО
УМРЕШЬ ПРЯМО ЗДЕСЬ.
Я СОЧИНО ОБ ЭТОМ ПИЩЬ
И О ТВОЕЙ БЕЗОСЛОВНОЙ
СМЕРТИ БУДУТ ПОМНИТЬ
НА ПОКОЛЕНИЯ
ВПЕРЕД. ВСЕ
ЗАВИСИТ ОТ
ТЕБЯ.

НУ,
ЧТО ОКАЖЕШЬ?
СОГЛАСЕН?

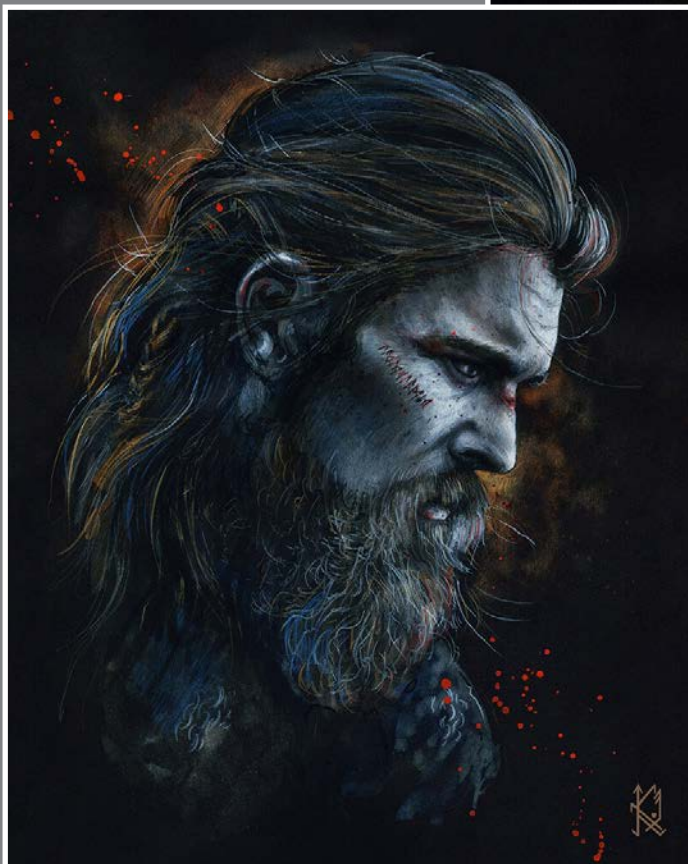
▲ Фенрир

▼ Топ

Один ▲

АВТОР **Kate Vigdis**

Странички художника:

https://m.vk.com/kate_vigdis_art

https://www.artstation.com/kate_vigdis

АВТОР Anette Pirso

Страничка художника:
<https://www.instagram.com/anetteprs/>